

Оксана Кириллова

Делия

Она вошла в мою жизнь в седьмом классе.
В сам этот класс она вошла парой дней раньше —
мудая, высокая для своего возраста и смитан взгляд,
что и, как мне запомнилось в первую очередь. Делителю
«брате» родствен, или нет, черт знает, делителю же явде
лицо... «Да она же вся немыслима!» — ажуря и от
делителю оскаретая.
Монета, сител, всем неа студю, и в дте не дубиле.
тес чут и не кепель вторел и вонка отел
и как дурасел жемучия, но
она сител жемучия
вонка

Оксана Кириллова

Делия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36625400

SelfPub; 2023

Аннотация

Что может быть важнее дружбы для девочки-подростка? Лучшая подруга – единственная, кого хочется видеть каждый день, кому можно доверить любой секрет, кто никогда не подведет... К сожалению, идеалы Оли рушатся: самый близкий человек предает ее. Но она уверена: следующая подруга точно будет идеальной. А еще Оля обязательно встретит прекрасного парня, совсем не похожего на двоечника Колю, от взгляда на которого не первый год ёкает сердце. Но так ли нужно стремиться к совершенству?..

Оксана Кириллова

Делия

«Дружба – это любовь без крыльев»

(Дж. Гордон Байрон)

Часть 1

«Самое подлое преступление –
злоупотребление доверием друга».

(Г. Ибсен)

Она вошла в мою жизнь в седьмом классе. В сам этот класс она вошла парой дней раньше – худая, высокая для своего возраста и слишком яркая, что ли, как мне подумалось в первую секунду. Длинные черные ресницы, алые губы, чересчур загорелое для января лицо... «Да она же вся накрашенная!» – ахнула я от запоздалого осознания.

Может, сейчас, десять лет спустя, я бы уже и не удивилась – сейчас чуть ли не каждая вторая девчонка старается выглядеть как взрослая женщина, – но для двенадцатилетней меня так сильно накрашенная не на праздник и не на карнавал ро-весница была... ну, все равно что шестнадцатилетняя мать – случается, конечно, но дикость какая-то. Еще, наверное, дело было в особенностях нашей интеллигентной школы – в

моем классе еще не красился никто, даже Ирка, у которой уже – обалдеть! – был парень.

– Знакомьтесь, это Анфиса, – произнесла наша классная руководительница. – Теперь она будет учиться с нами.

Анфиса?! Я в жизни не знала ни одной Анфисы. Разве что обезьянку из детской книжки.

Эта девица на обезьянку была не похожа. Пожалуй, ее можно было назвать красивой, и, судя по надменной улыбке, она это прекрасно знала. Оглядевшись, я с неудовольствием заметила, что Коля Гусев, по которому я тайком вздыхала уже год, уставился на новенькую не мигая, даже рот забыл закрыть.

– Садись, Анфиса, – проговорила наша классная, и девочка уверенным шагом направилась к свободному стулу за партой Коли.

И это при том, что после зимних каникул еще не все вернулись с отдыха, а несколько человек умудрились простудиться, так что пустых мест в классе было предостаточно – одно из них, кстати, было рядом со мной.

– Привет. – Она очаровательно улыбнулась, присаживаясь возле Коли.

– Угу, – выдавил он из себя, все еще не отрывая от нее взгляда.

Следующие два дня Анфиса сидела за его партой, а я старалась не смотреть в ее (в их) сторону. А потом она взяла и пересела ко мне – просто подошла перед уроком биологии,

поставила сумку на мой стол и скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла:

– Я с тобой, хорошо?

«А если я отвечу «нет»?» – коварно метнулось у меня в голове, и я мысленно ухмыльнулась, представив, как сотру с ее лица эту самодовольную улыбочку. Но бунтарем я бывала только внутренне – реально же отказать кому-то было для меня тяжелейшим испытанием.

– Конечно, – отозвалась я.

Небрежный тон – все, на что я оказалась способна.

– Да ладно, не дуйся. – Анфиса внезапно приобняла меня за плечи, как старинную подругу, и я, не удержавшись, слегка поморщилась.

В то время я еще терпеть не могла тактильные контакты, особенно со случайными людьми – это потом, уже через несколько лет, я – думаю, в силу психологических причин – вдруг стала яростно обожать их, и по телу пробегали приятные мурашки, даже когда, взявшись за поручень в автобусе, я ненароком задевала чью-то руку.

– Я не дуюсь на тебя, с чего бы, – буркнула я.

– Ну да. Чтоб ты знала, сидеть с Гусевым – жуть! Он все время заглядывает в тетрадь через плечо – он что, ни по одному предмету у вас не успевает? А вчера от него вообще целый день жутко пахло луком! Так что мой тебе совет: найди объект для грез получше.

– О чем это ты? – чересчур, кажется, сильно изумилась я.

– Ладно, проехали, – махнула рукой Анфиса. – До конца перемены еще пять минут. Может, пройдемся по коридору?

– Ну давай, – пожалала плечами я.

Простуда моего соседа по парте переросла в пневмонию, и весь следующий месяц мы с Анфисой беспрепятственно сидели вместе. Моя неприязненность к ней постепенно сменилась настороженностью, а затем – непреходящим интересом. Эта девчонка каждый день кощунственно расширяла границы моего сознания, делая то, чего я даже представить себе не могла.

Начну с того, что через полторы недели нашего общения она заявила:

– Теперь мы можем считаться подругами, так что называй меня Линой.

– Линой?! Почему? – вполне закономерно удивилась я.

– Я разрешаю друзьям называть себя *настоящим* именем.

– А разве твое настоящее имя не Анфиса?

– Ох, – закатила глаза она. – Ну, пока – да, Анфиса. Но как только мне исполнится восемнадцать, я сменю имя и стану Ангелиной! Мама говорит, это блажь и она никогда такого не позволит, но в восемнадцать-то лет я уже смогу делать все, что захочу! Ты только представь: все начнут называть меня Линой только через шесть лет, а ты – уже сейчас! Правда, здорово? Это как предсказать будущее!

После этого разговора я, ошеломленная новой для меня идеей присвоить чужое имя, некоторое время почти всерьез

размышляла о том, чтобы тоже когда-нибудь поменять свое простенькое – Ольга – на более роскошное. Даже сборник имен полистала и как бы невзначай спросила маму, почему она не назвала меня Мирандолиной или Грациэллой. Та – чего и следовало ожидать – несколько секунд хохотала, а потом спросила, чем меня не устраивает мое имя. «Да вроде бы всем устраивает», – подумав, ответила я, но в этот же вечер выпалила Анфисе по телефону (привычка болтать друг с другом даже после школы начала формироваться уже тогда):

– Знаешь что, называй меня Златиславой!

– Как?! – подавилась от смеха Анфиса.

– Зла-ти-сла-вой! Золото и слава. Красиво же?

– Ты что, тоже решила сменить имя?!

– Не знаю, может быть...

– И как же тебя будут звать сокращенно? Златой?

– Нет, «Злата» мне не очень нравится.

– Тогда, может, Славой?

– Это же мужское имя! Более того, так звали паренька из нашего двора, который вечно кидался в меня снежками. Я так рада, что он наконец переехал...

– Вот видишь, это имя тебе не подходит, – насмешливо резюмировала Анфиса.

– Сама уже поняла, – фыркнула я и замолчала, листая сборник имен. – Я тут еще несколько вариантов отметила... может, Вивиана?

– Вива или Аня? Кстати, героиню «Красотки» звали Ви-

вьен, а она была проституткой.

– Тьфу ты господи! Тогда... Дизидерия!

– Чего?!

– О`кей, нет так нет... а вот... Делия. Просто и со вкусом.

– А ничего звучит. И сокращений не надо, – согласилась

Анфиса. – Делия Плотникова...

– Что-то не очень сочетается.

– Уж получше, чем Дизидерия. К тому же тебе же еще замуж выходить. Если изменишь имя, как я, в восемнадцать, там до замужества уже рукой подать, – уверенно заявила она.

– И опять менять паспорт, – вздохнула я.

– Это верно. Так что лучше сделать все сразу.

– В смысле?

– Ну, выйти замуж в восемнадцать и сразу сменить имя.

Или подождать до двадцати, когда все равно надо получать новый паспорт...

– Долго ждать.

– Я тоже так думаю. Значит, в восемнадцать, решено.

Имя Делия ко мне как-то не пристало, зато моей новой подруге емкое и красивое Лина подходило куда больше, чем неуклюже-старомодное Анфиса, так что с тех пор я называла ее именно Линой. Вскоре я уже не могла представить для нее другого имени, а настоящее, которым называли девочку остальные, стала воспринимать как что-то вроде нелепого прозвища.

На следующий же день после дискуссии об именах Лина поразила меня снова.

На уроке географии большей части нашего класса раздали скучнейшие доклады про полезные ископаемые. Записывая свою тему, я с неудовольствием подумала о том, что придется перерыть весь книжный шкаф в поисках нужной энциклопедии или, чего доброго, тащиться в школьную библиотеку. В то время интернета почти ни у кого не было – сейчас, конечно, такое и представить трудно. «Ну, может, пойду вместе с Линой – хоть не так скучно будет», – утешила я себя, но в следующую секунду вышеупомянутая тяжело вздохнула:

– Ох, опять раскошелиться на Зойку...

– Какую Зойку? – не поняла я.

– Да соседку мою. Ей родители карманных денег почти не дают, вот и приходится заниматься такой ерундой. Берет она, слава богу, не очень много... за биологию на прошлой неделе всего сто пятьдесят взяла, а там ведь не доклад, а целый реферат был...

– Стой, ты платишь кому-то за рефераты?! – изумленно перебила Лину я.

– Ну да, – безмятежно отозвалась она – так, будто это было чем-то само собой разумеющимся. – Неохота мне время тратить. Этот докладик обойдется, думаю, рублей в сто – больше я за него не дам, пусть и не просит.

– И давно ты таким образом... учишься?

– Прикинь сама: переехали мы с родителями накануне

Нового года, и с Зойкой, которая с нами на одном этаже живет, я стала общаться почти сразу. Значит, практически с первого дня учебы в этой школе.

Несмотря на то что с начала ее учебы «в этой школе» прошло на тот момент не более двух недель, нам уже задали несколько рефератов и докладов по разным предметам, и по некоторым мы даже успели отчитаться. Я не могла поверить, что тот интереснейший доклад про русскую культуру тринадцатого века, во время которого никто, кроме выступающей, не вымолвил ни слова и все взгляды были обращены на нее (Коля Гусев при этом, разумеется, снова забыл закрыть рот), подготовила не Лина, а какая-то Зойка за сто рублей. Конечно, Лина неизбежно вносила свою лепту – хорошо поставленным голосом с правильными интонациями и своевременными паузами... да и, что уж там, эффектным внешним видом. И все же, если она читала чужой доклад, это сильно портило мне впечатление.

Впрочем, впоследствии то ее признание не раз удерживало на весу мою самооценку: если подруга превосходила меня в учебе (что происходило довольно часто), я находила повод приплести к этому Зойку. Даже когда Лина писала и сдавала контрольные на моих глазах, я убеждала себя, что Зойка рублей за триста решила для нее все возможные виды задач по теме и листок с решениями был незаметно вложен в тетрадь Лины. Хотя в глубине души я понимала, что в алгебре, геометрии и физике подруга и без всякой Зойки соображает

раз в сто лучше меня.

Что обидно, на самостоятельных она никогда мне не помогала. Сосредоточенно утыкалась в тетрадь, и все, что от нее слышала, было «а, да, сейчас, минутку» и «сама пока не знаю, как решить, соображу – скажу». В итоге я все ждала, пока Лина найдет для меня минутку, сообразит и скажет, как решать задачу, потом учителя с криками «все, время вышло!» вырывали у всех тетради, и всегда создавалось впечатление, что Лина тоже мало что успела – она вечно что-то дописывала в последние секунды... Но потом выяснялось, что она получила пятерку, а я – четверку, а то и трояк.

Я старалась не обижаться – все-таки она объективно была слишком занята, чтобы еще и помогать мне. Но я-то помогала ей всегда – в русском, в литературе, в английском – во всем, в чем она была слабее меня. Иногда Лина сдавала полностью решенные мной тесты по английской грамматике, в то время как я еще и наполовину не справилась со своими. Нет, я не хвастаюсь – для меня это был вовсе не подвиг, просто я так представляла себе дружбу: на первом месте друг, а потом уже ты сам. Конечно, немного обидно, когда у друга по отношению к тебе совершенно другая, скажем так, философия, но это его личное дело, считала я.

Вскоре мы с Линой договорились с классной, что будем все время сидеть вместе (не думаю, что моего бывшего соседа по парте это сильно расстроило, тем более теперь он смог пересесть поближе к друзьям). Наша неразлучность оказа-

лась очень удобной для нас обеих. У меня за шесть лет так и не нашлось в классе близкой подруги, так что больше никто на мое общество сильно не претендовал. Несмотря на несомненное обаяние Лины, очереди из подружек к ней тоже не выстраивались. Да, она была новенькой, ее связи в коллективе не успели укрепиться, но дело было не в этом.

Внимания на нее обращали больше, чем на кого-либо. Ею интересовались, к ней присматривались, но она была для одноклассников кем-то вроде диковинной птицы. Подозреваю, в основном потому, что первой из наших девочек начала вести себя женственно – краситься, слегка кокетничать, стараться произвести впечатление... никто тогда еще этого не умел.

– Ох и скукотища тут у вас, – как-то заявила мне Лина.

Был перерыв, мы стояли у подоконника неподалеку от кабинета биологии и ели один «Твикс» на двоих.

– В смысле? Почему? – переспросила я.

– Никто не делает макияж, почти ни у кого маникюра нет, все девчонки с хвостиками ходят... в той школе, где я училась, все класса с пятого начинали себя в порядок приводить.

– С пятого?! Да ладно!

– Ага... А отношения? Я тут уже три месяца, и за это время почти не наблюдала, чтобы кто-то с кем-то встречался! Ну, Ирка со своим, слышала, рассталась, – а другие? У некоторых, конечно, все как на ладони – взгляды, странные шуточки, неестественное поведение... но в итоге ничего серьез-

ного.

– Все как на ладони? – заинтересованно перебила я. – Ты хочешь сказать, что у нас в классе кто-то в кого-то влюблен?

– Конечно, ты – в Гусева, – невозмутимо выдала Лина.

– Хватит уже, – смутилась я. – Ерунда...

– И все-таки. А он влюблен в... как ее... Брасову.

– А разве не в тебя?

– Нет, мной он переболел почти сразу, и я нравилась ему чисто внешне, а к Наташе у него что-то посерьезнее... видела, как он на нее смотрит? Она недавно забыла в кабинете перчатки на последнем уроке и успела уйти на улицу, так он схватил их и мчался за ней, не успев даже пальто надеть, аж до светофора! И все равно у них ничего нет.

– Как это ты все замечаешь? Вроде вместе ходим, – недоумевала я, стараясь не показать, как меня задела новая информация: на Лину-то я, ясное дело, не злилась, но вот Брасова с того момента, сама того не подозревая, стала вызывать во мне исключительно неприязнь. И что в ней такого? Типичная «серая мышь»...

– У меня – наблюдательность, интуиция и кое-какой опыт, – подмигнула Лина, – который мне подсказывает, что в нашем классе умеют целоваться от силы человек пять.

– Разве этому надо учиться?

– В том-то и дело, что нет. Умеют те, кто пробовал.

– А ты пробовала? – доверчиво спросила я.

– Спрашиваешь! Конечно, – отозвалась Лина важно, и

тут, к несчастью, прозвенел звонок, пришлось поторопиться в класс.

Сколько я ни пыталась потом вывести подругу на эту тему, все было безрезультатно.

Это занимало меня, но недолго: вскоре возникли более серьезные вопросы. Летом предстояла сдача наших первых экзаменов – и разделение по профильным классам. Здесь наши с Линой дороги должны были разойтись: я, ясное дело, собиралась в гуманитарный, она – в физмат.

– Но все же не так плохо, правда? Пусть мы не будем сидеть вместе на уроках, но можно же встречаться каждую перемену, идти в буфет, правда же? – тормозила я подругу в надежде услышать что-нибудь вроде «разумеется, куда ж мы друг от друга денемся», но она отвечала нечто неопределенное типа «надо еще экзамены сдать».

Мне слабо верилось, что Лина сомневается в своих силах – ей, с ее ярко выраженными способностями к точным наукам, ничего не грозило. Да и вряд ли кого-то собирались исключать: провалившихся пока направляли в общеобразовательный класс. Правда, его расформировывали через два года – уж если к тому времени человек не определялся с профилем, ему приходилось уходить в школу попроще. Наша-то считалась одной из самых престижных в городе.

Маловероятно было, что мы с Линой обе не поступим и застрянем в «простом» классе – иными словами, разлука была почти неминуема. Но по непонятным мне причинам ей не

хотелось это обсуждать. В какой-то момент я даже обнадежилась, решив, что ей тяжело об этом думать. Но, к сожалению, я ошибалась.

Мне отчетливо запомнился наш диалог в середине мая – было совсем тепло, только что закончилась череда праздников, и на душе у обеих было легко – ни о каких экзаменах не думалось. Мы болтали о всякой ерунде, а потом все-таки вышли на учебную тему, но прошли по ней как-то поверхностно.

– Говорят, с тройками в этом году в профильные классы не принимают, – лениво поделилась я (все равно мы не относились к «опасной» категории: у меня намечалось всего три четверки, а у Лины – вообще две, а о тройках речь не шла).

– Думаю, принимают. Иначе бы общеобразовательный класс лопнул. Но да, когда я сюда поступала, мне сразу сказали, что, если я хочу проучиться здесь больше полугода, лучше все-таки закончить седьмой класс без плохих оценок.

– Слушай, а ты в той школе хорошо училась?

– Ага. Мне с подружкой повезло, – усмехнулась чему-то Лина.

– А, с подружкой типа Зойки?

– Типа тебя, Оль.

– В смысле? – Я никак не могла понять, шутит она или нет.

– Ну, она была почти как ты, только ты лучше!.. Послушай, ты читала этот дурацкий параграф по географии про мелиорацию? Я чуть не уснула на пятой строчке.

– Я тоже дальше не продвинулась... А расскажешь мне про эту подругу?

– Далась она тебе!

– Да ты вообще мне ничего не рассказываешь, особенно в последнее время, – в конце концов разобиделась я. – Подумать только, я ни разу не была у тебя дома!

Это была моя больная тема: Лина жила в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от школы, а до моего дома нужно было либо ехать, либо идти минут сорок – тем не менее до и после уроков мы постоянно сидели у меня. Лина была знакома с моими родителями и частенько обедала и ужинала у нас (мама даже стала готовить больше супа, чтобы я кормила ее), а я даже ни разу не видела ее семью. Лина просто не приглашала меня к себе.

«Куда смотрят ее родители? – недоумевала моя мама. – Их дочка постоянно проводит время у нас, а они даже не хотят с тобой познакомиться! Совершенно невоспитанные люди. Они случайно не из деревни? А кем работают?». Этого я, к несчастью, не знала – как и многого другого. В разговорах со мной Лина почти не упоминала ни свою семью, ни других друзей (если они вообще были), лишь изредка – прошлую школу, в основном для сравнения с теперешней. Насколько я могла судить, единственным большим достоинством той, старой, школы было ее расположение – во дворе дома, в котором тогда жили Лина и ее родители. В остальном же – и в уровне образования, и в контингенте – она сильно уступала

нашей.

Может, Лине, проучившейся там шесть лет, и казалось, что учебное заведение сильно проигрывает от того, что в его коридорах на каждом углу не обжимаются одиннадцатилетние накрашенные девочки и их ровесники-мальчики с бутылкой пива в одной руке и сигаретой в другой... Если так, то у нас ей действительно должно было быть смертельно скучно. Краситься она так и не бросила – дань традициям.

Больше ни о чем из своего прошлого она мне не рассказывала. И тут – нате! – еще какая-то подруга всплывает, и о ней Лина тоже не хочет говорить...

Видя, что моя обида не произвела на нее должного впечатления, я с нажимом повторила:

– Ты вообще все от меня скрываешь! И я ни разу не была у тебя дома!

– Мы недавно переехали, еще не до конца все обустроили, сейчас идет ремонт... – рассеянно произнесла она то, что я слышала уже раз сто.

– А я думаю, дело не в этом, – упрямо заявила я. – Ты просто не хочешь пускать меня на свою территорию. Ты не доверяешь мне или не слишком мной дорожишь.

Мне, разумеется, мечталось, чтобы Лина начала меня переубеждать, но она не стала заниматься такой ерундой и сделала вид, что все же решила пролистать параграф про мелиорацию.

На тех выходных она ни разу не позвонила. Это стало для

меня неприятным сюрпризом, и из гордости я решила тоже не звонить ей – подумаешь, какая цаца, еще не хватало за ней бегать.

А в понедельник меня ожидало потрясение.

По дороге на первый урок я столкнулась с девчонкой из параллельного класса – мы всегда любезно здоровались, но почти никогда не заговаривали друг с другом, я даже не помнила ее имени. Поэтому сильно удивилась, когда после обычного «привет» она остановилась и обратилась ко мне:

– Как выходные?

– Хорошо, – информировала я слегка настороженно.

– Чем занималась?

– Я... ну... сходила с родителями в кафе... сделала уроки... фильм посмотрела, – послушно перечислила я, недоумевая, чего она от меня хочет.

– А Лина сказала, ты очень занята, – протянула девочка (кажется, Настя, припомнила я).

– Ты видела ее? – машинально спросила я, прежде чем до меня дошло: она сказала «Лина», а не «Анфиса». С каких пор это ее близкая подруга?!

– Вообще-то, она в субботу отмечала свой день рождения.

День рождения?! Каким-то нечеловеческим усилием я совладала с собой и забормотала:

– А... ну да... знаешь... мы с ней отпразднуем отдельно... вдвоем... мы же лучшие подруги... Я и забыла, что со всеми *остальными* Лина отмечала в субботу. А кто был при-

глашен?

– Всего нас было шестеро, – с готовностью сообщила Настя. – Я, она, Соня, Лиза...

– Соня и Лиза? Из «В» класса, что ли?

«Но Лина с ними никогда не общалась! По крайней мере при мне...»

– Да, именно. А из вашего были Пашка Журавлев и Коля Гусев. Кстати, Анфиса с Колей весь вечер флиртовали – сначала инициатива исходила от нее, а он очень смешно смотрел на нее и краснел, но потом Коля осмелел и даже, кажется, номер телефона у нее попросил! Ох, никак не привыкну называть ее Линой. – Девочка посмотрела на часы и сразу заторопилась. – Ладно, сейчас алгебра, надо идти... Слава богу, что у вас с Анфи... с Линой все хорошо. Я уж побоялась, что вы поссорились, а она нам не сказала. Было бы обидно – вы такие хорошие подруги.

До последнего времени – до последних пяти минут, вернее – я тоже так думала, но свалившаяся на меня информация отдалила нас друг от друга на пару тысяч километров.

Когда я вошла в кабинет, Лина была уже там, на своем обычном месте. Только рядом с ней, где должна была сидеть я, почему-то расположилась Соня Калинина из класса «В». Они о чем-то увлеченно болтали. Как только я приблизилась, Соня вскочила:

– О, вот и Оля! Все, убегаю к себе. Зашла на пару минут обсудить день рождения Лины. Как жаль, что ты не смогла

прийти – было здорово! Лин, тогда на перерыве в буфете, как договаривались.

Соня быстрым шагом покинула кабинет, а я, присев на ее (то есть на свое, вообще-то) место, спокойно и, как мне казалось, с достоинством спросила:

– И что все это значит?

– А что такое? – невозмутимо отозвалась Лина.

– Еще спрашиваешь! – Самообладание покинуло меня довольно быстро. – Ты перестаешь со мной общаться, не звонишь, а теперь от каких-то чужих людей, с которыми ты в жизни не дружила, я узнаю, что у тебя был день рождения и ты не только не пригласила меня, но и не удосужилась сообщить...

Я остановилась, обнаружив, что моя речь сильно напоминает речи нашей дальней родственницы тети Розы, которая звонит раз в месяц, чтобы пожаловаться на то, что мои родители и я совсем ее забросили и не приезжаем в ее Урюпинск. Каждый раз она говорит одно и то же, поэтому, когда на радиотелефоне высвечивается ее номер, мы всегда начинаем спорить, чья на этот раз очередь взять на себя разговор с ней. Из опыта общения с тетей Розой я уяснила для себя, что ныть и жаловаться на невнимание бессмысленно – это только раздражает людей и усугубляет ситуацию.

– М-м... разве ты не была занята? – чертя на полях тетради узоры, равнодушно произнесла Лина.

– Я? Занята? Да с чего ты взяла?

– Мне казалось, ты говорила, что куда-то собираешься с родителями на выходных, вот я и не стала тебя огорчать и не сказала, что отмечаю.

Я озадаченно перебила:

– Что-то такое я тебе говорила, да... неделю назад. Мама планировала съездить на дачу, но потом мы перенесли на следующие выходные: у папы побаливает нога, и мы...

– Значит, следующий уик-энд у тебя тоже занят? Жаль, мы с друзьями едем за город кататься на роликах.

– «Тоже» здесь неуместно, а «друзья», я подозреваю, все те же?

– Соня, Настя...

– О господи. Лина, опомнись! С каких это пор они стали твоими друзьями?!

– Я много общалась с ними, когда ты болела.

– Когда я... а, ты имеешь в виду те два дня, которые я пропустила из-за насморка? Поразительно. Ладно, а почему именно они?

– А почему нет.

Не зная, что на это ответить, я помолчала, а потом постаралась как можно более безразлично осведомиться:

– А с Журавлевым и... Гусевым ты тогда же успела подружиться?

– Да я их просто так пригласила, – скучающе отозвалась Лина. – Тоскливо, когда одни девчонки. Пусть, думаю, будет пара ребят из класса... они вроде самые нормальные.

– Гусев нормальный?! Двоечник, от которого пахнет луком?!

– Потихе, он недалеко сидит, услышит еще.

– О, тебя еще начало волновать, кто что услышит и подумает! С чего вдруг такие перемены?

– Что-то биологичка не торопится, – будто не слыша меня, меланхолично заметила Лина.

– Понимаю, тебе не терпится – сегодня ведь день докладов, и Зойка наверняка приготовила тебе хорошую работу, пока ты флиртовала с Гусевым и болтала со своими новыми друзьями! – не удержалась я.

Тут она наконец сообразовала на меня посмотреть – устало и слегка недовольно.

– Тебе не надоело меня отчитывать, а? Не устраивает что-то – так и не общайся со мной, я разве заставляю? Хоть вообще отсыдь.

– Ты серьезно? Но нам чуть больше недели осталось вместе сидеть – тебе на это плевать?!

– Не драматизируй. Хочешь сидеть здесь – сиди, не нравится – иди. Все просто.

– А, вот как? Ну и отлично. Я пойду. – Я схватила сумку и вскочила с места. – И, знаешь, уже не вернусь!

– Понятно, – незатейливо среагировала Лина, не отвлекаясь больше от рисования своих узорчиков.

Похоже, происходящее впечатляло только меня – и, возможно, Наташу Брасову, которая отвлеклась от репетицион-

ного чтения своего доклада и с удивлением наблюдала мое стремительное путешествие на другой ряд.

«А мне-то зачем было уходить? Я, в отличие от Лины, на том месте с пятого класса сижу! – запоздало подумала я. – Ну да ладно. До конца учебного года – всего ничего. А потом... потом – удачи ей в физмате!»

Тут я резко выпрямилась – до меня дошло... «Ах, ну раз ТАК...»

– Вы представляете, я вдруг поняла, по какому принципу Ли... Анфиса подобрала себе этих новых... приятелей! – рассказывала я за ужином родителям (очень уж хотелось поделиться с кем-то своим возмущением). – Все они – и Соня, и Лиза, и Настя, – по-моему, собираются в физмат! И гарантированно туда попадут – я слышала, учатся все они хорошо и экзамены выдержать должны... Та же история с Пашкой Журавлевым. Только с Гусевым не сходится.

– Гусев? А кто это? – поинтересовалась мама. – Ты никогда о нем не упоминала.

Ну разумеется – о мальчиках, к которым была равнодушна, я старалась не говорить с родителями вообще: боялась чем-то выдать себя. Вряд ли они стали бы ругаться или смеяться, но мне точно было бы неловко.

– Одноклассник, – коротко ответила я, но потом зачем-то ожесточенно добавила:

– Да что о нем упоминать – учиться плохо, ни на что не годен... ему прямая дорога в общеобразовательный класс.

Папа изучающе поглядел на меня и тут же снова уткнулся в свою тарелку. Неужели догадался?

– Почему тогда Анфиса его пригласила? – спросила мама (а она, похоже, не догадалась).

– Не знаю.

– Может, твоя теория неверна? Что, если она просто заметила, что отношения со своим классом не клеятся, и решила проявить инициативу, заодно подключая людей из параллели?

– Что это вдруг – в середине мая? Раньше ее все устраивало. И вообще – как же я? Почему она больше не хочет дружить со мной?! – Главный из беспокоящих меня вопросов я выпалила чуть ли не со слезами на глазах.

– Ну... вы не будете учиться вместе... – начала мама неуверенно.

– Поэтому – и только?!

– Слушай, Оль, не страшно, – вмешался папа. – Эта Анфиса мне все время казалась какой-то странной. И к себе тебя ни разу не позвала. Невелика потеря – в гуманитарном классе найдешь себе новых подруг, в сто раз лучше, и забудешь о ней.

Я энергично помотала головой и гордо выдала:

– Я не она, и я не забуду самую близкую подругу только из-за того, что мы с ней не сможем сидеть за одной партой

на уроках.

– Самую близкую подругу? – переспросил папа. – Вот оно что. А что для тебя дружба?

– Дружба... это почти как любовь. То есть... почему почти? Это и есть любовь.

– Тогда что для тебя любовь?

– Любовь – это когда человек для тебя всегда самый лучший, что бы он ни делал. И ты всегда на его стороне. На его и только на его.

– Но это уже фанатизм какой-то, – вмешалась мама, почему-то встревожившись. – Тогда выходит не дружба, а обожествление. К тому же друзей может быть много – не будешь же так поклоняться каждому из них?

– Друг должен быть один, – убежденно произнесла я.

Переглянувшись, родители пожалы плечами.

До экзаменов мы с Линой и словом не перекинулись. Остаток учебного года я досидела в одиночестве – она тоже, но ее одиночество вообще как будто не имело для нее особого значения и было в целом эпизодическим. Пусть на уроках она ни с кем не болтала, зато перерывы никогда не проводила одна. Слоняясь по коридорам в нетерпеливом ожидании окончания перемены, я все время заставляла ее в окружении подружек.

Таинственный флер, заставлявший всех чуть ли не почтительно держаться от Лины на расстоянии, исчез: теперь она

была душой компании, хохотушкой и милашкой. Куда делась та эксцентричная особа, которую я знала? Как бы то ни было, она осталась в выигрыше – я же радовалась только тому, что учебный год вот-вот закончится и пытка не продлится долго. Я тосковала, не знала, куда деть время, и постоянно ловила себя на мыслях вроде «отличная шутка, Лине понравится» или «она просто упадет, когда я ей расскажу!», а потом вспоминала, что мы больше не общаемся, и ощущала странную пустоту в душе.

«Ведь у меня и до нее не было близких подруг – чем же я занималась на перерывах? – спрашивала я себя. – Не скучала же... читала книжки, повторяла уроки, болтала с кем-то, пила чай в буфете... почему теперь все это кажется таким вымученным, вынужденным – убийством времени?»

Иногда проскальзывала мысль о том, что можно было в принципе не уходить от Лины так демонстративно. Ей, видимо, совершенно все равно, а если бы мы не поссорились «официально», то, может, немного ее внимания перепадало бы и мне... Но нет, останавливала я себя, это пораженческая психология, пусть знает: со мной так обращаться нельзя! Она не позвала меня на свой праздник, променяла меня на других подружек и фактически сама предложила мне отсесть – разве после такого примирение возможно?! Я распляла себя этими воспоминаниями, чтобы убедиться, что все правильно, все как надо. Но был ли какой-то толк от моей правоты?

Наконец учебный год закончился. Это принесло огромное облегчение: по крайней мере мне не приходилось сталкиваться с Линой каждый день, да и слоняться в тяжелых раздумьях было некогда, ведь я готовилась к экзаменам. И все-таки иногда накатывала грусть. Я даже всплакнула над голливудским фильмом о брошенной невесте: мне были понятны ее боль, растерянность, обида и ощущение одиночества.

Поступить в гуманитарный класс оказалось легче, чем я думала. По английскому я ответила без запинки, на истории нам разрешили рассказывать свою любимую тему, ну а написать сочинение для меня никогда труда не составляло. За десять дней я выдержала все три экзамена – два на «отлично», да и в результатах третьего не сомневалась (оценку должны были объявить через пару дней).

Впервые за последний месяц у меня было великолепное настроение. Я сдала сочинение первой и летела по школьному коридору словно на крыльях – мне казалось, что я лечу навстречу светлому будущему. Скоро, уже очень скоро – новое расписание уроков... Висевший рядом с учительской график занятий восьмого гуманитарного класса всегда был предметом моей зависти – сплошь русский, английский, литература – ну просто мечта! Новые учителя, новые одноклассники... много людей из других школ... и среди них, возможно, – моя будущая любовь (на сей раз взаимная)! И, уж конечно, новая лучшая подруга.

Мы будем сидеть вместе до конца одиннадцатого класса. Вместе плясать на выпускном. И, чем черт не шутит, может, на один факультет поступим! Но это потом. А пока – мы станем проводить вдвоем все свободное время. Придумывать общие шутки – никто не сможет понимать их, кроме нас, и это сблизит нас еще больше. Будем есть мороженое весной и летом на лавочке и болтать обо всем, засиживаться друг у друга допоздна, а потом возвращаться к себе и продолжать общение уже по телефону. Утешать друг друга в тяжелые и просто «смутные» времена. Ревновать друг друга к бойфрендам, но давать полезные советы в случае проблем с ними. Вместе ходить по магазинам и дискотекам (может, когда-нибудь я полюблю танцы?), коллекционировать бесполезных ухажеров. Зимними вечерами мы будем мечтать об отдыхе на море – вдвоем, разумеется – и когда-нибудь, пусть после школы, непременно исполним эту мечту...

Что еще? Сидеть на одном стуле, когда не хватает мест, а иногда и когда хватает – просто так, от гипердружеской нежности. Ходить иногда за ручку (думая об этом, я даже как-то забыла, что ненавижу тактильные контакты)... слушать в плеере любимые песни и распевать их вдвоем, шагая по центральной улице города (пусть я и равнодушна к музыке)...

О, у нас будет замечательная дружба – лучшая в классе, в школе, в мире. Все умрет от зависти. И Лина, конечно, тоже: у нее с ее подружками никогда так не будет...

Мысли о Лине слегка омрачили идиллическую картину,

которую я себе нарисовала, и я нахмурилась.

– Привет! Что такая недовольная? Как экзамены?

Я чуть не подскочила от неожиданности. Передо мной стояла Настя и, как всегда, приветливо улыбалась.

– Отлично! – мгновенно засияла я – Лина компания должна видеть, что я прекрасно себя чувствую и не думаю страдать. – Сочинение написала только что – думаю, успешно. Остальные пятерки.

– Молодец! – искренне, кажется, обрадовалась Настя. – Я тоже все хорошо сдала. Только что вот геометрию на «пять» ответила...

– Здорово... Ответила? Разве геометрия не письменный экзамен?

– Не совсем. В билете две задачи и одна теорема. Отвечаешь устно теорему, а решение задач проверяют прямо у тебя на глазах и сразу объявляют оценку. Волнительно, конечно... Лина все строила из себя супермена, а сама, по-моему, дрожала, как осиновый лист. Надеюсь, ей повезло с билетом.

– А... она еще сдает?

– Да, сейчас в кабинете. И Соня с Лизой тоже там. Я первая из нас отмучилась.

«Из нас»... дружная компания... эх... да ну, бред. Не может у четырех человек быть такой же тесной дружбы, как у двух. Дружить со всеми – это все равно что ни с кем.

– Не хочешь со мной их подождать? – внезапно предложила Настя.

– Зачем? – удивилась я.

– Поздравишь Лину с успешной, надеюсь, сдачей... думаю, ей будет приятно... а то вы что-то совсем перестали общаться, – заметила она.

– У нас разные интересы, – независимо отозвалась я, не представляя, впрочем, что это за «интересы».

– Так что, не хочешь подождать?

– Почему же. Подожду, – внезапно согласилась я.

Помню, когда выяснилось (еще давно), что почти все экзамены мы с Линой сдаем в одни и те же дни, я представляла, как, едва получив свою оценку, я сломя голову буду мчаться к ее кабинету и гипнотизировать взглядом дверь, пока она не откроется и счастливая Лина не устремится ко мне. А если ее экзамен закончится раньше моего, то, наоборот, я, выйдя в коридор, застану там ее... Но теперь вместо меня ее ждет новая подруга, а я лишь случайно проходила мимо.

И все равно – хотя бы из уважения к бывшей дружбе – я дождусь Лину, поздравлю, пожелаю ей удачи на новом пути и потом уже гордо удалюсь. Пусть мы больше и словом не перекинемся, но сейчас... сейчас я должна.

Долго ждать не пришлось. Не успели мы с Настей подойти к кабинету, как из-за его двери выскочила Лина и, не пытаясь скрыть радость, прокричала:

– Я! Ученица! Физмата! Все!

– Что, «пять»? – зашебетала Настя, прыгая вокруг нее. – Да? Ура, ну какая же ты молодчина! Поздравляю, однокласс-

ница!

Они крепко обнялись, и теперь только из-за Настиного плеча Лина заметила меня, стоявшую слегка поодаль. Видимо, не зная, как реагировать, она быстро отвела взгляд. Порадовавшись ее растерянности и тут же почувствовав себя хозяйкой положения, я поспешно подошла и произнесла:

– Привет. Я тоже только что сдала последний экзамен. Решила вот подождать...

– А, ясно, – небрежно отозвалась Лина. Даже не спросила, как я сдала!

– Послушайте, – вмешалась Настя, – а не отметить ли нам в кафе, когда все освободятся? Мороженого поедим... Оль, давай и ты с нами!

– А зачем ей? Наверное, она со своими одноклассницами отметит, – без всякого выражения сказала Лина, обращаясь к Насте, будто меня и рядом не было.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась та. – Человек, между прочим, специально тебя ждал, а ты...

– Да нет, ты права, – заявила я, глядя прямо на Лину. – У меня другие планы. Я узнала, что с экзаменами у тебя все отлично – этого достаточно. Поздравляю, удачного лета.

– Ага, спасибо, и тебе.

В ее голосе не было ни скрытой обиды, ни злости, ни нарочитого пренебрежения – гораздо хуже: ей просто было все равно. Первоначальная растерянность уступила место вежливому безразличию.

Но что я ей сделала? Она уже наладила связи с будущими одноклассниками – почему она не хочет даже, чтобы я посидела с ней и ее подружками полчаса в кафе? Неужели я своим видом испорчу ей праздник? Может, она затаила на меня обиду? Но на что? Нет, так нельзя оставить... надо все выяснить.

– Я ухожу, – сказала я, снова посмотрев Лине прямо в глаза. – Позвони мне вечером. Пожалуйста. Надо поговорить.

– Ладно, – пожалала она плечами – странно, что не добавила что-нибудь вроде «надо так надо» – прямо Золушка, на которую свалили еще одну обязанность.

– До связи. – Я упорно сверлила ее взглядом, и она быстро опустила глаза.

– Пока.

По моим подсчетам, вечер начинался в пять.

– Шестнадцать часов – это еще день, а семнадцать – уже нет, правильно? – уточнила я у родителей, когда мы пили чай с тортом, купленным в честь окончания моих экзаменов.

– Верно, – отозвалась мама. – Да ты не волнуйся. Сейчас темнеет поздно. Может, она гуляет еще.

– Может...

Я посмотрела на часы (восемнадцать сорок) и на радиотелефон, который начиная с семнадцати ноль ноль таскала за собой даже в ванную. От моего взгляда телефон внезапно

ожил и зазвонил.

– Вот и твоя подруга, – улыбнулся папа. – Что же ты, отвечай.

Но я знала, что это не она, еще до того, как посмотрела на дисплей: аппарат издавал такие натужные звуки, будто ему было крайне сложно донести до нас свою мелодию. Так он «напрягался», только когда звонила тетя Роза.

– Пожалуйста, не бери трубку! – взмолилась я (мама уже протянула руку к телефону). – Это надолго, а я жду звонка!

– Это разве не... о господи. Только ее не хватало. А я смотрю, что-то ты не торопишься отвечать. Кто разговаривал с Розой в прошлый раз?

– Думаю, я. Точно я, – отозвался папа, сразу повеселев: его очередь теперь нескоро.

– А до этого? – осведомилась мама, все еще держа руку над усиленно звонящим телефоном.

– Я, – пискнула я, хотя была уверена в сказанном лишь процентов на пятьдесят.

– Да хватит! Ты была уже давно. По-моему, я.

– Боюсь, ты огорчишься, но это была Оля, – вмешался папа.

– Что, теперь я?! Ну нет. Хоть раз можно и не ответить вообще, – мгновенно приняла решение мама. – Можем мы, в конце концов, уйти куда-нибудь!

– Если не перезвонить ей хотя бы завтра, в следующий раз она будет больше обычного ныть о том, что ее все игнориру-

ют, – предостерег папа.

– Так перезвони!

– Я?! Я-то почему?! Очередь твоя!

– Я пропускаю свою очередь!

– Так нечестно! И вообще, если пропускаешь, следующая все равно Оля, а не я!

Пока родители спорили, телефон прекратил самоистязание и затих, и я вздохнула с облегчением. Даже если завтра придется выслушивать двойную порцию тети Розиных излишаний, главное, чтобы сегодня вечером телефон не был занят. Это важно.

Однако я, похоже, напрасно беспокоилась: было семь, а Лина все еще не думала звонить. Точнее, я не могла знать, что она там думала, но что не звонила – это факт.

«А когда бы это сделала я на ее месте? – размышляла я, смывая Fairy с тарелок (чтобы занять себя делом, я вызвалась помыть посуду). – Мне сказали «вечером» – и я подумала: «Ну что ж, часиков в восемь»... Так? Да, скорее всего, не в пять. Мама Лины рано ложится, так что это должно случиться до десяти. Но до десяти еще три часа!»

Признаться, я редко проявляла такую фантазию в выборе занятий, как в тот вечер: закончив с посудой, я сплела фенечку (вторую или третью в моей жизни), прочитала страниц десять первой попавшейся книги (первым попавшимся оказался словарь ударений), полистала фотоальбомы, попробовала даже порисовать. Отказалась от идеи посмотреть

фильм или послушать музыку: возникала опасность не услышать звонок. Ожидание мое было терпеливым, упорным и преданным и продолжалось до тех пор, пока мама, войдя в комнату, не сказала:

– Слушай, мне кажется, твоя Анфиса уже не объявится. Может, она просто забыла?

Чудовищное и обидное предположение, и все же я ухватилась за него как за соломинку, немного переиначив его для себя: Лина могла не забыть, а перепутать. Например, услышать «завтра» вместо «вечером» (не очень созвучные слова, но бывает же!) или «в субботу» (мало ли!). И она не подозревает, что я тут изнываю в ожидании!

– Я сама ей позвоню, пока нет десяти, – решила я.

– Имеет смысл. Иначе можно зря прождать, – согласилась мама и вышла, оставив меня наедине с телефоном.

Девять двадцать семь. Около получаса на душещипательный разговор с объяснениями, извинениями и клятвами в вечной дружбе – должно хватить. Впритык, конечно, но что поделаешь. После можно (и нужно) будет увидаться и уже тогда обговорить все детально, прикидывала я, пока в трубке шли гудки.

Наконец я услышала заинтригованное «алло?». Лина мама всегда произносила это таким тоном, будто уточняла, какой именно сюрприз ей приготовили.

– Здравствуйте, а можно Анфису? – выпалила я.

– А, одну секунду. До-о-оча-а!

Те же слова, тот же громкий оклик – все как раньше... когда я звонила туда в последний раз? От того, что с тех пор ничего не изменилось, на душе стало тепло.

Вот и голос Лины, ее бодрое «слушаю».

– Привет.

– А, привет. – Мне показалось, что она как-то сразу поскучнела, точно ждала звонка королевы, а позвонил черт знает кто.

По каким-то необъяснимым, как я теперь понимала, причинам приготовившаяся к более дружелюбному «приему», я растерялась и вдруг осознала, что не помню, о чем собиралась говорить с Линой. И вот теперь она ждет – нетерпеливо, уже мечтая положить трубку, – на том конце провода, а я молчу как идиотка. Хуже ситуации не придумаешь.

– Как отметили? – неуверенно спросила я.

– Хорошо, – был ответ.

– С мороженым, как и собирались? – Ох, еще сейчас подумает, что я завидую.

– Оль. Чего ты хочешь?

Эта прямота обескуражила и, конечно, резанула меня, но в то же время заставила собраться и перейти наконец к главному:

– Лин, что происходит?

– Ничего.

– Я тебя чем-то обидела?

– Нет.

– Тогда почему все так?

– Как?

– Да не притворяйся! Мы были неразлучны, а теперь едва здороваемся! Ты проводишь время с другими подружками, а со мной разговариваешь через губу... должна же быть какая-то причина!

– Ну да. Все было хорошо, но теперь мы «разошлись, как в море корабли», – терпеливо пояснила Лина, как работодатель, пытающийся донести до навязчивого соискателя, что высоко ценит его профессиональные качества, но на работу все равно не примет. – У тебя будут – может, уже и есть – новые друзья...

– Но мы же были лучшими подругами! Почему?.. – Крик души, за который мне сейчас же стало стыдно.

Однако почему-то именно на это невнятно-эмоциональное восклицание я получила наконец вразумительный ответ.

– Хочешь знать, почему мы были лучшими подругами? – переспросила Лина.

– Да нет, хочу знать, почему сейчас... – начала я.

– Сначала я отвечу на тот вопрос, и ты сразу поймешь, «почему сейчас». Ты лучше всех в классе – в моем теперь уже бывшем классе – знала те предметы, с которыми у меня всю жизнь были проблемы. Я очень хотела попасть в профильный класс, а значит, закончить год без троек, так что мне необходим был такой «тыл». Пару дней я присматривалась и... выбрала тебя.

– Быть не может, – отрезала я, пытаясь за маской заносчивого упрямства скрыть ужасные чувства, которые разом всколыхнулись в моей душе.

– Тем не менее, это так. Не скажу, что мне не было приятно наше общение, но всерьез я его не воспринимала.

Ее голос звучал так убийственно спокойно, что на миг все остальные эмоции перекрыла ярость.

– А не боишься, что я расскажу твоим чудесным новым подругам, какая ты подлая? – Я старалась держать себя в руках и не повышать голос.

– Они тебе не поверят. С ними-то я другая.

– И никогда так с ними не поступишь, конечно.

– Разумеется. Гуманитарными предметами в физмате, надеюсь, грузить не будут, а нужные дисциплины мы, думаю, знаем приблизительно одинаково... так что к дружбе с девочками учеба не будет иметь никакого отношения.

– Ну да, ну да. К тому же на случай чего есть Зойка, так что и вовсе беспокоиться не о чем. – Я еще сохраняла самообладание. – Раз у тебя приступ честности, скажешь все-таки: Гусев тебе зачем нужен? С Журавлевым-то ясно – он в твоём классе будет...

– А я еще не определилась, – безмятежно сообщила Лина.

– В смысле?

– Не определилась, с кем из них хочу встречаться. Они оба симпатичные и оба ко мне равнодушны.

– Ого, теперь ты считаешь Гусева симпатичным?! А с чего

ты решила, что он в тебя влюблен? А как же Брасова? Ты сама говорила...

– Ха, Брасова девочка хорошая, но очень уж тихая. Никогда не решится на настоящий роман. Так что здесь у меня преимущество.

Я была так поражена, что почти забыла об обиде – даже ярость приутихла.

– Настоящий роман?! С поцелуями, что ли?

– Ну, с сексом я планирую подождать хотя бы годик.

– С... годик?! – вымолвила я изумленно.

Конечно, я уже давно знала, откуда берутся дети, но как-то не думала обо всем этом, а тем более не примеряла на себя, так что заявление Лины показалось мне неслыханно дерзким. Лично я не смогла бы говорить о таком запросто.

– Годик, а может, и меньше. Может, конечно, и больше – как пойдет. – Судя по тону, Лина уже теряла терпение. – Ну что, все вопросы выяснили? Будем прощаться?

От «прощаться» мне стало настолько не по себе, что я сразу же забыла ее предыдущие слова и вспомнила главное: лучшая подруга предала меня, я ей больше не нужна.

– погоди... – беспомощно пробормотала я.

– Не унижайся. Я все сказала. Удачного лета, – твердо проговорила Лина и положила трубку, не дожидаясь моего ответа.

Зачем, действительно, ей было лишний раз слушать человека, который уже сыграл свою роль в ее жизни? Надо идти

вперед.

Ошеломленная, я положила радиотелефон на стол. Происходящее еще не уложилось у меня в голове, но я подумала, что, наверное, в таких случаях надо поплакать. И, обняв подушку, увлеченно предалась рыданиям.

Часть 2

«Я требовал от людей больше, чем они могли дать: постоянства в дружбе, верности в чувствах.

Теперь я научился требовать от них меньше, чем они могут дать: быть рядом и молчать».

(А. Камю)

«Уже к двенадцати годам она научилась использовать людей в своих целях, меняться под влиянием обстоятельств. Все зависело от того, чего она хотела добиться...» Нет. Излишне пространное начало. Надо было начинать с диалога – вышло бы живее.

– Оль, ну как? Продвигается? – обернувшись, шепнула моя новая одноклассница, сидевшая впереди.

– Не очень. Думаю ввести диалог... – автоматически отозвалась я.

– Зачем?! – изумилась она. – Как иллюстрацию, что ли?

Тут я сообразила, что она имеет в виду не мою книгу, о существовании которой не догадывается (собственно, пока ее и не существовало, если не считать трех не слишком удач-

ных строчек), а сочинение, под которое были отведены два урока русского. Да, в рассуждении на тему «Язык – одежда мысли» диалоги и впрямь ни к чему.

– А, ты об этом. Да нормально все продвигается, – ответила я, извлекая тоненькую тетрадь в линейку из-под толстой, купленной в расчете на роман или как минимум повесть.

Я была уверена, что все успею, поэтому могла позволить себе отвлекаться на посторонние дела.

– У меня тоже ничего. Лист исписала, – сообщила одноклассница и развернулась обратно.

Я пока не привыкла к тому, что за вопросами о ходе моей работы не обязательно следуют просьбы вроде «а подскажи что-нибудь», «подай идею», «исправь ошибки», как это было с Линой, поэтому выжидающе смотрела на спину вернувшейся к сочинению одноклассницы еще секунд пять. Но она явно не собиралась ни о чем просить.

В гуманитарном классе все так или иначе умеют писать сочинение, напомнила себе я. И вряд ли люди, которые успешно сдали экзамены для поступления, напишут «здесь» через «с». Это было любимое словечко Лины – в каждом сочинении или изложении я исправляла по три-пять «здесь».

Я бросила взгляд на свою соседку по парте, с которой на тот момент общалась, пожалуй, теснее всего... если только это можно было назвать общением. Маша была настолько ленива, что на длительную беседу ее никогда не хватало: она не заканчивала толком ни одной фразы – ни композиционно, ни

тонально. К концу каждого предложения ее голос становился тише и будто умирал. Сначала я думала, что она неуютно чувствует себя в новой школе и от этого кажется замкнутой, но быстро убедилась, что такой стиль разговора – ее характерная особенность.

Я довольно легко смирилась с тем, что долгих увлекательных обсуждений личных переживаний у нас с ней не будет. Меня многое в ней устраивало: Маша была спокойной, не обременяла, не раздражала. А кроме того, как и я, избегала тактильных контактов, то есть не пыталась хватать меня за руку и куда-то тянуть, не заключала в объятия и даже не целовала в щечку при встрече (почему-то в новом классе у девочек с первого же дня сложилась не очень приятная для меня традиция так здороваться друг с другом).

Со мной учились девятнадцать девчонок и только шесть мальчиков, среди которых точно не было ни одного парня моей мечты... возможно, все кандидаты на эту роль притаились в физмате? Увы и ах – нет, мне нравился только один парень, и он учился в «простом» классе... упс, лирическое отступление затянулось.

Итак, не знаю уж, чем я понравилась Маше, но она сразу села со мной. Мы вместе ходили в буфет и гуляли по школьным коридорам на переменах – словом, в моем понимании вели себя как неразлучные подруги, хотя очень мало общались вне школы. Во время наших неспешных проходов по этажам я нередко сталкивалась с Линой, неизменно окру-

женной стайкой подружек. Подружки всегда встречали меня приветливо, она же ограничивалась кивком и никогда не смотрела мне в глаза. В такие моменты я радовалась присутствию Маши: пусть Лина видит, что я уже не одна.

Конечно, Маша не очень подходила под вымечтанный мной образ Лучшей Подруги, но, может, это было и неплохо: после предательства Лины мне непросто было бы сразу сблизиться с кем-то еще.

– А у тебя как движется? – спросила я Машу.

– Нормально, – отозвалась та.

– Про нужный объем помнишь? – спросила я, просто поддерживая разговор.

– Да, два.

– Точно – два листа. Что-то есть хочется, а тебе?

– На перерыве в буфет можно.

– Я бы взяла булочку с маком... или с повидлом...

– Лучше повидло.

– Я сейчас подумала: какое странное слово – «повидло».

Неприятное какое-то, да?

– Хм.

– Плотникова и Свиридова, не разговаривайте! – прервала нашу увлекательнейшую беседу учительница.

– Простите, – сказала я и уткнулась в сочинение – для романа все равно не было вдохновения.

На перемене, после которой предстоял еще один урок русского, мы как-то очень быстро отстояли очередь в буфете и

сжевали свои булочки – когда вернулись в класс, до звонка было достаточно времени. Почти все, устав от сочинения, вышли проветриться, поэтому в кабинете сидели только две девчонки. Рассевшись прямо на парте (учительницы не было), они болтали ногами и увлеченно обсуждали прошедшее лето. Одна из них ездила с родителями на море и закрутила там курортный роман, а вторая провела несколько дней со старшей сестрой в Италии и «оторвалась там по полной».

Не знаю, насколько сильно может в принципе отличаться мировоззрение у школьницы в двенадцать и в тринадцать лет, но во всяком случае в прошлом году со мной учились милые малышки, не так давно бросившие играть в куклы, а в этом – красящие губы и волосы и пахнущие тяжелыми духами девушки. «Из каких только школ их понабрали? – постарушечьи подумала я. – Вот где Лине было бы свободнее. Впрочем, наверное, в ее классе творится то же самое».

– А ты как лето провела? – вполголоса спросила я Машу, от нечего делать пролистывавшую свою тетрадь.

– В городе. В выходные – дача, – как всегда отрывочно информировала она.

– Я по той же программе. Только в июле мы с родителями съездили на турбазу на десять дней... и то я не уверена, что «оторвалась по полной»... разве что если иметь в виду долгий сон после обеда.

Маша продолжала перелистывать тетрадь – по сложившемуся за пять недель такого общения опыту я знала, что она

меня слушает. Но если ее и рассмешила моя крайне остроумная шутка, она ничем себя не выдала. Возможно, ей просто лень было улыбаться.

– В целом здорово, но как-то однообразно, – продолжала я. – Молодежи мало, по вечерам делать нечего... купание – единственное, по сути, развлечение. И книги, но это уже моя заслуга – библиотеки там не было, я с собой из города кучу книг понабрала. Родители остались довольны – уже тем, что им удалось отдохнуть от работы. Им многого не надо. Может, это и верный подход?

Маша мерно закивала, по-прежнему не произнося ни слова, и мне стало неудобно за свои до жути законченные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, да и вообще за то, что я так болтлива. А заодно и за то, что не насладилась каникулами вдоволь.

С ощущением, что кругом неправда, я возобновила работу над сочинением. До звонка оставалась всего минута, поэтому класс стал заполняться людьми, а те две девчонки слезли с парты и продолжили свое обсуждение уже сидя на стульях. Я украдкой бросила на них взгляд. «Интересно, у них сейчас есть парни? Они выглядят такими... взрослыми... наверное, да... любопытно, каково это – с кем-то встречаться? Наверное, тогда и мыслить, и поступать начинаешь по-другому, мир окрашивается иными красками... хотела бы я это ощутить».

– Может, в раздевалку?.. А то еще мячом... У меня уже так было.

– Да хватит тебе, давай посмотрим на игру.

– Смысл?

– Мне нравится.

На уроке физкультуры наш класс играл с общеобразовательным – участвовали только сильные в футболе ученики, в основном парни, поэтому мы с Машей, профаны, могли спокойно отдохнуть на скамейке. Возможность легально не заниматься несказанно радовала меня – я с первых классов ненавидела физкультуру.

Большинство девчонок из нашего класса остались в раздевалке, а кто-то и вовсе умудрился сбежать домой, хотя впереди был еще один урок. Я настояла на том, чтобы «болеть за наших» в спортзале, и Маша нехотя повиновалась. Я убеждала себя и ее, что мне очень важна победа нашей команды, но подсознание мое прекрасно знала, что я попросту нашла повод полюбоваться Колей Гусевым.

За лето он возмужал и стал больше, чем раньше, похож на романтического героя: уверенная походка, стройная фигура, красиво выгоревшие на солнце волосы. Еще сохранившийся после лета загар очень ему шел – мне даже казалось, что он похож на суперзвезду.

Вероятно, на уроке математики он все так же жался и мялся у доски и выглядел глупо – это вряд ли добавляло ему при-

влекательности. Но спорт всегда был его стихией, и здесь-то он мог показать себя во всей красе. Я невольно восхищалась тем, как хорошо он играет: как быстро бегают, как ловко отбивает мяч, как яростно бросается в атаку – и поделом нашему гуманитарному! – и как увлечен происходящим. Глаза горят, взгляд напряженно-восторженный (вовсе не глупый!), лицо раскраснелось...

Хотя возможно, я была необъективна, потому что Маша с отвращением пробормотала:

– Свиньи.

– Ты о том, что «простой» класс обыгрывает наш? – переспросила я.

– Да плевать. Я говорю – парни. Бегают, орут...

– Они поглощены игрой, – возразила я.

– Нашли чем. Я вообще таких – не-е-е, бр-р.

– Не любишь тех, кто спортом увлекается?

– Ага.

– Ну, не все они тупицы...

– Да все.

– Ладно, – не зная, что возразить, довольно резко сказала я, и тут раздался громкий свисток и физкультурник крикнул:

– Все, звонок!

– Нет, ну подождите! – завопили мальчики из нашего класса (у всех – одинаково бешеные глаза, всклокоченные волосы, прилипшие к телу майки – да, зрелище то еще... может, Маша и права).

– Два-один в пользу восьмого «Б», – заключил учитель, и восьмой «Б» – общеобразовательный класс – запрыгал от радости.

– Йе-е-ес! – крикнул Гусев, вскинув руки вверх, и под мышками у него обнажились огромные пятна пота.

Вопреки логике, вместо отвращения это вызвало у меня восхищение: надо же, какой молодец, так старался ради своей команды!

Кивнув на дверь раздевалки, Маша вскочила со скамейки и направилась туда нехарактерным для себя быстрым шагом – сильно, видимо, не терпелось уйти, – и я, с сожалением бросив еще один взгляд на Колю, последовала за ней.

«Когда теперь я с ним столкнусь? – угрюмо подумала я. – Может, почитать его расписание? Ага, и что – караулить его у кабинетов, как влюбленная дура? Нет, до такого я не дойду! Да и не влюблена я вовсе... так, нравится немножко...»

Я не хотела признаваться себе в том, что с начала нового учебного года мое прежнее чувство приобрело новые краски. Коля был небезразличен мне с шестого класса, но это было довольно спокойное увлечение – я вспыхивала, только когда думала о том, что ему могут нравиться другие. В остальном... ну да, мне было приятно на него смотреть и иногда мечтать о чем-то связанном с ним – довольно, впрочем, туманном.

Теперь же все изменилось: я скучала по нему, все время надеялась встретить его в коридоре и опускала глаза, пой-

мав его взгляд. Я коллекционировала все эти взгляды, все его слова, обращенные ко мне, – в основном это были «привет» и «здравствуй» – ну и что с того?

И как-то постепенно мои неясные мечты стали принимать более четкие очертания: в них Коля держал меня за руку, обнимал, целовал... да-да, я хотела всего этого, несмотря на то что ненавидела прикосновения. Это было совсем другое. Именно его я бы подпустила. И мне было бы не только не противно, но и приятно.

В раздевалке одна из девчонок попросила нас с Машей помочь ей найти упавшую серьгу. Сережка была крохотной, поэтому поиски затянулись, в процессе них выяснилось, что Маша проголодалась (а может, ей просто лень было ползать по полу?), так что мы отпустили ее в буфет. Я благородно осталась и нашла-таки серьгу. После этого впервые за долгое время я шла по коридору одна... и именно в этот момент мне улыбнулась удача.

Вернее, началось все не слишком удачно: я проходила мимо мужской раздевалки, и меня с размаху ударило открывшейся дверью. Схватившись за ушибленное плечо, я отскочила подальше и с негодованием воззрилась на «обидчика», но растерянно улыбнулась, встретив испуганный взгляд Коли.

– Оля! Извини, пожалуйста! – проговорил он взволнован-

но. – Сильно я тебя?..

– Пустяки... – пробормотала я, стараясь скрыть смущение.

– Слава богу! Прости еще раз. Понятия не имел, что ты здесь.

Ясное дело, что он понятия не имел, иначе, вероятно, не ударил бы меня дверью. Этого как раз можно было не говорить... а значит, он это сказал, только чтобы продлить разговор на несколько секунд! И искренняя тревога в глазах...

Я отогнала непрощеную мысль о том, что так реагировал бы любой нормальный человек. Нет! Я ему небезразлична! Боже мой...

– Все в порядке. – Осмелев, я вдруг добавила:

– Кстати, ты... твоя команда здорово играла. Поздравляю.

– Спасибо! – расцвел он. – Мы очень старались! Надеюсь, ты не в обиде, что мы обыграли ваших.

Ему важно, не в обиде ли я? Мне точно будет о чем подумать перед сном...

– Ну что ты. Вы определенно играли лучше. А я – за справедливость, – независимо отозвалась я.

В тот момент я чувствовала себя голливудской звездой с восхитительной непринужденной улыбкой и красиво развевающимися по ветру (?) волосами – хороша, уверена в собственной привлекательности и поэтому свободно и легко общаюсь с мужчиной своей мечты.

– За справедливость? – переспросил Коля. – Вот молодец.

Уважаю.

В этот момент из раздевалки вышел парень из его класса, что-то ему сказал, и Коля немедленно отвлекся, забыв про меня. Поскольку логически наша беседа вроде бы завершилась, ожидать, пока он вновь обратит на меня внимание, было странно и неловко, поэтому, пусть и медленным шагом, я направилась к лестнице.

Это был самый приятный спуск в буфет за всю мою школьную жизнь. Я буквально порхала, я улыбалась, я даже не замечала здоровавшихся со мной знакомых.

ОН разговаривал со мной! Мы столько всего сказали друг другу... Хорошо, пусть не очень много, но главное же не сами слова, а тон, которым они были сказаны, выражение лица, взгляд... и как не умирают от счастья девушки, у которых есть личная жизнь? Их бойфренды разговаривают с ними постоянно. И смотрят на них, и улыбаются им, и даже целуют! Интересно, скоро Коля поцелует меня? Не удивлюсь, если мы вот-вот начнем встречаться! – думала я, перепрыгивая через ступеньки.

Маша ждала меня в углу буфета с тарелкой супа.

– Приятного аппетита! – отсалютовала я, присаживаясь рядом.

– Угу, – отозвалась она.

– Серьгу нашли.

– М-м.

– Народу что-то много здесь.

– Ага.

– Готовилась к семинару по истории?

– Так химия...

– Сейчас – да. Но семинар уже завтра, а объем большой!
Успеешь?

– Да.

– А химию сегодня читала?

– Так...

– Я тоже только пролистала. Надеюсь, не спросят...

– Угу.

Мне нужно было куда-то расходовать неумную энергию,

появившуюся после разговора с Колей (разговора с Колей!!), поэтому я продолжала мучить Машу бесполезными и совершенно не вызывающими в ней энтузиазма вопросами, пока не прозвенел звонок.

– Все, пора. – Я немедленно вскочила и порхнула к двери. – Как же хорошо!

Какое у меня чудесное настроение! Сейчас последний урок – и на улицу, а там такая погода шикарная, листья золотые лежат...

– Угу, – незатейливо отреагировала Маша, семена за мной, и мне стало даже жаль ее – бедная, замкнута в своем мирке и думает, наверное, о каких-нибудь будничных вещах, а я – влюблена и счастлива!

«Влюблена и счастлива», – несколько раз повторила я про себя, уже не стесняясь собственных чувств, и это было так ново и так как-то легко, что на душе стало еще светлее.

Маленькая спонтанная самостоятельная по химии ничего не испортила: нам с Машей удалось списать, а сопряженные с этим препятствия веселили меня как никогда. Изворачиваясь, чтобы как бы невзначай заглянуть в очередной раз в сумку, где лежал учебник с заложенным между нужными страницами карандашом, я смеялась так, что строчки по все-

му листу ползли то вверх, то вниз, но за урок мне не сделали ни одного замечания. Повезло, в общем. Снова.

Вечер, как я и предсказывала, был замечательным: ни дождя, ни ветра, ни холода – комфортная, уютная осенняя погода, которой только придавали романтический оттенок собравшиеся тут и там серые тучи. Я улыбнулась и приготовилась к полной приятных мыслей прогулке – на маршрутке в такой вечер ехать не хотелось.

– Ладно, пойду я, – сказала я Маше, собиравшейся идти домой – в другую сторону.

– Ага. – Она повернула голову и, глядя вправо, произнесла:

– О, я и не знала.

– О чем? – заинтересовалась я и, посмотрев в ту же сторону, оторопела.

Неподалеку от крыльца стояли Лина и Коля – классические влюбленные: рука в руке, глаза в глаза, ее сумка (я помнила ее еще с прошлого года) – на его плече...

– Я так поняла, ты опять не с нами? – весело крикнула

Лине нарисовавшаяся на ступеньках Настя.

– Да, идите без меня, – едва повернувшись, отозвалась та.

– Ладно, голубки. – Настя проскочила мимо, не заметив меня, и присоединилась к хохочущей стайке подружек.

В этот момент Коля погладил Лину по щеке и что было совсем невыносимо, потянулся к ее губам. Я силилась отвернуться, но почему-то не могла отвести полный неожиданного, острого отчаяния взгляд от этой парочки. А они, насладившись довольно долгим поцелуем, повернулись ко мне спиной и, увлеченные болтовней, стали удаляться в светлое будущее.

– Я тоже не знала, – прошептала я.

– Дочка! До-очка! На тебе лица нет! Что случилось? – Мама бросилась за мной в ванную.

Я включила воду и, наклонившись к раковине, принялась протирать покрасневшие от слез глаза.

– Кто тебя обидел? – вопрошала она, встав надо мной.

– Никто. Все хорошо, – выдавила из себя я.

– Это называется «хорошо»? Ты плакала?

– Чуть-чуть.

– Правда? А выглядишь так, будто прорыдала по меньшей мере всю дорогу из школы.

– Да все очень плохо, мам! – вырвалось у меня. – Лучше бы у меня никогда не было подружки! Ведь не было же раньше, и все замечательно было, я отлично чувствовала себя одна, а теперь вот мучаюсь! Будь это кто-то другой, а не Лина, я бы пережила, но она!.. – Вряд ли мама поняла значение последней фразы (тем более что я назвала Анфису Линой), но эта фраза почти полностью потонула в рыданиях, так что, возможно, она вовсе ее не разобрала.

– Дочка, – повторила мама ласково, – умойся, вот полотенце, и сядь – поговорим.

Я брызнула себе в лицо холодной водой, размазала по щекам слезы протянутым ей полотенцем и присела прямо на край ванны. И мы разговаривали, пока не постучался папа с телефоном в руке:

– Не знаю, чем вы тут заняты, но вынужден вас прервать:

Роза звонит, а сейчас очередь кого-то из вас, я в прошлый раз с ней говорил. Эх, а так хорошо задремал...

Мама заставила меня задуматься над тем, что до этого ускользало от моего внимания.

Да, до Лины я толком ни с кем не дружила, и, честно говоря, мне это было не нужно. Конечно, я общалась с некоторыми девчонками, но по большому счету мне было комфортно и одной. Я умела находить особую прелесть в том, чтобы летним вечером пройтись вокруг дома и насладиться щебетом возвращающихся в свои гнезда птиц, посидеть с книгой в скверике неподалеку от дома или просто подумать о разном. Для этого мне не были нужны другие – они бы даже испортили хрупкость таких моментов.

А люди, особенно совсем молодые, интуитивно не лезут к тем, кто в них не нуждается – боятся отказа. Потому ко мне никто в друзья и не набивался. Но потом пришла Лина и – неважно уж, по какой причине – просто выбрала меня, не спросив, нужно ли мне это. Влезла в мою жизнь, и мне ничего не оставалось, кроме как перенести на отношение к ней все свои идеалы, касавшиеся дружбы – во многом призрачные, во многом почти рыцарские. А потом оказалось, что все

было зря... но! Я не могла обвинить себя в том, что сделала неверный выбор, потому что я не делала его вовсе. Теперь я должна сама *выбрать* себе человека, который, по моему мнению, достоин моей дружбы.

Стараясь отвлечься от мыслей о Коле (о нем-то я маме так и не рассказала!), я сосредоточилась на проблеме Лины и, вдохновленная разговором с мамой, сделала очередную попытку начать роман. На этот раз вышло еще более пространно, чем раньше, зато как солидно и глубокомысленно!

«Когда тебе тринадцать, внезапный разрыв с подругой – трагедия вселенского масштаба». В этом месте я погрызла ручку, задумавшись, не заменить ли «тринадцать» на «двенадцать»: тринадцать мне стукнуло только в августе, а с Линой мы рассорились еще весной. В конце концов решила оставить все как есть: не хотелось ни портить лист зачеркиваниями, ни вырывать его из без того уже похудевшей тетради для романа.

«В пятьдесят лет этот разрыв тоже вряд ли проходит незамеченным, но к этому времени человек уже обрывает проблемы, детьми, социальными связями – в этом круговороте потеря одного из друзей может быть болезненна, но фактически она ничего не изменит. В тринадцать же ты максималист, и друг у тебя, скорее всего, один и, как правило,

школьный – следовательно, ты видишь его каждый день и он огромная часть твоей жизни. Любовных отношений в этом возрасте у тебя, скорее всего, нет, поэтому друг заменяет тебе все и всех. У девочки дружба в тринадцать – почти любовь: с душераздирающими скандалами, смертельными обидами и даже сценами ревности. Таким образом, теряя подругу, девочка-подросток лишается сразу всего...».

Здесь я снова остановилась: «девочка-подросток» – слишком казенно, напоминает лексику детских энциклопедий. Да и тавтология: слово «девочка» уже было в предыдущем предложении. Вычеркнула. Подумав, вырвала лист вовсе.

Вот мне делать нечего – писать о какой-то Лине целый роман! Она совершенно того не стоит. Я найду себе настоящую Лучшую Подругу и ей уж, так и быть, возможно, что-нибудь да посвящу. А пока – буду-ка я писать о любви! Счастливой, несчастной – все равно...

Часть 3

«Если друг причинит тебе зло, скажи так:
«Я прощаю тебе то, что сделал ты мне,
Но как простить то зло, которое этим
Поступком ты причинил себе?»»

(Ф. Ницше)

«Хватит, хватит уже биологии». Я захлопнула учебник и посмотрела на часы. Шесть вечера – самое время немного прогуляться... по пустому городу. В этом что-то есть.

Пустым город казался из-за майских праздников: погода установилась на редкость жаркая, и все, кому было куда уехать, сделали это без колебаний. Но мы с родителями не собрались по ряду мелких причин – скорее даже поводов: мама предпочла вымыть окна и перестирать скопившееся грязное белье, папу пригласил на праздник коллега, а я... мне вроде как надо было учить биологию, по которой я умудрилась схватить пару тройков. Из нас троих мне легче всего было перенести свое неотложное дело за город и читать себе учебник в шезлонге под пение птиц, но не могла же я поехать на дачу одна. В итоге мы все остались.

Подозреваю, истинная причина решения родителей заключалась в том, что это был бы наш первый выезд – значит, пришлось бы приводить дом в порядок после зимы, а это обычно надолго. Лучше уж мирно намыливать стекла окон у себя дома, чем ехать за тридевять земель и делать то же самое в затхлой пыльной комнате, где полгода никто не проветривал (так рассудила я, которая на тот момент ни разу в жизни не мыла окна). Хорошо еще, что мы почти ничего не сажали на огороде – не так часто и не так долго жили на даче, чтобы ухаживать за посадками, – а то бы работы оказалось

раз в десять больше.

Конечно, приготовлений к новому сезону было все равно не избежать, но родители упорно оттягивали их каждый год.

(Как же долго я кручусь вокруг момента, что на праздники мы остались в городе! Наверное, вычеркну половину при редакции.)

– Мам, я погуляю, – выйдя из комнаты, произнесла я.

– Смотри, недолго. – Вопрос «с кем» не возникал – одна, разумеется. Всегда одна.

Ладно, не всегда, еще была Маша, но ей, как правило, было лень выходить из дома.

– Тебе чем-нибудь помочь? – участливо предложила я, наблюдая, как мама яростно драит пол в том месте, где он не закрыт ковром.

– О нет, дорогая. Я уже заканчиваю.

В чем же все-таки смысл – остаться дома, чтобы отдохнуть, и все равно наработаться до седьмого пота?

Когда я натягивала сарафан в своей комнате, из кухни слышался пробивающийся сквозь журчание воды (мама решила заодно помыть посуду) звонок. Я направилась туда и обнаружила ее гремящей тарелками и что-то напевающей, в то время как телефон разрывался в паре метров от нее.

– Звонят! – крикнула я почти маме в ухо.

– А? О! – отозвалась она. – Если это Роза, возьми. Я планирую в этот раз пропустить свою очередь.

– Как и в прошлый, – отметила я и подняла трубку, уже

зная, что это, конечно, не тетя Роза, иначе телефон звонил бы куда натужнее. – Алло!

– Алло... привет, Оль.

В первый момент из-за шума воды я не разобрала, чей голос, и пришлось переспрашивать, войдя в комнату:

– Простите, кто говорит?

– Ты меня не узнаешь, Делия?

– Ох. – Я чуть было не осела на пол. – Ты!

– Знаю, ты на меня злишься, и у тебя есть на то масса причин, но сейчас ты просто не можешь меня не выручить. Пожалуйста.

Голос Лины еще никогда не звучал так сбивчиво и взволнованно, и, придя в себя от изумления, я подумала, что она, вероятно, дико боится моего отказа. Это мне понравилось. Значит, она в моей власти. Я потяну время, заставлю ее поволноваться... и – эх – не смогу отказать, как обычно. Но хоть немного поиграю на ее нервах.

– Что стряслось? – холодно проговорила я, присев на диван.

– Моей бабушке плохо. Я с ней одна. И мне страшно!

Так-так, а это уже серьезно. О таком обычно не врут. Хотя... это же Лина! Хм...

– А что с ней? Скорую помощь вызывала? И где родители?

– Родители уехали к родственникам в деревню – я с ними отказалась, думала, там скучотища будет, лучше здесь погуляю. Они не захотели оставлять меня одну и отправили на

выходные к бабушке. А ей вдруг стало плохо! Врачей я вызывала, они сказали, у нее проблемы с давлением из-за жары. Дали таблетку и уехали... а я все никак в себя не приду! Вдруг она умрет?!

Тут я с изумлением поняла, что Лина плачет, и окончательно осознала: даже если она такая хорошая актриса и такой ужасный человек, что может шутить этими вещами, все равно я слишком добра, чтобы не купиться на это.

– Чем я могу помочь?

– Побудешь со мной, пока ей не станет лучше? Пожалуйста, – повторила Лина умоляюще. – Знаю, с таким я могу обратиться только к тебе.

– Ладно. Говори, где живет твоя бабушка, – потребовала я.

– Через два дома от меня...

– К сожалению, я не очень хорошо знаю, где ты живешь. – Надеюсь, я сказала это достаточно ядовито.

– Ой, прости! Сейчас объясню.

Уходя, я ничего не сказала маме. Не представляла, как отвечать на многочисленные вопросы, которые бы обязательно последовали. «Ты ей веришь?!», «А если она соврала?», «А ты точно дорогу найдешь?», «Может, мне с тобой?», «Когда вернешься?» Так я бы только потеряла время и, возможно, уверенность в том, что мне действительно стоит ехать.

До нужной остановки я решила добраться на маршрутке,

дом нашла довольно быстро, за что мысленно себя похвалила. Уже через полчаса после выхода я стояла на пороге квартиры Лилиной бабушки.

В глубине души я была все еще готова к тому, что с криком «повелась, дурочка!» мне откроет дверь хохочущая компания во главе с Колей. Но либо спектакль продолжался, либо его и не было – встретила меня бледная и какая-то измученная Лина. Одна.

– Знала, что на тебя можно рассчитывать! – шепнула она и потянулась обнять меня, но я отстранилась. – Прости, забыла, что ты этого не выносишь. Проходи... она спит. Я прислушивалась – дышит, но тяжело. Может, чаю выпьешь? Или жарковато для чая?

Судя по тому, как Лина тараторила – такое было впервые на моей памяти, – переволновалась она не на шутку. И все же сомнения у меня остались.

– Почему ты позвонила именно мне? – строго спросила я. – Неужели *все* разъехались?

– Нет, Соня, кажется, в городе.

– А Коля?

– Точно в городе, но... у нас с ним все не так серьезно, чтобы я могла положиться на него в трудный момент. Да и с остальными... одно дело – погулять, посмеяться вместе, в кафе сходить, другое – позвать на помощь в тяжелую минуту. Даже Настя, хотя она наиболее ответственная, – все равно не то, понимаешь? Я сразу о тебе подумала.

– Ну да, такую дурочку, как я, можно использовать в любой момент и по любому назначению.

– Молчи! Это я была полной дурой, что потеряла единственную близкую мне подругу, – горячно заявила Лина – прямо как в моих мечтах – которые я, правда, оставила больше полугода назад. – Я должна сказать тебе одну вещь. Я была дико тронута, когда ты пришла поздравить меня после экзамена... дождалась меня... Это был такой поступок! Мне тогда стыдно стало... поэтому я и говорить с тобой не хотела... поэтому по телефону потом так резка была... Защитная реакция. Хотела доказать себе, что уверена в том, что делаю.

Не зная, что на это ответить, я равнодушно пожала плечами.

– Что же мы в коридоре стоим? Проходи на кухню, это вон в той стороне, а я посмотрю еще раз, как там бабушка, – произнесла Лина.

– Я пойду с тобой.

– А, понимаю. Не веришь, что бабушка вообще существует?

– Раскусила, – призналась я без улыбки.

– Не доверяешь мне.

– Для этого есть основания.

– А я тебе доверяю. Вот ты пришла – и сразу спокойнее стало... Ладно, давай вместе посмотрим.

Бабушка несомненно существовала и определенно спала. Правда, по ее лицу сложно было определить, действительно

ли ей недавно было плохо, но этому, пожалуй, можно было только порадоваться.

– Посидишь со мной, пока она не проснется и мы не убедимся, что все в норме? – еще раз попросила Лина.

– Куда ж я денусь, раз пришла. – Мне показалось, что безразличный, даже слегка грубоватый тон будет как раз к месту.

– Ты чудо, – прошептала она и снова попыталась меня обнять, но я увернулась, пробормотав:

– Раньше ты была оригинальнее, что ли, в выражении эмоций.

– А, это все девчонки. В нашей компании принято постоянно обниматься, громко хохотать, визжать – в общем, бурно на все реагировать, – немного свысока пояснила Лина, когда мы вышли из комнаты бабушки.

– А ты, кажется, в любой компании умеешь стать своей.

– Они хорошие. С ними легко... Если не хочешь чай, можно выпить сок с печеньями.

– Не откажусь.

Мы разместились на небольшой, довольно уютной кухне. Я отметила, что хотя на вид она вроде бы не отличалась от сотен других кухонь (шкаф для посуды скучного серого цвета, выцветшая скатерть, не ахти какая чистая плита и всяческие фартуки и прихватки тут и там), в ней все же было что-то особенное, что-то очень личное.

– Это бабушкино самое любимое место во всем доме, –

подтвердила мою догадку Лина, наливая мне сок. – Она проводит здесь кучу времени. Читает, пасьянсы раскладывает, чай все время пьет...

– Часто ты у нее бываешь? – спросила я, все еще соблюдая правило неизменно холодного тона.

– Раз в неделю точно. А то и чаще. Мне здесь очень хорошо. – Это прозвучало искренне, не в духе Лины. Хотя что я могла о ней знать, если она никогда не бывала со мной самой собой?

– Ну вот. А я даже не знала, что у тебя есть бабушка. Ты о ней ни разу не упоминала.

Никакой обиды. Никакой тоски. Помнить о «правиле».

– К слову не приходилось.

– Ты не хотела впускать меня в свою жизнь.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, Делия.

– Прекрати меня так называть. Это... из прошлого. – Я сама почувствовала, как глупо и сентиментально прозвучала последняя фраза, и тут же пожалела о том, что в последнее время смотрела так много мелодрам.

– Ладно... я понимаю, все это сложно... но я рада тебя видеть, – сказала Лина, опять подозрительно искренне. – Может, просто поговорим... ну, как старые знакомые? Как учеба?

– Хорошо. Заканчиваю вроде без троек, надо только биологию подтянуть, – сообразовала ответить я.

– У меня будет всего три четверки. – Лина заботливо по-

двинула ко мне печенья. – Ты угощайся.

– Спасибо. Ну, с точными науками ясно – в этом ты сильна. А как тебе удалось справиться с гуманитарными предметами?

– У нас на них обращают не очень много внимания. Что с нас взять – мы же «физики», а не «лирики». В прошлом году сложнее было.

– В прошлом году у тебя была я. А в этом кто? – без обидяков осведомилась я.

– Не-е, на сей раз не то... все мои подруги в этом приблизительно одинаково соображают. Учиться чуть легче, потому что у нас другие требования... – снова начала объяснять Лина.

– А как там Зойка? – язвительно перебила ее я.

И тут она рассмеялась – сначала весело, а потом как-то смущенно.

– Ой, да... видишь ли... нет никакой Зойки.

– Переехала? Не общаетесь?

– Нет, я ее выдумала.

Я чуть не подавилась печеньем.

– Что?! Зачем?! – мгновенно стряхнув с себя напускное безразличие, воскликнула я.

– Теперь уже сама не знаю. Хотелось казаться круче, наверное, – призналась Лина с такой милой улыбкой, что будь я парнем – тут же простила бы ей любой обман.

– Значит, ты сама делала все рефераты?

– Конечно. И даже удовольствие от этого получала иногда.

– Отлично! О чем еще ты врала мне ради создания имиджа супергерл?

– Я и не помню.

– Хоть что-нибудь вспомни, а. Интересно.

Судя по тому, что Лина снова смущенно захихикала, что-то все же пришло ей на ум.

– Говори – не отстану, – грозно предупредила я.

– Если честно, когда в прошлом году я говорила тебе, что уже с кем-то целовалась... ну, понимаешь.

– А-а, ясно. Но теперь-то ты исправила этот досадный промах.

– Да, с Колей, – подтвердила Лина и вдохновенно произнесла:

– Рассказать тебе про наш первый поцелуй? Это было...

– Не надо! – вырвалось у меня, прежде чем я успела себя остановить.

– О-о, ну да, прости. Я забыла. Он тебе все еще нравится? – Сочувствие в голосе – ужасно, этого я и боялась.

– Нет-нет, просто не слишком интересуюсь чужой личной жизнью. А то ты сейчас еще что-нибудь захочешь рассказать...

– Что? – не поняла Лина.

– Кто-то там мне говорил, что намерен подождать всего год с сексом. Год прошел, – ядовито напомнила я.

Эта тема давалась мне уже чуть легче, чем раньше: взрос-

ление и пагубное влияние пресловутых мелодрам с обязательными постельными сценами.

– Мы об этом говорили, – без тени смущения сообщила моя бывшая подруга. – Он хочет, но я... понимаешь, мне кажется, у нас все не всерьез, а занятие «этим» – все-таки признак доверия. Так что, наверное, это будет кто-то другой. Хотя... я еще подумую.

– Если не всерьез, почему не бросишь его?

– Он мне нравится.

– С самого начала, да? Признайся уж, – вздохнула я, чувствуя себя как никогда уязвимой.

Мне казалось, я успокоилась насчет Коли – избегала ходить по коридору мимо кабинетов, где шли уроки его класса (расписание я так и не смотрела, просто постепенно выучила, где и когда он появляется), резко отворачивалась и заставляла себя думать о другом, когда видела его в обнимку с Линой, запрещала себе мечтать о нем перед сном... А вот теперь на секунду представила, как они... да просто, без подробностей – как они лежат в одной постели... и все. Замутило, все сжалось внутри...

Казалось, забыла об обиде, которую мне нанесла Лина, и теперь мне все равно, – а оказывается, совсем даже нет. Но как я ни стараюсь разжечь в себе желание оттолкнуть ее, сделать побольнее, чтобы она все поняла, – мне нравится сидеть с ней рядом, пить этот сок... Еще чуть-чуть, и я вообще брошусь ее обнимать, просто потому что она снова рядом.

А она? Наверняка задумала какую-нибудь пакость – держи ухо востро, Оля.

– Отметила я Колю с самого начала, – согласилась Лина, – но встречаться с ним захотела ближе к концу учебного года.

– Ты еще думала, кого выбрать: его или Журавлева, – напомнила я, и вдруг Лина изменилась в лице – по нему будто пробежала легкая судорога, пусть всего на секунду, но не заметить этого я не могла.

– Ох, Оля, – пробормотала она, – как же хорошо, что ты снова со мной.

– Я не...

– Наконец-то мне есть с кем поделиться! Кроме тебя, мне некому такое рассказать. Оль, я с ума схожу. Я люблюсь его профилем, когда он пишет что-то в своей тетради... я наслаждаюсь звуками его голоса, когда он выходит к доске отвечать... я помню все, что когда-либо было на нем надето. Я сохранила записку, которую он мне написал, хотя в ней было всего лишь «подскажи решение третьей задачи»...

– Стой-стой! Ты ведь не о Коле, да?!

– Конечно, нет. Я о... о нем.

– О Журавлеве?! Ты влюбилась в Пашку?!

– Я не то что влюбилась, я обожаю его. Я осознала это где-то в начале весны – тогда-то я и стала понимать, насколько все по-другому с Колей. Да, мне приятно быть с ним рядом, держать его за руку, целовать, но... да я даже не помню, куда засунула открытку, которую он мне подарил на Восьмое мар-

та, а ведь в ней он, между прочим, в любви мне признался!

«Как у нас с ней все похоже... но вот мне не пишет о любви не только тот, кто мне нужен, но и... вообще никто», – обожгла меня горестная мысль.

– Послушай, а он, Журавлев? Он проявляет к тебе знаки внимания? – почему-то взволнованно спросила я. – Ты вроде бы говорила, что нравишься ему.

– Боюсь, ошибалась, – невесело улыбнулась Лина. – Либо уже разонравилась. В общем, он со мной общается так же, как со всеми... О, послушай, это не голос моей бабушки?!

– Не знаю, как звучит голос твоей бабушки, но мне тоже показалось, что кто-то что-то сказал.

– Скорее! Надо узнать, как она. – Лина вскочила и ринулась в комнату – мне пришлось последовать за ней.

– Где ты была?! Ты что, с ума сошла?! – с возмущением встретила меня мама.

– Ну не так уж и поздно, всего девять вечера, – слабо защищалась я.

– Но ушла-то ты в шесть, причем одна! Обычно такие прогулки занимают у тебя не больше часа, а тут... что, по-твоему, я должна думать?! Все-таки надо купить тебе мобильный телефон...

– Ужас, я же говорила, не надо мне этого мобильника. Кошмарно всегда быть в зоне доступа, – поморщилась я. – У некоторых моих одноклассников тоже есть телефоны, и

они...

– Не отклоняйся от темы! – эмоционально перебила мама. – Я спросила, где ты была так долго!

– У Лины, – выдохнула я.

Она широко раскрыла глаза, как делала всегда, когда изумлялась.

– Вы помирились?! И ты ходила к ней домой?!

– Она позвала меня, потому что ей нужна была помощь – ее бабушка плохо себя чувствовала, – затараторила я, понимая, как вся моя история прозвучит со стороны.

После всего, что Лина мне сделала, после всех слез, что я пролила, я не только прибежала к ней по первому зову, но вместо того, чтобы потом сразу уйти, болтала с ней на кухне еще часа два. Выложила ей кучу очень личных вещей, договорилась о встрече на следующий день, а напоследок еще и сериал посмотрела вместе с ней и ее бабушкой. Идиотизм, не так ли?

– Конечно, выяснилось, что у нее вообще нет бабушки и просто нужно написать сочинение к четвергу? – проворчала мама.

– Нет. Все было правдой. И...

– ...она попросила тебя о примирении, а после как бы невзначай упомянула о том, что четверг – крайний срок сдачи сочинения?

– Да ма-ам, перестань, – только и сказала я.

– Я бы на твоём месте не давала ей шансов. Но ты как

знаешь, – отрезала мама. – Я помыла все окна в квартире, хочешь полюбоваться?

– Она моя единственная подруга. Помнишь, что я тебе говорила, мам? Дружба – это любовь. А любовь – это когда человек остается для тебя лучшим, что бы он ни делал. А еще это прощение. Вот я и простила.

Повисла короткая, но значительная пауза, во время которой мама смотрела на меня не то понимающе, не то сочувственно. Потом произнесла:

– Так ты полюбишься результатами моей работы? Я и ужин приготовила, между прочим, – твои любимые блинчики. Как насчет того, чтобы подкрепиться?

« – Я ждала тебя, – прошептала она дрожащими губами.

– Я примчался, как только смог, – жарко заверил он и подарил ей нежный поцелуй, после которого земля ушла у нее из-под ног...»

– Не годится, – прокомментировала Лина.

– Черт, ты опять смотришь через плечо?! – Я подскочила от неожиданности.

– Должна же я как-то убивать время, когда ты уткнулась в свой роман и ничего вокруг не замечаешь, а Коля болтается невесть где.

– Почему же невесть где – он переодевается перед физкультурой.

– А, у него сегодня физкультура?

– Да, среда, третий урок.

– Я и забыла. Не хочешь еще сока или булочку?

– Лин...

– Поняла. Вдохновение. Не отвлекаю.

– И не заглядывай больше в мою тетрадь! Обещаю дать тебе этот роман, как только закончу.

– Да не стоит, я и так подозреваю, что в финале будет пышная свадьба и, может быть, рождение двойни, но тут я не уверена на сто процентов...

– Думаешь, все слишком банально, да? – вздохнула я.

Лина печально покивала.

– Что ж, значит, писателя из меня не выйдет. Пойду встану в очередь за очередной булочкой.

– Эй, не горячись. Просто надо переписать сцену у озера. И, если можно, добавить немного трагизма в третью главу – ну, в которой Камелия уезжает навсегда. А то сухоовато вышло. Но вообще ты молодец. Тридцать четыре страницы – и ведь наверняка без единой грамматической ошибки!

– Сейчас же прекрати издеваться!

– Что ты, я без шуток!.. Кстати, забыла сказать – бабушка приглашала на обед перед школой. Завтра. Нас обеих.

– Чудесно, спасибо...

– Гляди! Он зашел. Слава богу, я уже заждалась.

– Коля?

– Да при чем тут Коля? Пашка! Он сегодня в моей любимой синей футболке... о боже!

– Отвлекись, отвлекись!

– Что, заметно, как я на него смотрю?

– Пялишься, дорогая, пялишься. Лучше скажи, ты в субботу едешь ко мне на дачу?

– Вы же там еще не убрали.

– Ты что, мы в прошлые выходные ездили. Я настояла. Сил нет в субботу-воскресенье в городской духоте торчать.

– А, точно... так значит, к тебе на дачу... я согласна.

– Отлично. Кого еще пригласим? Учти только: если нас будет больше десяти человек, мы не рассядемся за столиком на веранде.

– Э... что?

– Как что? Ты разве еще не поняла, что в субботу мы отмечаем твой день рождения?

– Мой... что, правда? Ты серьезно?!

– Ну конечно. Не оставлять же праздник без внимания только из-за того, что у тебя сейчас нет возможности пригласить всех в кафе.

– Да, с деньгами не очень... дома продолжается ремонт... бабушка вызывалась помочь все устроить у нее, но не хотелось напрягать... я уже и смирилась, что в этом году не выйдет. Оль, ты такое чудо!

– Прекрати меня так называть – слащаво.

– Прости, у компании понабралась... стой, а расходы я тебе как возьму?

– С тебя фрукты. Соня приносит конфеты, Настя покупа-

ет...

– Ты договорилась со всей компанией?!

– Да, и с родителями – о том, что они с нами не поедут. Поставили единственное условие: дачный домик не должен сгореть, потонуть и развалиться.

– О... а с Колей ты говорила?

– Нет. Я не знала – вдруг ты захочешь девичник. – На самом деле я, конечно, просто не смогла заставить себя к нему подойти.

– Да нет, неудобно его не позвать.

– Я тоже так решила. Поэтому он приглашен. Но разговаривала с ним не я, а Пашка.

– Что?!

– Я ему поручила. А его я пригласила сама.

– И он...

– ...с удовольствием приедет. Компания соберется та же, что и на прошлый твой день рождения, только буду я. Если решишь пригласить еще пару человек...

– Господи! Оля! Ты лучше всех на свете!

– Не надо меня обнимать! Я не люблю, когда меня... о, черт. Поздно. Да все, хватит! Идем уже, тебе нельзя опаздывать на геометрию, а меня обязательно спросят по английскому, я еще последнюю тему не отвечала...

Я и не подозревала, как это приятно – видеть восхищенные, счастливые глаза подруги. Раньше только ей удавалось меня поразить своими экстравагантными заявлениями и по-

ступками.

Иногда мне казалось, что теперь она навсегда сделала выбор в пользу естественности – как в поведении, так и во внешнем виде, – даже стала краситься чуть меньше (у некоторых моих одноклассниц макияж был ярче раза в два). Но вскоре мне предстояло убедиться, что когда Лине нужно произвести на кого-то впечатление, она все еще не знает рамок и запретов.

На пару долгих секунд на веранде воцарилась полная тишина, после чего заговорили одновременно Настя и Лиза:

– Ты решила переодеться?

– А что ж ты нас не предупредила, чтоб мы захватили купальники?

Я не сказала ничего, поскольку у меня буквально отвисла челюсть – примерно так выглядел Коля, когда впервые увидел Лину. Кстати, он выглядел так и сейчас, только еще немного побледнел и зачем-то вцепился в столик.

Оставив нас в разгаре праздника «на пару минут», Лина зашла в дом и переделалась из довольно короткого голубого сарафана в наряд куртизанки – иначе я бы это не назвала. По идее это был купальник. Алого цвета. Практически не прикрывающий ее довольно полную грудь и еще меньше скрывающий снизу – узенькая полосочка ткани спереди и тоненькая ниточка сзади. Стринги.

И она явно заранее готовилась к этому представлению, по-

тому что и ноги, и зона бикини были абсолютно гладкими, ни волоска, как в рекламе. Я уныло вспомнила, как мама неделю назад отговорила меня брить ноги, заявив, что на месте светлых тонких волосков появится темная щетина. Что-то у подруги я никакой щетины не наблюдала.

– Мне стало жарко. – Она как ни в чем не бывало проследовала к своему месту – справа от меня и слева от Коли – и села. – Я и не предполагала, что солнце будет так палить. Захватила это в последний момент на всякий случай. Мне идет, а?

Девочки механически закивали, а Коля сдавленно добавил:

– Очень.

Я бросила взгляд в сторону Пашки Журавлева и убедилась в том, что Лина старалась не зря: внимание он на нее обратил точно.

– Именинница шикарна, – с улыбкой резюмировала Настя. – За такую роскошную девушку и выпить не грех. Что же мы не открываем вино, которое привез Паша? Паш, ты сказал, оно у тебя в пакете и ты потом достанешь.

Он моргнул.

– Э-э... тут такая ситуация...

– Забыл?!

– Ну, я вспомнил, но утром, когда надо было уже собираться... и... в общем, для экономии времени я взял то, что стояло у отца в баре. Он все равно туда не заглядывает – там

хранится только то, что ему дарят, а так он почти не пьет. Но... – Пашка снова замялся. – Вина не было. Только коньяк.

– Ого! – одобрительно присвистнул Коля.

– Я ни разу в жизни не пила коньяк, – призналась Соня.

– А я попробовала как-то, но он был такой крепкий, что сразу голова закружилась, – сообщила Настя.

Я была солидарна с Соней, но воздержалась от комментариев. Лина же вдруг спокойно и даже с превосходством произнесла:

– Я пила – и не раз. Отличная штука. Оль, где у тебя рюмки?

– Сейчас, – пробормотала я, поднимаясь из-за столика.

– Очень хорошо, что ты взял именно коньяк, – отважно посмотрев в глаза Пашке, добавила Лина. – Отметим повзрослому. Мне все-таки уже четырнадцать исполнилось.

Главное – как следует вымыть потом рюмки, чтобы родители не заподозрили, мелькнуло у меня в голове.

В сервизе оказалось всего шесть рюмок. Поскольку нас было семь, я вздохнула: мне, похоже, придется пить из пластикового стаканчика.

– О, отлично, что их шесть. Настя просила передать, что не будет. – Голос Коли за моей спиной раздался так внезапно, что я чуть не уронила рюмки (радикальное было бы решение проблемы).

– А ты будешь? – спросила я тихо.

– Конечно. Надо выпить за здоровье Лины, – с жаром заявил он.

– Она сегодня... хм... такая красивая. – Нашла что сказать – можно подумать, он сам не заметил.

– О да. – Коля слегка покраснел.

– Часто пьешь коньяк?

– Я? Ох, нет. Я все больше пиво.

Он говорил со мной, он обращался ко мне, и мне захотелось запечатлеть этот исторический момент всеми возможными способами: фото, видео, зарубки на дереве – что угодно. Грела мысль о том, что Лина – красивая, смелая, яркая Лина – испытывает то же при виде Пашки.

Я беспомощно смотрела на Колю («Оля, поддержи разговор, скажи что-нибудь»), но кроме хрестоматийного и совершенно неуместного «я тебя люблю» в голову ничего не приходило. Собравшись с силами, я выдавила из себя только:

– Поможешь отнести рюмки?

Он кивнул, добавив:

– За этим и пришел.

Какая галантность, какая внимательность... и о-о-о, какие глаза – как же можно предпочитать ему пусть и обаятельного, но бесцветного блондина Пашку?! Хорошо Лина устроилась – у нее есть и отношения, и чувства, а у меня...

«Хочу с кем-нибудь встречаться, – призналась я ей в день нашего примирения. – Пора бы уже понять, каково это». Я не стала добавлять, что иначе ощущаю себя неполноценной

(ведь мне почти четырнадцать!) и что главная цель – добиться того, чтобы Коля когда-нибудь застал меня в той же ситуации, что и я его с Линой – рука в руке, глаза в глаза, поцелуй... Подумал: «Ого, у нее налажена личная жизнь» – и почувствовал что-то неприятное, вроде холодка по спине...

Все будет, все будет. Мой парень, наши счастливые взгляды, нежные прикосновения губ... Он провожает меня до дома, несет мою сумку, сжимает мою руку – как же гармонично моя тонкая белая рука смотрится в его сильной мужской ладони... Мы с ним – пара года, пара века, Бонни и Клайд, Ромео и Джульетта, Орфей и Эвридика (хотя, черт, все они плохо закончили)... Иногда он заходит ко мне домой, когда родителей нет – мы целуемся до умопомрачения, и в его глазах горит огонь желания, но я всегда застенчиво, но решительно отвечаю взглядом «не надо, рано» – и он слушается, потому что уважает меня... Наши песни, наши места в городе, знаменательные даты – всего этого у нас навалом...

Пока идеальных отношений не получалось. Но, может, и к лучшему? Ведь если бы это был не Коля, это все равно была бы не любовь. Что угодно, но не она.

Итак, Насте хватило прошлого опыта, поэтому она воздержалась от того, чтобы выпить со всеми. Честно говоря, до сих пор завидую: она была единственной, кто в этот день сохранил лицо.

Началось все с бедняжки Сони. После первой же рюмки, которую она зачем-то опустошила залпом, Соня побледнела

как полотно и пару минут смотрела в одну точку. Заметила это только я: внимание остальных было приковано к имениннице. Где Лина купила купальник, куда Лина поедет отдыхать летом, как Лина заканчивает учебный год, как Лине удастся сохранять такую прекрасную фигуру (как будто она сорокалетняя мать четверых детей, а не девчонка) – вот что интересовало гостей. Даже Пашка – к ее радости, наверное – задал ей вопрос. Кажется, о том, нравится ли ей в физмате.

Соня не имела роскошной фигуры, не надела две ленточки вместо купальника, это даже не был ее день рождения, поэтому, когда я, тоже с трудом оторвав взор от именинницы, обнаружила, что с Соней что-то не так, было слишком поздно. Она слабо кивнула в ответ на мое предложение немного полежать в доме, но на крыльце побледнела еще больше и... как бы это сказать? Рассталась со своим завтраком.

Тут все соизволили ее заметить: пока я сбегала за тряпкой, девчонки проводили несчастную до кровати, а мальчики начали шумно и наперебой вспоминать, что надо делать с «пострадавшим» в подобных случаях.

Примерно на полчаса, совершенно того не желая, уже Соня оказалась в центре внимания. Потом все успокоилось: она уснула, я все убрала, мы вернулись за стол. После увиденного есть больше никому не хотелось, зато никто не брезговал коньяком.

Он действовал по-разному: у меня слегка кружилась голова, но в целом я была в порядке; Лина все громче хохотала.

тала и бросала все более красноречивые взгляды в сторону Пашки, который внезапно начал рассказывать пошлые матерные анекдоты. Лиза болтала страшные глупости довольно бессвязным тоном. А Колю, похоже, все еще сводил с ума купальник Лины: он придвинулся к ней ближе и, поглаживая ее талию, то и дело шептал что-то ей на ухо, при этом его рука спускалась чуть ниже, а то и вовсе исчезала под столом. Смотреть на это было невыносимо не то что мне, а даже Насте – она долго отводила глаза, потом заявила, что хочет посидеть рядом со спящей Соней, и, подозреваю, испытала громадное облегчение, скрывшись в домике.

– Ну что, налить еще? – Пашка потянулся к бутылке.

– Хватит! – не выдержала я. – Вы не забыли, что автобус в семь, а сейчас уже пять? Как мы доберемся до остановки?!

– Будь совершенно спокойна, – таким голосом, будто действительно было чем меня обнадежить, отозвался он. – Не можем же мы оставаться трезвыми, когда у человека такой праздник!

Лина бросила на него благодарный взор и поддержала:

– Конечно, друзья, тут осталось на дне, давайте допьем.

– Я пас, – заявила я.

– Да ладно, тут на всех хватит, пусть и понемногу, – по-своему истолковал мои слова Пашка.

– Я же сказала – не хочу.

– Ладно. Налить я тебе налью, а там как знаешь. – Дрогнувшая рука Пашки, по иронии судьбы, наградила меня де-

сятком-другим лишних капель коньяка, и у меня его оказалось больше, чем у всех остальных.

– За тебя, моя красотка, – прочувствованно выдал Коля.

– Ты сегодня глаз не сводишь со своей девушки, – заметил Пашка. – И это ясно – такой наряд... По этому поводу есть анекдот...

– Красная тряпка, – с хохотом перебила его Лиза. – Красная тряпка на быка. Даже две: одна сверху, одна снизу. Ты, Коля, бык.

– Что? – отозвался тот недоуменно.

– Да я его понимаю, – встал на защиту приятеля Пашка. – Если б не моя девушка, я сам бы... хотя можно и вчетвером – как в том анекдоте...

Лина его не слушала – слово «девушка» подействовало на нее как своеобразный переключатель: улыбка сползла с лица, реплики свелись к минимуму, взгляды в сторону Пашки не прекратились, но стали реже и напоминали обреченные и затравленные взгляды пойманного зверя.

Анекдот Пашки я тоже пропустила мимо ушей, наблюдая, как рука Коли опять ползет вниз по бедру Лины. Лиза вроде бы слушала, но, скорее всего, ничего не поняла. Так что сатирический дар Пашки пропадал впустую.

Потом я заставила себя на что-то отвлечься – кажется, понесла в домик часть посуды. Чудом ничего не разбила и не рассыпала.

Вернувшись, я не застала Колю с Лину за столом.

– А где?.. – обратилась я к Лизе, но она ответила только хихиканьем и невнятным бормотанием.

Пожав плечами, я села на свое место, съела от нечего делать крупно нарезанный помидор и кусочек пирожного. В голове была поразительная пустота. Когда из домика вышла Настя и о чем-то меня спросила, я даже не сразу поняла, чего она от меня хочет.

– А, Соня проснулась и ей надо умыться? Умывальник в той стороне. Кажется, я налила туда воду, когда мы приехали.

Как хорошая хозяйка я, очевидно, должна была проводить их, но махнула рукой на приличия, последовав примеру своих же гостей, особенно их отсутствовавшей на тот момент части. До сих пор ни разу не пожалела о том, что тогда не сдвинулась с места.

Через минуту мимо меня промчалась Настя, волокущая за руку Соню. Вид у обеих был странный – не то испуганный, не то изумленный.

– Что такое? – воскликнула я.

– Так... ничего. – Настя стрелой ринулась в домик.

– Сонь, ты как? Умылась, нет? – спросила я слегка растерянно.

Она помотала головой и прошелестела:

– Я шла умываться, но там Коля с Линой. В траве.

– В траве? Что они там делают?

– Да то самое. – Соня выпила остатки апельсинового сока

прямо из коробки. – Ох, уже легче. По мне сильно видно, что мне было плохо? Ты тоже побледнела, я смотрю.

– Да, меня затошнило. – Стараясь ни во что не вдумываться, но уже ощущая на сердце тяжесть с каким-то невероятно противным привкусом, я подняла свою полную коньяка рюмку и пробормотала:

– Пью за любовь.

Дальше, к сожалению, ничего не помню.

Воскресенье, десять утра. Просыпаться не хочется, но кто-то звонит в дверь. Почему никто не открывает? Ах да, родители собирались сегодня на дачу вдвоем...

Я ведь прибрала там после вчерашнего? Я покопалась в памяти, и от мысли, что я вообще понятия не имею о том, что происходило где-то после шести вечера, спать сразу захотелось.

Звонки становились все настойчивее, и я вскочила, в спешке чуть не смахнув с тумбочки записку: «Дочка, мы уехали, вернемся вечером. Завтрак на столе, обед в холодильнике. Надеюсь, твоя головная боль прошла. Наверное, это все свежий воздух с непривычки... Целую, мама». До сих пор не понимаю, действительно она была так наивна или притворялась.

За дверью стояла Лина – свежая, бодрая, румяная. Невольно пригладив свои всклокоченные волосы, я устало сказала:

– Ну, проходи. Расскажешь мне то, чего я не... что упустила. Надеюсь, ты за этим пришла?

– Я пришла помочь тебе с романом. Несомненно, эти описания тебе пригодятся. Мне необходимо с кем-то поделиться! – затараторила она.

– О нет, – закатила я глаза, – мои герои не будут совокупляться в траве пьяными – по крайней мере в первой части. Так что сначала расскажи, что было после того, как я выпила последнюю рюмку.

– Ничего особенного – ты упала под стол и вырубилась. Или вырубилась и упала под стол...

– Я храпела? – почему-то заинтересовалась я.

– Если тебе будет от этого легче, нет. Пашка отнес тебя в дом, а я пошла за ним и призналась ему в любви.

– Боже... прямо в моем прису... в присутствии моего бездыханного тела?! А он что?!

– Не уверена, что он меня понял. Ноги-то его держали, он даже тебя нес, хоть и споткнулся четыре раза и чуть не уронил тебя дважды. А вот с головой у него был непорядок. Болтал что-то, улыбался... Зато у меня все прояснилось в мозгу, после того как мы с Колей...

– Чай будешь? – перебила я хладнокровно.

– Я не завтракала...

– Ладно, сделаю тебе бутерброд.

– Ага, если можно, с сыром... Давай-ка я с начала начну, а то совсем запутала тебя. В общем, когда Пашка сказал, что

у него есть девушка, мне стало все равно. Вот просто все на свете до лампочки. Я дала Коле утащить себя из-за стола, потом он потянул меня за дерево... мы целовались, а он прижимал меня к стволу березы своим телом...

– Как романтично.

– О да, и гладил меня – сначала лицо, потом волосы, шею, плечи, потом все ниже и ниже... мы опустились в траву...

– Здесь можно без подробностей.

– Нет уж, слушай! В общем, Коля дал волю своим эмоциям. Что-то сбивчиво шептал, признавался, целовал меня... я легко позволила себя раздеть – сама знаешь, снимать-то было особо нечего. Он спросил, будет ли у меня первым. И тут в голове как будто просветлело! Я оттолкнула его и сказала, что люблю другого. – Тут Лина сделала многозначительную паузу.

У меня сжалось сердце: бедный, бедный Коля. Даже в нетрезвом состоянии услышать такое от любимой девушки нелегко.

– Он сразу посерел и перестал меня трогать. Я оделась. Он спросил, кто этот счастливчик. Я ответила. И тут он зарорал на меня: «Ну так иди и скажи ему об этом! Может, тебе повезет и он согласится тебя... (тут было плохое слово, я матом не ругаюсь). Ты же для него это надела, да?» По-моему, Коля тоже протрезвел от всего этого: даже не шатнулся, когда вставал. Я заявила: «А вот пойду и скажу». Подошла к столику – в этот момент Пашка как раз выгребал из-под него

тебя. Соня бормотала: «Ну вот, теперь и Оля...» Лиза все над чем-то похихикивала. Настя бросилась помогать Пашке, но он сказал, что сам справится, и она убежала – кажется, мыть посуду. Так вот, он понес тебя в домик, я пошла с ним и, когда он уложил тебя на ту кровать, с которой недавно встала Соня, сказала: «Я тебя люблю». Он возился с тобой и даже не обернулся. Что-то произнес... что-то отвлеченное – то ли о том, что надо подушку поправить, то ли вообще о погоде. Не знаю, как теперь определить, услышал ли он... На меня напало какое-то отчаяние, захотелось упасть еще ниже – так, чтобы уж точно вымазаться в грязи: схватить его за руки, броситься целовать – или, не знаю, упасть на колени...

– Но ты же ничего из этого не сделала? – с ужасом переспросила я.

– Нет. Удержалась. Вышла, села за столик. Потом подскочила Настя: «Уже шесть пятнадцать, надо успеть на автобус!» Только ее заслугами мы и добрались до города. Она, оказывается, чудесный организатор. Сама все быстро убрала и вымыла, всех растормошила, всех повела – она и дорогу до остановки запомнила...

– Отлично, значит, родителей не ожидает там бардак... Стоп, а я? Я тоже... шла с вами?

– Да, ты пришла в себя, но очень медленно передвигала ноги и ворчала, что у тебя перед глазами все плывет. Я вела тебя под руку. А из автобуса ты вышла уже нормальная – сказала, провожать не надо, хотя Пашка вызывался.

– А Коля?

– Коля не вызывался. Он вообще был злой как черт.

– Да еще бы.

– Он и меня провожать не стал.

– Ну конечно.

– Думаю, он меня уже никогда и никуда провожать не захочет.

– Считаешь, все кончено?

– Ну а как иначе.

Мы помолчали (я упорно старалась ни о чем не думать), а после Лина, откусив кусок от сделанного мной бутерброда, спросила:

– Голова не болит?

– Уже нет. Мне хорошо. Вернее, физически я чувствую себя хорошо.

– Я тоже отлично.

– Ну, тебе же не впервой пить коньяк.

– Впервой.

– А ты говорила...

– Я всего лишь хотела...

– ...произвести впечатление?

– ...подбодрить Пашку.

– О, значит, у тебя бывают и другие мотивы лжи.

– А ты что, вообще ничего не помнишь?

– Из того, что было вечером, ничего. Хотя ты говоришь, что я дошла до остановки, а потом еще до дома как-то одна

добралась. Чудеса да и только.

Тогда я еще не подозревала, что временная «амнезия» – моя нормальная реакция на алкоголь. Такой уж у меня организм – если не хочу нарваться на эту побочку, могу позволить себе разве что бокал шампанского по большим праздникам.

– Жалеешь, что вы расстались? – спросила я безжизненно.

– Да нет... наверное, так лучше, – пожала плечами Лина. – А лучше всего то, что в конце концов ничего не случилось.

Уж наверное. Но то, что случиться все-таки успело, все равно вставало перед глазами: воображение у меня неплохое.

– Слава богу, – повторила она. – Нелюбимый человек, неподходящая обстановка...

– Куча свидетелей, – вставила я.

– Думаешь, кто-то видел? – озаботилась она.

– Соня с Настей.

– А я-то удивилась, откуда ты знаешь – решила, может, я чего не помню и уже рассказала тебе все в двух словах по дороге к остановке или в автобусе. Я тоже была нетрезва, мало ли. А ты уверена, что они видели?

Обеспокоенный взгляд Лины вдруг сменился довольным. Когда она откинулась на спинку стула с чашкой чая, у нее был такой вид, будто она разгадала многовековую тайну.

– Ну, может, это Соня просто поделилась со мной одной из своих фантазий, – ядовито отозвалась я, не понимая, чему

тут радоваться.

Лично я бы на ее месте вообще переехала в другой город. В моем понимании ни мое падение под стол, ни Лизино бормотание, ни Пашкин мат, ни даже неприятность, случившаяся с Соней, не могли сравниться с этим.

– Если видели, то к лучшему. А то Соня все распрашивала, почему мы с Колей так долго встречаемся и у нас еще ничего не было. Теперь я могу спокойно сказать, что было. Пусть завидуют. Из нашей компании вообще было только у Лизы.

– Ого! Я даже не знала, что у нее кто-то есть.

– У нее и нет. Это произошло летом в лагере – мальчик ухлестывал за ней пару дней, она поддалась, а потом он потерял к ней интерес. Она, конечно, говорит, что и сама не пылала к нему чувствами – просто хотела попробовать... но, думаю, ей все же было обидно.

– Еще бы... похоже, в нашем классе тоже считают, что те, у кого было, круче остальных. Либо я чего-то не понимаю, либо это бред. Мне всегда казалось, что это должно быть по любви... маленький секрет двух близких людей.

– Все верно – и признак доверия. Если помнишь, я сама говорила тебе то же самое. Еще говорила, что ты отличаешься от всех моих подружек – вот и в этом ты меня понимаешь. Но! Никому кроме тебя я не смогла бы этого объяснить. Начни я говорить Соне или Лизе про доверие, они бы покивали понимающе, но сами при этом подумали бы, что Коля

почему-то меня не хочет, а больше никого на горизонте нет, вот я и прикрываюсь философией.

– Ужас, – выдохнула я. Это относилось не только конкретно к Соне и Лизе, но и ко всему миру, потому что я снова вспомнила об одноклассниках – они, несомненно, отреагировали бы на «философию» в этом вопросе так же.

Чуть ли не впервые в жизни я пожалела о том, что родилась именно на этой планете, в это время и живу среди этих людей.

– Слушай, а Настя? – осенило меня. – Она-то поняла бы?

– Настя – да, она другая, – ответила Лина.

– Как будто немного взрослее, да?

– Она и есть немного взрослее. Пошла в школу с восьми лет. В семь у нее были какие-то проблемы со здоровьем. Так что скоро Насте исполнится пятнадцать. Только не разговаривай с ней об этом – не то чтобы это был секрет, но она стесняется.

– Надо же, всего год разницы, а совсем другой человек, – поразила я. – Понимающая, ответственная, рассудительная и при этом дружелюбная и милая...

– Мне кажется, ей даже не очень интересно с Лизой и Соной, – подхватила Лина. – Она будто подстраивается под их обычные реакции – громко смеется, бросается обнимать подружек при каждом удобном случае, болтает о ерунде... но только из симпатии к ним.

– Так и ты делаешь так же.

– Я... ну... бывает, да. Тоже из симпатии.

– Нет, из желания понравиться, – справедливости ради уточнила я.

– Нет! Ну ладно, может, немного и да.

– Интересно, а мы с тобой какими будем через год? Неужели так сильно изменимся?

– Не знаю... в принципе четырнадцать и пятнадцать – не такая большая разница. Может, Настя просто...

– Мне, между прочим, еще нет четырнадцати!

– Но будет через три месяца, так что неважно.

– И, кстати, по моим наблюдениям, двенадцати- и тринадцатилетние девушки отличаются кардинально. В двенадцать у нас, кроме тебя, никто даже не красился, а в тринадцать – у всех уже позади курортные романы, все стреляют глазками с двумя слоями туши и теней и шепчутся, у кого с кем было. И это относится не только к тем, кто пришел из других школ – наши, я смотрю, тоже стараются не отставать.

– Но ты-то, главное, не меняешься, – бросила Лина, и это вдруг не на шутку задело меня.

– Я не меняюсь? По-твоему, я все та же наивная семиклассница?

– А чем ты в «почти четырнадцать» отличаешься от себя в двенадцать?

– Ну как чем... я... хм... поступила в гуманитарный, практически закончила девятый класс, пишу роман... – задумчиво перечисляла я, хватаясь, как за соломинку, за каж-

дую мысль.

Но Лину список моих достижений, похоже, не удовлетворил. Она усмехалась.

– Я... попробовала коньяк! – закончила я беспомощно.

– И все это изменило тебя внутренне?

– В какой-то мере...

Хотелось добавить, что больше всего внутренне меня изменило ее прошлогоднее предательство, но я решила, что это ворошить не стоит. Однако при одном воспоминании меня слегка замутило.

– Ладно. А теперь я тебе скажу, как ты выглядишь со стороны. – Лина принялась загибать пальцы. – Симпатичная. Неглупая. Вся в себе. Как будто чего-то стесняешься. Не нуждаешься ни в чьем обществе. Будь я парнем, не подошла бы к девушке, как ты, даже поболтать – отошьет с таким видом, будто ты грязь с ее ботинок. И из девчонок к тебе тянутся, извини, только такие, как Маша...

– Ты просто ревнуешь меня к Маше, вот и наговариваешь на нее, – запальчиво перебила я.

– Я разве сказала о ней что-то плохое? Думаю, ты согласишься, что Маша в основном неразговорчива и... в общем, не любит себя обременять. Почему, ты считаешь, она выбрала тебя?

– Это для меня загадка.

– А для меня нет. Потому что она почувствовала, что ты не станешь вытаскивать ее из ее зоны комфорта. Любая дру-

гая из твоего класса поволокла бы ее на дискотеку, попыталась бы сосватать ее паре-тройке знакомых парней, регулярно таскала бы ее с собой по магазинам косметики и прожужжала бы ей все уши о своих романах. Любая, только не ты. Тебя ей не приходится терпеть. Соответствовать тебе тоже нет необходимости – ты так же далека от всего, что ей претит, как и она. Ты более разговорчива, чем Маша, но при этом деликатна – не станешь пробивать ей голову тем, что ее не интересуется, пользуясь ее молчаливостью. Максимум, чем ты можешь обременить ее, это предложение пройтись по коридорам или сходить в буфет на перемене.

Прервав свой монолог, Лина торжествующе посмотрела на меня и поставила эффектную точку:

– В двенадцать ты была такой же. Ты просто не замечаешь, что остановилась.

Я изумленно ей в глаза. Было ощущение, что она только что предала меня во второй раз – так же хладнокровно и даже более жестоко. Тогда, когда я была к этому совсем не готова. Да, не слишком приятно получать свой подробный и не очень-то лестный психологический портрет от другого человека, но если это твоя лучшая подруга – гораздо больнее. Больнее, чем видеть ее рядом со своим любимым парнем.

Было похоже, что действия Лины продиктованы не благими намерениями, а желанием меня унижить. Итак, теперь она как бы мой враг. Оппонент, скажем так. Моя задача – уязвить ее в ответ.

– Значит, – медленно начала я, – ты считаешь парней, дискотеки и косметику следующей ступенью развития, на которую я все никак не поднимусь? Так вот, я думаю, что развиваться надо в других направлениях.

– В каких это? – издевательски спросила Лина.

Действительно, в каких?

– Учеба и... э-э-э...

– Ну вот. Иссякла?

– Мне просто надо подумать! Хорошо, творчество... – Я понимала, что проигрываю.

– Послушай, я скажу так: все девушки интересуются парнями, шмотками и «штукатуркой». Если тебе это не близко, значит, ты еще девочка. Ребенок.

– Ну конечно, раз я не надеваю проститутских купальников, меня никто не лапает в траве и я не вру подружкам, что у меня уже все было, – значит, жизнь проходит зря. Это ты имела в виду? – спокойно уточнила я.

– Хм... похоже, я перегнула палку, – внезапно призналась Лина озадаченно – видимо, я хорошо показала, как ее речь прозвучала со стороны. – И ... нет, я так не думаю. Вернее даже, так думаю не я.

Я облегчено вздохнула. Все не так плохо. Никакого «сражения» не было. Она не хотела меня обижать. Мы по-прежнему друзья.

– Вот именно. Рассказывай это Соне с Лизой, а со мной ведь можно и искренней побыть.

– Прости. Похоже, они имеют на меня больше влияния, чем я думала.

– На человека всегда имеют влияние те, кому он хочет понравиться, – сухо заметила я и мысленно поаплодировала себе: надо записать эту умную мысль.

– Ты это понимаешь... эх, на самом деле ты взрослее меня, – сконфуженно произнесла Лина. – Тебе для счастья не требуется постоянно производить впечатление. А я... я не права... наверное.

– В чем-то права, – в свою очередь пошла ей навстречу я. – Я действительно слишком глубоко в себе. Я всегда любила уединение, но сейчас, похоже, пора впустить в свою жизнь новых людей... и новые впечатления тоже. И... – Тут я остановилась.

Мысль, терзавшая меня с самого начала разговора, оформилась окончательно, но Лине ее озвучивать не стоило. Она сказала: «Почему Маша выбрала тебя?» – и навела меня на мысль, уже приходившую осенью после разговора с мамой.

Ни Лину, ни Машу я себе в подруги не выбирала. И при этом мечтала об идеальной дружбе! Как же достичь идеала для себя, когда ничего не делаешь для этого сам?

Я посмотрела на Лину и вдруг с невероятной легкостью решила, что человек, опускающийся все ниже ради мнения других, это не мое. Сейчас она просто не подходит на роль Идеальной Подруги. Пусть это даже утопия – все равно. Это раньше, еще до нашего разрыва, мы были близки – я это чув-

ствовала, не хотела отрицать и теперь, зная, что та близость была построена на обмане. Но что-то исчезло...

У нас больше не появляется общих шуток, мы перестали висеть вечерами на телефоне... мы откровенны друг с другом, – но хорошо ли мы друг друга понимаем? И, отпустив ее сейчас, буду ли я страдать так же, как тогда, когда она выбросила меня как тряпку? Да и простила ли я ее? Мы можем рассказать друг другу какие угодно секреты, но моя настроенность по отношению к ней никуда не уйдет.

После этого осознания я почувствовала, как теряет для меня значение то, что она только что наговорила – мне обо мне же. Какая теперь разница? Я больше не доверяю Лине.

Этот разрыв пройдет почти безболезненно. Хотя бы потому что я повзрослела. Это в двенадцать можно убиваться, расставшись с подругой, ведь она для тебя центр вселенной! Но, в конце концов, мне почти четырнадцать! Может, пора взглянуть на мир иначе?

Без лучшей подруги я не останусь. Я уже знаю, кого я хочу видеть в этой роли. И это только мой выбор.

Часть 4

«Себялюбие – яд для дружбы».

(О. Бальзак)

В это лето я нырнула с большим упоением, чем в прошлое:

если даже не брать во внимание каникулы, оно сулило избавление от многих проблем. Я больше не видела Лину каждый день и изящно уклонялась от встреч с ней наедине – только в компании. В этой самой компании я стала появляться чаще (надо же было наладить связь с Настей), зато вообще перестал появляться Коля. Они с Линой так и расстались после того случая на даче и с тех пор даже не здоровались, а когда его не было, мне было легче не думать о нем и о том, что чуть было не случилось между ним и Линой практически на моих глазах.

А в середине июня удача улыбнулась мне так широко, что я даже не сразу поверила в это.

– Оль, нам с папой дали отпуск, – радостно сообщила мама, войдя ко мне в комнату как-то вечером.

– Здорово, мам! – отозвалась я.

– Да, наконец-то. – Она слегка помрачнела. – Ты, наверное, хотела на море...

– Мам, нет! Я же говорила, я вообще туда не хочу!

Это было правдой: я еще ни разу не была на море, но ехать черт знает куда в жару только ради того, чтобы посмотреть, как волны бьются о берег, казалось бредом.

– Правда? Просто, боюсь, мы сейчас не можем позволить себе такие траты.

– Знаю, знаю, вы хотите купить новый компьютер.

– Для твоей же пользы, дочка. И интернет заодно подключим – тебе учиться легче станет... Скажи, в прошлом году

тебе было очень скучно на той турбазе?

К этому повороту я уже была готова.

– Нормально, мам. Накупалась вдоволь, загорела, – бодро ответила я.

– Ты скучала, – перебила меня мама. – А я тут вот подумала... Может, ты с собой подружку возьмешь? С папой я говорила, он не против, а тебе не так тоскливо будет. В последнее время у тебя прибавилось друзей, так что, пожалуйста, пусть это будет не Лина. Я еще не простила ее за прошлый год. Может, Маша? Ты говоришь, она спокойная, мешать никому не будет...

– Лучше Настя, – с победным видом заявила я.

– Настя? – удивленно переспросила она. – Это из компании Лины? Ты не рассказывала мне об этой девочке.

– Это моя будущая Лучшая Подруга, – коротко пояснила я.

– О, ты все-таки сделала самостоятельный выбор, – просияла мама.

Родители – чуть ли не единственные люди, которые всегда радуются за тебя искренне, как за себя.

– Надеюсь, у ее семьи есть деньги, чтобы оплатить турбазу? Впрочем, это совсем не дорого.

– Завтра же поговорю с ней. И, – я чмокнула маму в щеку, – огромное спасибо!

– Я рассказала отцу об идее твоей мамы, – сообщила На-

стя, поднося ко рту ложечку с ванильным мороженым.

Мы сидели на веранде уютного летнего кафе – компания облюбовала это место уже давно, а вдвоем мы пришли сюда впервые.

– И? – замерла я.

– И... – Она сделала драматическую паузу, а затем рассмеялась. – Он совсем не против! Мама тоже рада, что я поеду на природу.

– Уф, – выдохнула я с облегчением. – Значит, решено?

– Ну конечно!

– Ура!

– Ура-а!

Мой возглас был ликующим, ее – радостным, как и подобает случаю, но слегка натянутым, что ли. Похоже, она не до конца понимала, почему я внезапно выделила из компании именно ее – я для нее, возможно, так и оставалась одной из девчонок, подружкой Лины. Настя и не подозревала, что стала моим идеалом.

Как преданный ухажер, я впитывала и старалась запоминать все, что связано с ней: вкусы, пристрастия, хобби; анекдоты, которые ее смешат, ее прошлое, ее планы на будущее, желания, мечты... Не могу сказать, что она часто и многим со мной делилась – сведения я собирала по капле. И чем больше узнавала, тем яснее понимала, что она именно тот человек, который мне нужен. Спокойный, но при этом не замкнутый и легкий в общении. Много чем увлекающийся,

но ни на чем не помешанный. Старательный в учебе, но не зануда... Словом, совершенно адекватный во всем. Похоже, именно этого мне не хватало в Лине.

Мне трудно было представить Настю плетущей сети интриг и обманов из желания кому-то угодить – одна эта мысль вызывала у меня улыбку. И это было замечательно. Наверное, нечто подобное чувствует девушка, освободившись от долгих и мучительных отношений с совершенно не подходящим ей парнем и найдя нового, со всех сторон более похожего на принца из ее снов.

Все-таки дружба и любовь во многом похожи не только в двенадцать-тринадцать, но и в «почти четырнадцать» лет, решила я.

– Расскажи-ка мне подробнее об этой турбазе, – потребовала Настя. – Что собой представляет жилье, насколько глубока речка, как оборудованы пляжи...

Деловая хватка, умилилась я – и принялась расписывать ей домики, в которых размещаются отдыхающие, места для купания, столовую и все остальное. Она внимательно слушала, периодически задавая вопросы.

– А что там делают вечером? – поинтересовалась наконец. Этого-то я и боялась больше всего. Я, конечно, могла бы соблазнить новую подругу несуществующими дискотеками, кинотеатрами и роскошными кафе на берегу реки – все это, кстати, имелось на соседней, куда более дорогой турбазе, – но она бы все равно узнала правду.

– Ну... гуляют и кормят комаров в основном, – сконфуженно отозвалась я.

– Что ж... – Лицо Насти осветила широкая улыбка. – Им тоже надо что-то есть!

У меня отлегло от сердца.

– Я уж думала, ты сейчас откажешься, – призналась я.

– С чего бы? – удивилась она. – Уверена, мы найдем чем заняться. Можно захватить парочку настольных игр...

Я кивнула, хотя с детства ненавидела настольные игры.

– ...да даже карты. Играешь в карты?

– В «дурака» умею...

– Вот и чудесно, я сама не заядлый картежник. Года четыре назад во дворе меня научили парочке игр...

– На деньги играли? – вырвалось у меня.

– Да что ты, нет, – махнула рукой Настя. – На желанья, самые простые. Вроде прокукарекать три раза или простоять полминуты на одной ноге. Мы же совсем дети были.

Конечно. Настя никогда не стала бы играть на деньги. Она же всегда, наверное, была такой же рассудительной... Да, дело совсем не в том, что она на год старше, – это ее характер.

– Короче, нас ожидает прекрасный отдых, – подытожила она весело. – Смотри, пока мы обсуждали, мороженое растаяло!

– Точно, – с неуместным восторгом заметила я.

– Я еще и два вызова пропустила! Оказывается, случайно поставила беззвучный режим, – добавила Настя, посмотрев

на экран своего сотового телефона (узнав, что он есть у нее, я даже стала подумывать о том, что мобильник – это не так уж и плохо в принципе). – Посмотрим, от кого это... ого, Лина! Звонила с домашнего. Когда же она купит себе сотовый? Он уже у всех есть. Ой, прости, ты тоже исключение... Наверное, она хотела увидаться. Может, предложим ей присоединиться?

– Не надо, – вырвалось у меня.

– Все-таки вы поссорились. Ты утверждаешь, что нет, но я все больше убеждаюсь, что да.

– И не думали!

– А почему тогда ты не хочешь ее видеть?

– Не знаю... просто мы сидели, обсуждали... я думала, она...

– ...будет лишней? Нельзя так, она же наша подруга! – упрекнула меня Настя, после чего мне действительно стало слегка совестно. Жаль, конечно, что она не ценит нашего уединения, но, в конце концов, нельзя не признать, что она права.

– Так-то лучше. Я перезвоню.

Настя была слишком благоразумна, чтобы как ни в чем не бывало с горящими глазами рассказать Лине о *наших* планах на лето. Поэтому где-то минут двадцать мы болтали о пустяках. А потом я решила:

– Знаешь, мы с Настей вместе едем отдыхать!

Лина напряглась так, что, кажется, на пару секунд пере-

стала дышать.

– Правда? Куда? Без родителей? – подчеркнуто вежливо осведомилась она затем.

– С родителями Оли. На турбазу, – пояснила Настя, улыбаясь. – Здорово, да?

– Так мило, что мама с папой разрешили мне взять с собой подругу, – добавила я садистски.

Взгляд Лины стал растерянным, а затем – почти враждебным.

– И правда чудесно, – заметила она холодно. – Боюсь только, на турбазах довольно тоскливо. Вот мы с мамой в августе летим в Испанию.

– Испания! – ахнула Настя. – Дорогая, как тебе повезло! Наверное, в Мадрид?

– Разумеется.

Забегая вперед, сообщу, что тем летом Лина туда не поехала – может, что-то сорвалось, но скорее всего никаких планов и не было. Я сразу заподозрила неладное: то ее родители все до копейки тратят на ремонт, даже день рождения дочери толком отметить не на что, а то вдруг – Мадрид! Подозреваю, что Настя тоже засомневалась, но виду не подавала и заинтересованно расспрашивала Лину о будущем путешествии.

Я почувствовала, как невыгодно мое поведение выглядит на этом фоне: ведь я даже не попыталась скрыть скептическую ухмылку. И совершенно не вслушивалась в то, что го-

ворит Лина. И, в отличие от Насти, не заметила одной важной детали.

– Ты сказала «с мамой». А папа с вами не полетит? – спросила Настя, выскребая остатки растаявшего мороженого со дна вазочки.

– Нет. Он с нами не живет, – проинформировала Лина ледяным голосом.

– Серьезно? И давно?

– С начала лета.

– Пару недель всего? Может, все еще уладится. У всех бывают размолвки. Что же произошло?

– Я не влезаю в их дела, но, похоже, мириться они не собираются.

– Какой кошмар! И ты ничего нам не говорила!

Я все еще молчала, пытаюсь собраться с мыслями и понять, почему на меня накатила эта странная боль.

– А зачем рассказывать, – пожала плечами Лина. – Не очень-то приятная тема.

– Еще бы! Бедняжка, ты ужасно переживаешь?

– Это не мои проблемы. Единственное, я скучаю по папе. За шестнадцать дней мы виделись всего один раз. – Она опустила глаза. – Ладно. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. От Лизы нет новостей? Мне она не писала и не звонила, с тех пор как уехала в лагерь. Опять в тот самый.

Настя застенчиво улыбнулась.

– Мне она тоже не звонила. Надеюсь, в этот раз ей там

так же... весело. – Значит, она тоже знает ту историю с первым опытом Лизы... ох, не хотела бы я, чтобы моя интимная жизнь, когда она начнется, становилась достоянием общности.

И, наверное, я не буду хвастаться перед большим количеством народу, когда это случится – в крайнем случае расскажу лучшей подруге... и все. Вот такая я. Пусть думают, что я не от мира сего.

– А тебе, Оль? – спросила Настя.

– А? – очнулась я.

– Тебе Лиза не звонила?

– Нет.

Я попыталась поймать взгляд Лины, но мне не удалось. Лина, Лина, Лина... Одно дело – отдалять ее от себя, потому что она сыграла свою роль в твоей жизни, а другое – видеть, что ей все еще неприятно, но в целом она уже все поняла и вычеркнула тебя сама. Что ее проблемы – те, с которыми еще месяц назад она побежала бы к тебе первым делом, – больше не имеют к тебе отношения вовсе.

Вот почему так больно. Это все равно что пропустить несколько серий надоевшего тебе сериала, а потом выяснить, что в твое отсутствие он закончился, а ты даже не знаешь чем.

Из хаоса постепенно выплывали стройные, оформленные мысли. Сравнение с сериалом – как я теперь понимаю, довольно жестокое – мне понравилось, и я отметила, что надо

будет использовать его в моем романе.

Лина с Настей болтали, а я все размышляла и почти не принимала участия в беседе. Потом Лина внезапно посмотрела на часы и сообщила, что ей пора. У меня мелькнула сумасшедшая мысль броситься к ней на шею и попросить прощения, удержать, остановить, но я взяла себя в руки и просто сказала «пока».

Она поцеловала нас обоих в щечку на прощание. Трудно объяснить, но для меня это было дурным знаком: раньше Лина не целовала меня, зная, что я этого не люблю – теперь таким образом она попросту обезличила меня, второпях чмокнув, как и Настю (и при этом ни разу не посмотрев мне в глаза – прямо как тогда, в конце седьмого класса).

В тот день у меня начисто пропало желание обсуждать предстоящий отдых с кем бы то ни было, даже с Настей. Мама забеспокоилась, когда я сообщила ей, что Настя едет с нами, сухим и слегка напряженным тоном. Испугалась, что я этого уже не хочу.

Вечер был каким-то мрачным и тянулся бесконечно. Я трижды принималась за «Мартина Идена» (потрясающая, должно быть, вещь – Настя ведь плохого не посоветует, – но я смогла прочитать страницы две), вымыла пол в коридоре, включила мелодраму, попыталась написать несколько строк своего романа (все шло так плохо, что даже их пришлось зачеркнуть)... В конце концов я поняла, что так просто меня не отпустит.

Да, я не могла не ощутить дежа вю, сдаваясь и набирая номер Лины после нескольких часов этого скомканного, бес-толкового, полного бессознательного ожидания вечера – в день нашего расставания в конце седьмого класса было то же самое. Только теперь я даже не знала, чего жду. Я не брала с Лины обещания позвонить, и все было в моих руках. Надеюсь, что после этого мои мысли вернуться к привычной формуле «Лина – не для меня, Настя – для меня», я набрала номер бывшей подруги.

Трубку подняла она сама. Ее «алло» не было таким уж радостным, а после моего «привет» ее голос и вовсе стал тусклым.

– Привет, Оль.

– Я хотела поговорить.

Молчание. Я откашлялась.

– Слушай...

– Если это насчет моей семьи, то лучше не надо.

– Нет. Насчет Насти. – Я сама не ожидала, что скажу это.

– Сейчас попытаешься объяснить, почему тебе хочется общаться с ней, но не хочется со мной? Не утруждайся. Я сама знаю. Я просто недостаточно нормальна для тебя, – проговорила Лина спокойно и уверенно – так, будто готовилась к этому разговору (может, и правда готовилась?) – И знаешь что? Ты тоже мне не очень-то подходишь. Мне нужен кто-то подвижный, эмоциональный и энергичный, а не только понимающий. Так что, может, оно и к лучшему.

– Очевидно, тем, что произошло у тебя в семье, ты поделилась с кем-то более подвижным, эмоциональным и энергичным, – не удержалась я.

– А тебе есть до этого дело? Думаю, нет. В последнее время тебе было не слишком интересно, что творится в моей жизни, – парировала Лина, и вдруг мне показалось, что она всхлипнула.

Это совсем не вязалось с ее решительной, почти агрессивной манерой разговора, поэтому я решила – послышалось. Однако несколько секунд спустя я различила в трубке тот же звук и вздох:

– Нервы ни к черту. Ладно, пока.

– Эй, погоди! – встрепенулась я. – Ты из-за родителей?

Или...

– Какая разница.

– Мне важно!

– Тебе? Ну что ж... у меня был неприятный разговор час назад.

– Расскажи!

– Ладно. Выговориться хочется, а кому еще... Коля звонил.

У меня болезненно ёкнуло в груди. Не забывает ее... повезло же ей.

– И что?

– Умолял начать все сначала. Хуже всего то, что он обсуждал это с Пашкой, просил его не становиться между нами. А

он все никак не мог понять, каким образом вообще может это сделать. Потом сказал, что припоминает мое признание на даче, но Коля может быть спокоен: хоть я и хорошо выгляжу в бикини, я не в его вкусе. К тому же он терпеть не может тех, кто на него вешается... ох, я предпочла бы думать, что дело только в его девушке, – горестно закончила Лина.

– Ну... – беспомощно начала я.

– Что «ну», не надо меня утешать! – внезапно взорвалась она. – Я выговорилась, мне легче – все! У меня все плохо – у тебя супер, довольна?

– Почему сразу супер, – зачем-то оправдалась я. – Погоди, а Коля точно все это не выдумал, чтобы ты отвернулась от Пашки?

– Да он бы до такого не додумался. Мозгов бы не хватило.

– Эй, ну не надо так...

– Прости, я опять забыла – ты же страдаешь по этому типу. Забери его уже себе наконец! Что уж там – забирай! Подруг, парня... хочешь, паспорт отдам – недавно получила! Насчет родителей не уверена – тем более папу уже забрала какая-то другая дамочка...

– Эй...

– Что ты заладила: «эй» да «эй». Говорю, что считаю нужным! Удачной вам с Настей поездки.

– Это только через три недели.

– Уместнее сказать это сейчас, чем в сентябре, когда мы увидимся в следующий раз. Пока.

Я хотела что-то – а точнее, очень даже много всего – ответить, но почему-то не стала. Только выдохнула «пока», положила трубку... и вдруг поняла, что все кончилось.

Что бы ни было дальше, близкими подругами мы больше не будем. И здесь дело не в Насте и не в Коле – просто сломалась какая-то деталька, на которой, оказывается, держался весь механизм. Починить, наверное, можно... но, наверное, не нужно.

А жизнь продолжалась – и вполне себе приятно. Время до нашего отъезда пролетело довольно быстро (возможно, потому что я его усердно поторапливала), и вот – свершилось.

Помню третий день отдыха из десяти. Слегка грязноватый пляж, манящая синяя лента реки, жаркое солнце, подстилка, я и моя лучшая подруга, непринужденная болтовня. Родители – на некотором расстоянии: мама читает книгу, папа разгадывает кроссворд. И я эгоистично мечтаю: вот бы Настя была моей сестрой – тогда так было бы всегда. Но вслух об этом не говорю, потому что даже если бы ей понравился этот расклад, то точно не так, как мне: все же это мои, а не ее родители.

И, возможно, иногда она чувствует некоторую скованность в обществе этих двух пусть и приятных, но практически чужих для нее людей. Поэтому мой долг – окружить ее вниманием и заботой, что я с удовольствием и делаю. По дороге на пляж забежала в магазинчик купить Насте ее люби-

мую шоколадку, отдала ей свой журнал и один раз даже принесла ей из столовой завтрак, который она проспала. На все знаки внимания она отвечает удивленной благодарностью, и именно эта примесь удивления вдохновляет меня на новые подвиги. Пусть поскорее поймет, что это естественно, привыкнет, что я ее близкий человек и забочусь о ней, не то что другие подружки, которым бы только погулять да посплетничать.

Все это, конечно, отвлекает меня от мыслей о Лине – если быть откровенной, я вообще о ней не думаю. Ну, разве что когда ассоциаций не избежать: девушка в ярко-красном купальнике на пляже, крик какой-то мамыши: «Анфиса, куда пошла?!» (подумать только, детей еще так называют) и все в этом роде.

А вот отрывочно-печальные мысли о Коле («а вот бы... ах, если бы...») приходят чаще, хотя я честно стараюсь их отгонять.

– Ну что? Собираешься отыгаться сегодня вечером в «дурака»? – спрашиваю я Настю.

– М-м, я как раз думала о вечере, – отзывается она. – У меня есть идея получше. Ты говоришь, на соседнюю турбазу можно пройти через лес? А там дискотека, так?

– Господи, только не говори мне, что ты хочешь... хотя в принципе идея неплохая.

– Ну нет, одни мы, конечно, не пойдём!

– Вряд ли моим родителям понравится эта мысль.

– Родители ни при чем. – Настя наклоняется ко мне и заговорщицки шепчет:

– Надо найти других сопровождающих. Мужского пола.

– Откуда мы их возьмем? – удивляюсь я.

– Как откуда? Познакомимся! Заодно будет с кем танцевать.

До сих пор я не подозревала, что Настя легко заводит знакомства с парнями. На меня наплывает что-то вроде досады: все такие прогрессивные, а я...

– Послушай, насчет дискотеки я не так уж и уверена, – бормочу я. – Когда в прошлом году мы с родителями забрели туда днем, я только запомнила, что там есть кинотеатр и что та турбаза гораздо больше нашей. Мы ее даже обошли не всю, потому что надо было спешить обратно на обед. Я просто услышала, как одна девчонка говорила другой, что ее сестра идет вечером на дискотеку и они могут пойти с ней... Но кто знает – может, там одни малыши тусуются? Какого возраста эта сестра – неизвестно, а девчонкам было лет по десять...

– Не понравятся танцы – можем просто погулять. Раз турбаза большая, будет где развернуться. Смена обстановки – это всегда хорошо! Вот, гляди. На нас смотрят два парня.

– И что с того? – Я на всякий случай поправляю купальник – он прошлогодний, а с тех пор у меня немного выросла грудь, и вполне невинный закрытый верх стал выглядеть откровеннее.

– Нам же нужны сопровождающие! – Настя улыбается одному из них – не многозначительно, просто приветливо, так что это не выглядит вульгарно.

Юноша, похоже, только того и ждет – он машет ей рукой и вместе с приятелем направляется к нам. Я сразу будто съезживаюсь и на сей раз вспоминаю Лину, а точнее, ее слова обо мне: «Будь я парнем – ни за что не подошла бы к такой даже поболтать». Пусть ее оценка вроде бы потеряла для меня значимость, эта фраза в мозгу все же отпечаталась.

И приходится признать: эти парни только сделали три шага в нашу сторону, а я уже с тоской вспоминаю, как мы с Настей валялись на подстилке вдвоем и никто нам не мешал. Выходит, Лина была не так уж далека от истины.

Бросаю взгляд на родителей: папа поглощен кроссвордом, а мама уже заметила парней и делает мне ободряющий жест, который явно должен означать «вы же на отдыхе, почему бы не познакомиться». Хорошо, конечно, иметь прогрессивных родителей, но в этот момент я предпочла бы, чтобы она вскочила и с негодованием прогнала эту парочку прочь. Кстати, кажется, я уже где-то видела и того и другого.

– Привет, – раздается у меня над ухом. – Не хотите испугаться?

Настя снова лучезарно улыбается и отвечает за нас обеих:

– Почему бы нет.

Мы пообедали, забрали у родителей ключ и, оставив их

в столовой доедать резиновые котлеты с безвкусным пюре, медленно направлялись к домику.

– По-моему, Володя с Димой – очень даже милые ребята, – заметила подруга. – По крайней мере с ними весело, легко и есть о чем поболтать.

Ну, положим, это ей было с ними легко: на каждую их реплику она реагировала уместной шуткой или комментарием, да так быстро, будто заготовила их заранее. А я все больше вежливо кивала, чувствуя себя Ватсоном при Шерлоке Холмсе или Гастингсом при Пуаро: не очень удачным, но иногда полезным приложением.

– Нормальные парни, – пожала плечами я.

– А главное, они каждый день ходят на ту турбазу!

– Да, мне даже неприятно стало, когда Володя сказал, что тут делать нечего и они приезжают сюда, только потому что здесь работают их родственники, а тусуются все время там.

– Да, это он зря сказал – здесь тоже хорошее место.

– Рада, что ты так считаешь. Хотя без тебя я умерла бы тут от скуки.

– Но, слава богу, ты со мной. А они оба ездят сюда уже несколько лет и чуть ли не на все лето – представь, как им надоедает, вот они и говорят всякое. Кстати, неудивительно, что их лица тебе знакомы – ты же здесь уже отдыхала!.. Что-то ты напряжена.

– Думаю, что делать с родителями. Сказать, куда мы собираемся? Боюсь, они будут волноваться, что мы идем поздно

через лес с незнакомыми парнями.

– Поздно? Мы же договорились на восемь!

– Но они сказали, что дискотека начинается в девять, и обратно мы вряд ли пойдем до десяти.

– До одиннадцати, Оля! Кто же проводит на танцах час, да еще первый? Самую лучшую музыку всегда включают попозже, когда народ соберется. Закон дискотек.

Я и не подозревала, что она знакома с такими «законами».

– До одиннадцати... что же делать? Мама с папой будут жутко нервничать!

– Ой, ну хорошо. В десять уйдешь – попросим одного из них тебя проводить, – предложила Настя.

– А ты останешься? – удивилась я.

– Думаю, за меня они будут волноваться меньше... Оль, ну ты чего, я ж пошутила! Зачем нам разделяться, уйдем вместе в десять. А если все пойдет хорошо, завтра попробуем отпроситься до одиннадцати или даже позже.

Я облегченно вздохнула и призналась:

– Я уж думала, ты всерьез останешься с ними без меня.

– Ну да, и присвою обоих кавалеров? – расхохоталась Настя. – Расслабься. Все пройдет отлично.

И все действительно шло отлично – но опять же только для нее. Она шагала по лесной тропинке, вдыхая свежий воздух и легкий запах хвои, в окружении двух добрых молодцев, точно Скарлетт О`Хара с братьями Тарлтонами, и наслажда-

лась непринужденной болтовней. А я шла справа от Володи, вежливо улыбалась и старалась как можно более приветливо отвечать, когда он обращался ко мне, что происходило довольно редко.

Второй, Дима, вообще как будто не подозревал, что я среди них, и общался исключительно с Настей – иногда, правда, комментируя слова Володи. Уже на подходе к турбазе я попыталась рассказать историю в тему разговора – в результате Володя сказал «прикольно», Дима пропустил всю мою речь мимо ушей, а Настя посмеялась и заявила, что знает аналогичную историю. И ее-то, конечно, слушали внимательно.

А я впервые за время нашей дружбы окинула ее не возмущенным, а придирчивым взглядом и спросила себя, что в ней такого особенного. Почему бы этим двоим (мнение которых меня не очень интересует, но все-таки) не обратить внимание на меня – не увидеть в моем молчании что-то загадочное и интригующее и не начать наперебой расспрашивать, почему я так мало разговариваю и не тревожит ли меня что. Нет, их это совершенно не волнует. Может, потому что Настя намного симпатичнее меня? Ну что ж, у нее неплохая фигура (хотя ноги у меня лучше), ясные глаза (мои тоже ничего), а вот волосы у нее жиденькие, в косе они смотрелись бы как крысиный хвост – зато я могу позволить себе заплести хоть две косы, причем довольно толстых...

«Господи, что это со мной? – одернула себя я. – Ищу недостатки в лучшей подруге только потому, что какие-то пар-

ни интересуются ею больше, чем мной?! Мне что, разве так нужно им понравиться?»

Но во мне будто включился счетчик: у меня маникюр красивее – плюс один балл, но у Насти кожа более гладкая – два балла в ее пользу. Я лучше одеваюсь: сейчас на ней простая белая футболка и джинсы, а на мне элегантная длинная юбка и довольно интересная кофта с открытыми плечами – плюс два балла... У меня уже первый размер груди, а у нее, скорее всего, нулевой – прибавлю себе два балла, потому что для подростков, причем обоих полов, это важно. Но она... эх, она лучше находит с людьми общий язык – плюс десять баллов и полная победа Насти.

– Оля, а ты что такая невеселая? – окликнула меня она.

– Я? Да ну. Просто задумалась.

– Крепко задумалась. Не иначе, о судьбах Родины, – внезапно заметил меня Дима, и я ощутила необъяснимый прилив благодарности к нему – как будто все стало не так плохо, когда он соизволил обратить на меня внимание.

С прошлого года соседняя турбаза, кажется, стала еще больше и являла собой еще более яркий контраст с нашей. Здесь достроили новые аккуратные домики пастельных цветов, на которые было приятно взглянуть, тогда как нашим было лет по двадцать, если не тридцать, и уже трудно было разобрать, какого цвета они были изначально. На улице установили оригинальные фигурные фонари, неподалеку от ухоженных цветочных клумб выросли маленькие фонтанчики –

в виде двух изящных русалок и распахнувшей рот рыбы из какой-то сказки. При виде этой красоты мне стало стыдно, что я привезла Настю не сюда.

Впрочем, она, кажется, была всем довольна.

– Какая прелесть! – восклицала она. – Как хорошо, что я захватила фотоаппарат! Мальчики, щелкнете нас с Олей вот на этом живописном месте?

– Конечно, – чуть ли не хором отозвались они.

В конце концов фотоаппарат был вручен Диме. Мы с Настей встали на фоне показавшейся ей живописной клумбы с петуньями, в которой лично я не видела ничего особенного.

– Оля, ты хмурая, улыбнись, – уже во второй раз обратился ко мне Дима, и я наверняка просияла. Я надеялась увидеть это на фото, но когда проявили пленку, выяснилось, что снимок сильно засветился и различить выражение наших лиц почти невозможно.

Подумать только – он не просто снова заметил меня, а произнес мое имя! Внезапно это показалось мне необыкновенно важным.

– Послушайте, до дискотеки еще полчаса, – сообщил Володя. – Что, если нам выпить чего-нибудь? Ну, так, для настроения.

– Я почти не пью, – отозвалась Настя, – настроение у нас и так хорошее, а от спиртного у меня голова кружится.

– Так ведь мы не предлагаем вам водку. Можно немного пива, – вмешался Дима.

– Пиво – это мерзость, – поморщилась Настя. – Если только немного вина.

– Боюсь, вина в здешнем магазине нет. Кроме пива и крепкого спиртного, там только слабоалкогольные коктейли. Будете?

– М-м... – Она задумалась. – Почему бы и нет. В конце концов, мы на отдыхе... ты что думаешь, Оль?

Все взгляды обратились на меня, и я почувствовала себя чуть ли не вожаком стаи.

– Не против, – сказала я, отчасти чтобы не разочаровать их.

– Ну вот и решено, – облегченно вздохнул Володя. – Идемте.

Магазин на этой турбазе был, разумеется, тоже куда лучше нашего. Если в нашем продавали шоколадки, леденцы, чипсы, соки и прочую мелочь – считали, видимо, что отдыхающие прекрасно наедаются безвкусной едой из столовой, – то здесь можно было подкрепиться основательно. Пирожки, фрукты, овощи, кисломолочные продукты, сыры, колбасы были представлены на витринах, может, и не в изобилии, но все же выбор был. А вот с алкоголем дело обстояло так же, как у нас: много пива, чуть меньше водки и парочка видов коктейлей. Как раз эту парочку видов мы с Настей и решили попробовать.

– Я возьму с вишней, – еще стоя в очереди, шепнула она мне. – А ты?

В принципе мне было все равно, но я тоже нацелилась на вишню. Вряд ли у них был только один вишневый коктейль, однако для разнообразия я ответила, что выберу апельсин.

– Чудесно, потом попробуем друг у друга по глоточку. Ты часто пьешь такие коктейли?

– Если честно, никогда не пила.

– А я пила один раз. Но почему бы и нет? Коктейль уж повкуснее коньяка, и голова от него точно меньше кружится.

– И, надеюсь, амнезии от него тоже не бывает.

Надеялась я зря. Некоторые события вечера потом пришлось восстанавливать по чужим рассказам.

На вкус мое апельсиновое пойло очень напоминало шампунь. Настино тоже, так что я не сильно пожалела, что не выбрала вишневый – при выборе шампуня для меня это обычно не принципиально.

Мы вчетвером отошли со своими баночками от магазина и сели на ближайшую скамейку. Громко стрекотали цикады. Вокруг причудливого фонаря вились не то комары, не то мошки, прилетевшие на свет. Мимо проходили люди: неспешные семейные пары с детьми, громко болтающая компания молодежи, влюбленные парочки, подруги... Я уже успела отвыкнуть от такого разнообразия: на нашей турбазе процентов восемьдесят отдыхающих составляли родители с чадами до десяти лет.

Поразительно, что мы вообще смогли встретить там двух парней, не только научившихся ходить, но и закончивших

начальную школу. И, что уж совсем удачно, среднюю тоже. Дима и Володя сказали, что им по шестнадцать – может, добавили себе годик, но не более.

– Так удивительно, что мы с вами познакомились там, а не здесь! – Володя размышлял о том же, о чем и я.

– Мы думали, там вообще симпатичные девчонки не отдыхают, – подхватил Дима, и мне показалось, что он бросил взор на меня. Возможно, это означало, что в прошлом году я была менее симпатичной.

– Выпьем за знакомство, – предложил Володя, и мы дружно стукнулись своими жестяными банками.

– Поздновато ты тост произнес, мы уже много выпили, – засмеялась Настя.

– Ты много?.. – удивилась я. – Я не очень. Я потихоньку... Ладно, сейчас догоню.

– Куда торопиться-то, – лениво сказал Володя, сидевший справа от Насти, и вдруг обнял ее за плечи.

Она едва заметно дернула плечом, но не стала ничего говорить, и он не убрал руку. Я почувствовала себя глупо и машинально придвинулась к Диме, но тот не спешил следовать примеру приятеля, и я, совсем сконфузившись, решила выпить еще, чтобы все это перестало меня волновать.

Звуки музыки уже доносились до нас, но мы не спешили: по словам Димы и Володи, вначале на дискотечной площадке танцевала в основном малышня, а молодежь подтягивалась через полчаса-час, как и подозревала Настя. Я вспомнила,

что обещала родителям вернуться около десяти и вообще не сказала о походе на соседнюю турбазу – только упомянула, что мы будем гулять с новыми знакомыми. Было уже десять минут десятого, а мы еще не начали танцевать, и ничто не предвещало, что я выполню свое обещание.

«Мама с папой не дождутся нас в назначенное время, выйдут искать – турбаза-то маленькая, – не найдут и решат, что новые знакомые затащили нас глубоко в лес, изнасиловали и убили. Все родители делают такие выводы в подобных ситуациях», – тревожно подумала я, все еще не двигаясь с места и попивая свой «шампунь». Постепенно сознание обволакивало приятной дымкой, и скоро нежелательные мысли отступили. Остались только лето, теплый вечер, приятные люди рядом и предчувствие чего-то хорошего.

Как давно я не танцевала! Как давно не была на дискотеке! Почему-то меня всегда то ли смущало, то ли пугало скопление подвыпившей веселой молодежи. Но на этот раз я сама была подвыпившей и довольно веселой, так что контраста не чувствовалось. Мы с Настей и наши новые друзья сразу же влилась в эту шумную толпу, которая все разрасталась и разрасталась. Во мне кипели энергия и радость единения и согласия со всеми окружающими, безумно хотелось с кем-то этим поделиться. Настя утверждала потом, что я несколько раз в порыве нежности обнимала то ее, то Диму, то Володю. Видимо, зачатки моей любви к тактильным контактам обнаружили уже в тот вечер. Периодически рядом с нами ока-

зывались какие-то знакомые Димы и Володи, но потом все они терялись в толпе.

Неожиданно я обнаружила, что на часах уже больше десяти, и хотела сказать Насте, что нам пора, но решила дождаться, пока кончится песня, а она все никак не кончалась. А когда все-таки закончилась, то сразу началась моя любимая. И я, разумеется, пустилась в пляс...

Кажется, я все же сообщила кому-то из троих, что пора идти. Но, похоже, это была не Настя: ушла я почему-то с Димой. Вроде бы я оборачивалась и спрашивала, где Настя, но он отвечал, что они с Володей нас догонят.

Мы вошли в лес, довольно неглубоко, и начали целоваться. Я даже не успела понять, как произошел мой первый поцелуй, и затуманенная алкоголем память сохранила две картинки: на первой Дима внезапно останавливается и поворачивается ко мне, а на второй мы уже целуемся, прижавшись друг к другу. Не помню, гладила ли я его по волосам (и он меня), за талию или за шею я его обнимала, говорила ли я что-нибудь. Помню только, что в какой-то момент перед моими закрытыми глазами печально встал образ Коли – довольно блеклый – и почти тут же исчез.

Потом мы взяли за руки и пошли дальше – чем глубже входили в лес, тем темнее становилось, и в конце концов Дима стал подсвечивать нам дорогу мобильным телефоном, экран которого при этом все время гас. Дальше я все помню более или менее четко.

– Давно у тебя сотовый? – полюбопытствовала я.

– Полгода. Дурная штука, – усмехнулся он.

– Почему?

– Тебя всегда можно достать. В любой момент.

– Я так же думала, а сейчас у многих он есть, и я почти что хочу его себе... но будь у меня телефон, на нем уже высвечивалась бы куча звонков от родителей, – пробормотала я.

– Вот именно. Бывают ситуации, когда ты просто не хочешь быть на связи – ты занят, – по-своему истолковал мои слова Дима. – Например, сейчас...

Он подтолкнул меня к дереву и, прижав к нему, снова начал целовать. Его руки так ненавязчиво и как-то легко скользнули вниз, что я даже не сразу это заметила. Спохватилась, только когда моя элегантная юбка уже приземлилась на ковер из сосновых шишек, иголок и листьев.

– Эй, ты что, – отреагировала я скорее удивленно, чем возмущенно.

– А что? – спросил Дима.

– Не надо.

– Ну, если не готова, давай чуть-чуть... не до конца...

Я подумала о том, что перед этим купальным сезоном все-таки воспользовалась бритвенным станком, причем удалила лишние волосы не только на ногах. В тот момент я похвалила себя за это: по крайней мере буду знать, что если бы действительно хотела заняться чем-то эдаким с Димой, никакие эстетические моменты мне бы не помешали. Дело лишь в

том, что я не хотела.

– Не надо, – повторила я, подбирая юбку, к которой сзади успел прицепиться репей.

– Ладно, – проворчал Дима, но все-таки взял меня за руку и пошел со мной дальше.

А я в какой-то страшный момент уже допустила мысль, что он уйдет и оставит меня одну в темном лесу. Что говорить, лучше, когда твой первый поцелуй происходит с человеком, которому доверяешь больше.

Дима проводил меня до домика, холодно поцеловал – даже, кажется, не в губы, а почему-то в висок – и исчез.

Стоило мне открыть дверь, на меня ураганом бросилась мама:

– Ты с ума сошла?! Половина двенадцатого ночи, Настя пришла, а тебя нет! Мы всю турбазу обежали! Папа опять пошел тебя искать!

– А давно Настя вернулась? – спросила я.

– Где-то полчаса как. Она думала, ты уже тут. Как получилось, что вы разделились?! – К счастью, мама, кажется, не ждала ответа – ведь я совершенно не представляла, что на это сказать. – Ох, пойду выпью воды. Как же ты меня напугала! – Она уже успокаивалась.

– Прости, мамочка. Этого не повторится. – Я обняла ее, чему она сильно удивилась и пробормотала: «Господи, что это с тобой?».

Тут пришел папа, и мне предстояло еще одно объяснение,

занявшее куда больше времени: ему было недостаточно лицезреть меня живой и здоровой – еще нужно было знать, почему я так опоздала и почему Настя пришла раньше и сказала, что потеряла меня. Врать я ненавижу, особенно родителям, а в тот момент мне и в голову ничего не приходило, поэтому я сначала ответила, что очень хочу спать и расскажу все утром, но папу это не устроило.

Пришлось придумать жуткую небылицу: мы с Настей прогуливались вдвоем (новые знакомые были не с нами – их приплетать ни к чему) по нашей турбазе, мне захотелось сока, и я предложила ей не бежать со мной в магазин, а подождать меня. Но она, видимо, не поняла, потому что, вернувшись на то место, я ее не обнаружила. Я забеспокоилась и долго искала ее, а потом все же пошла домой.

Мне было безумно интересно, что сказала моим родителям Настя, и хотелось вместе с ней сочинить, куда она могла пропасть в моей истории. А еще, конечно, хотелось поделиться с ней тем, что произошло в лесу. Кому, как не лучшей подруге, рассказывать о первом поцелуе? Я уже представляла, как мы дождемся, пока уснут мои мама с папой, выйдем на крыльцо домика и будем шепотом обсуждать все это...

Однако ничего такого не произошло, потому что я обнаружила Настю крепко спящей. Не скажу, что мне это понравилось. И не только из-за того, что теперь я была вынуждена держать все в себе как минимум до утра – просто... я бы на ее месте никогда не уснула. Да если бы Настя вдруг исчезла

вместе с каким-то парнем и долго не возвращалась, я с ума бы сошла от волнения! А она преспокойно спала, мерно дыша во сне и улыбаясь чему-то.

«Вот Лина бы так не поступила», – подумала я угрюмо, забираясь под одеяло. Впрочем, полной уверенности у меня не было – возможно, я и ее идеализировала.

– Не знаю! Не помню!

– Ну ты даешь, Оль. Не помнишь, значит, почему решила уйти с Димой. А почему позволила себя целовать? Вы же едва знакомы!

– Но ты же позволила Володе обнимать себя на лавочке!

– Это пустяк. Он тоже потом лез целоваться, когда вы ушли, но я увернулась и обратила все в шутку.

– Будем считать, что ты умеешь себя вовремя остановить, а я нет. Хотя бы мне есть у кого поучиться.

К счастью, мы с Настей обе проснулись раньше родителей и у нас было время до конца смоделировать для них ситуацию, неумело сочиненную мной накануне. И, конечно, обсудить все остальное. Но все-таки я представляла себе эту беседу на крыльце под звездами, а не в пижамах утром, и это все портило – как и то, что, вместо того чтобы разделить со мной волнительность столь важного события, Настя стала внушать мне, что я поступила неразумно. Это я и так знала, но раз уж все позади, могла бы и порадоваться за меня, расспросить обо всем в подробностях... которых я все равно не

помнила.

– Что значит «вовремя остановиться»? Мне не нужно было себя останавливать. Потому что меня совершенно не тянуло к Володе, – сообщила Настя, почему-то с укором.

Можно подумать, я и в этом была виновата.

Теперь ее идеальность вызывала у меня раздражение: и общается она приветливо и легко, и почти не пьянеет, и все ситуации держит под контролем – да такое чудо надо в музей под стекло ставить!

– Послушай, а что же ты отпустила меня с Димой? – Очень хотелось добавить: «Раз ты такая умная».

– Я тебя потеряла! – воскликнула Настя. – Если помнишь...

– Не помню.

– ...мы все время держались вчетвером, а потом Дима сказал, что отойдет покурить, ты решила отправиться с ним и исчезла!

– Я сама за ним пошла?

– Да, я уж подумала, что ты тоже хочешь покурить.

– Я даже не пробовала никогда.

– А я пробовала один раз – гадость жуткая.

«Все-то она пробовала, все-то она знает, и при этом вся такая правильная и рассудительная... Ну ладно, ладно, я злюсь вовсе не на Настю, а на себя – за то, что выпила лишнее и допустила, что мой первый поцелуй случился совершенно не тогда и не с тем, с кем я хотела», – сказала я себе.

И заставила себя сердито прокрутить в голове собственные мысли по поводу гладких ног и прочего. Фи, как я вообще в голову взяла, что мне даже теоретически могло захотеться снять трусы перед незнакомым парнем!

Но все было бесполезно, потому что злилась я не на себя, а именно на Настю.

– Тогда ясно, почему Дима решил, что ему все можно, – резюмировала я с иронией. – Раз уж я сама за ним бегала...

– Он тебе сильно понравился? – сочувственно произнесла Настя – так, будто спрашивала, правда ли, что я сломала ногу в канун собственного дня рождения.

– Нет! Мне было просто приятно, когда он ко мне обращался.

Да, звучало абсурдно, но хорошо еще, что я не добавила «потому что в основном он говорил с тобой».

Что уж там, воспоминания о прошлом вечере оказались куда хуже, чем мое настроение в тот вечер. Теперь мне все виделось не так радужно: похоже, безудержное веселье, энергичные танцы и маленькое романтическое приключение существовали только в моем воображении. На самом деле были пьяный угар, неуклюжий пляс и вульгарное вешание на шею незнакомому парню, который тут же решил, что я не прочь переспать. А началось с чего? С того, что мне захотелось понравиться Диме и Володе так же, как Настя, которая в отличие от меня ничего особенного для этого не делала!

Я начинала понимать Лину. Как это сложно – все вре-

мя стараться произвести впечатление – и сколько разных глупых ошибок можно при этом допустить! Я еще осуждала ее... А я ведь даже хуже нее. Она-то в мае на моей даче позволила лишнее своему парню от безысходности, из-за несчастной любви, а я разрешила снять с себя юбку едва знакомому человеку (хорошо, что об этом я Насте не сообщила) – и я бы соврала, сказав, что сделала это из-за Коли. И даже из любопытства или духа авантюризма. Да даже из-за алкоголя! Нет. То есть, наверное, все это в какой-то мере повлияло, особенно последнее, но на самом деле... так просто получилось.

И никогда у меня в жизни не будет ничего идеального, потому что я все время делаю то, что получается, а против течения поплыла только два раза – выбрав Настю (подруга из которой, похоже, никудышная) и Колю (который взаимностью мне не ответил).

– Очевидно, тебе вообще нельзя пить, – вздохнула Настя, вылезла из своей постели и стала причесываться.

Посмотрев на ее жиденькие волосики, я даже слегка смягчилась.

– Очевидно, – согласилась уже почти миролюбиво. – А может, ты тоже слегка забылась вчера? Мы ведь договорились, что уйдем около десяти, но ты почему-то не стала следить за временем. И когда я исчезла вместе с Димой, искать меня явно бросилась не сразу, иначе быстро догнала бы.

В ее глазах промелькнуло что-то похожее на досаду.

– Я тебе с самого начала сказала, что мы не уйдем с дискотеки так рано, это просто невозможно. А искать я, конечно, пошла не сразу – я ведь думала, ты с Димой поку... подождешь, пока он покурит, и вы вернетесь!

– И тебя не встревожило то, что я увязалась за малознакомым парнем? Это так на меня похоже? Может, тебе стоило остановить меня, раз на тебя коктейль подействовал меньше?

– О господи, перестань пытаться обвинить меня в том, в чем виновата ты одна, – раздраженно призвала меня Настя. – И скажи «спасибо», что поздним вечером в темном лесу с тобой не случилось ничего более серьезного, чем поцелуй! Давай-ка лучше еще раз сверим алиби для твоих родителей.

– Тише, они в соседней комнате и, может, уже просыпаются, – буркнула я.

– Ладно. – Она перешла на шепот. – Итак, ты убежала за соком...

– Ты часто врешь родителям? – перебила ее я.

– Не скажу, что часто, но иногда приходится, что делать. Это ложь во спасение.

Ну как всегда – «золотая середина». Чтобы стать для людей идеалом, надо быть чуточку неидеальной. Может, она тоже «для людей» старается? Любит производить впечатление? Или просто идет на компромиссы: они хотят, чтобы я вела себя так – ну что ж, можно и так...

«Надеюсь, у нее это не возведено в культ, как у Лины».

На этом я закончила размышления о природе человеческой и снова переметнулась мыслями к своему первому поцелую.

Должна же я была припомнить какую-то особую деталь, хотя бы для того чтобы использовать в своем романе! Эх... увы. Хоть прямо еще раз иди целуйся.

Диму и Володю мы встретили на пляже. Я обнаружила их раньше Насти, но мне почему-то стало неловко, и я ничего ей не сказала, а пляж был полон людей, так что она их не заметила. Потом ей захотелось мороженого – еще вчера я предложила бы сбегать в магазинчик вместо нее, но теперь меня уже не тянуло выполнять каждую ее прихоть, и я только сказала, что тоже пойду, потому что как раз собиралась купить воды. Мне показалось, в ее взгляде мелькнуло удивление, и на сей раз его причиной было мое нестремление ей угодить.

Когда мы, с эскимо и бутылочкой «Нарзана», спустились с моста, Дима с Володей поднимались на него с вещами. Тут-то мы и столкнулись.

– О, вы! – воскликнул Володя обрадованно. – Ну вот, а мы уже уходим...

– Может, останетесь пока? До обеда еще час, – заулыбалась Настя.

– Вообще-то, мы тут уже давно... – Володя глянул на Диму, но тот молча пожал плечами. – Ладно, не будем возвращаться, давайте с вами лучше договоримся сразу после обеда встретиться здесь. Мы, скорее всего, будем в тени, под де-

ревом, а то так нажарились – все тело болит.

– Договорились. Пока.

Ни я, ни Дима ни разу не вмешались в этот короткий диалог – я разглядывала свои ногти, а он – захватанные перила моста с давно облезшей краской. Я была скорее смущена, он – скорее раздражен. Наверное, из-за того, что у него со мной ничего не получилось – думаю, поцелуи для него не имели такого значения, как для меня.

Впрочем, может, он был просто голоден или действительно пережарился на солнце – по крайней мере, когда мы встретились полтора часа спустя, он оттаял и даже обратился ко мне пару раз, пока мы играли в карты.

Народу было теперь не много – семьи с маленькими детьми свято соблюдали тихий час. Мои родители тоже решили подремать, а нас отпустили без особого восторга – наверное, боялись, что мы опять каким-то образом потеряем друг друга. «Держитесь все время вместе, не купайтесь поодиночке и не лезьте в воду сразу после еды», – проинструктировала нас мама.

Когда мы пришли на пляж, Дима с Володей уже лежали на подстилке в тени раскидистого дерева и играли в «дурака». Они предложили нам присоединиться, мы согласились. Через час решили сделать перерыв и искупаться. Дима сразу же уплыл на глубину, а Володя начал с того, что обрызгал Настю, успевшую войти в воду только по щиколотку, и она, хохоча, окатила его в ответ. Володе явно нравилась эта игра

– потому что ему, похоже, нравилась Настя. А она... наверное, решила подыграть ему, почему бы нет.

– Эх, как жалко, что мы завтра уезжаем, – вздохнул он, когда мы втроем стояли под солнцем, высыхая (Дима все еще плавал).

– Уезжаете? – переспросила Настя огорченно. – Как же так? Я думала, вы тут почти все лето.

– Это верно. Но Димон сказал, что хочет в город на недельку, тут ему надоело, а завтра как раз отсюда автобус идет. А мне, во-первых, тут особо делать без него нечего, молодежи нет почти, а во-вторых, у моей бабушки будет несколько выходных с завтрашнего дня, и она собирается съездить к врачу – у нее что-то совсем спина разболелась. Еще бы, целый день на кухне... Я, наверное, вместе с ней потом и вернусь. А может и позже – у моего друга день рождения, отметим там...

– Нам здесь еще шесть дней... значит, мы вас больше не увидим?

– Ну, меня – может быть, а Димона – вряд ли. Но мы же можем потом встречаться в городе! Обменяемся телефонами... – Володя многозначительно посмотрел на Настю.

– Да, конечно, – закивала она.

Тут, наконец, вышел из воды Дима.

– Ну что, хорошо поплавал, русалочка? – поддразнил его друг.

– Отлично, – усмехнулся тот. – Уже побил вчерашний ре-

корд.

– Просто купаться ему уже, видите ли, неинтересно, – пояснил нам Володя. – Он у нас теперь рекорды по нырянию ставит. Вчера перенырнул почти всю реку – только поперек, правда, еще есть куда стремиться.

– А сегодня – не почти, а всю, – без особой гордости сообщил Дима. – Так что, вечером потусим?

– Да, девчонки, какие у вас планы? – подхватил Володя.

– Боюсь, допоздна не получится – родители вчера сильно волновались, – подала голос я. – И на ту турбазу идти нет смысла, наверное, потому что сегодня надо вернуться в десять, чтобы их не раздражать.

– Не пойдете туда? – расстроился Володя. – А здесь-то что делать? Ну девчонки, имейте совесть, мы же завтра уезжаем! Мы хотим оттянуться как следует!

– Так оттягивайтесь, – пожала плечами я. – Лично я не смогу.

– А ты, Насть?

– Ну уж нет, я без Оли не пойду. Это будет нехорошо, – извиняющимся тоном произнесла моя подруга (это должно было означать «я бы с радостью, но чертовы приличия заставляют меня всюду мотаться с ней»). – Давайте лучше немного погуляем после ужина, потом вы пойдете, а мы... наверное, вернемся в домик и будем играть в настольные игры.

Дима не сдержал усмешки: да, отличная альтернатива танцам и веселью для подростков.

– Ладно. Тогда после ужина возле столовой, – назначил Володя.

– Давайте через полчаса после ужина. Нам же надо будет переодеться.

– А, сделать вечерний макияж, чтобы сразить нас наповал? Ну-ну. Давайте через полчаса... Я хочу пить. Никто со мной не пойдет? – Намек был уж чересчур прозрачным: смотрел он при этом только на Настю.

– Ладно, – согласилась она. – У меня с собой еще есть мелочь, куплю себе мороженого. Оль, тебе что-нибудь взять?

– Да. Пожалуйста, чипсы «Лэйс» с беконом, – нахально отозвалась я и насыпала монеты в ее раскрытую ладонь. Пусть хоть раз она что-то мне принесет.

Настя с Володей удалились, и тут только я сообразила, что осталась наедине с Димой. Он не спешил ретироваться, и мы все так же стояли рядом под солнцем.

– Смотри не сгори, – сказала я, просто чтобы показать, что заговорить с ним для меня пара пустяков.

– Я за это лето уже два раза «облезал», – ответил он хмуро.

– Едешь в город?

– Ага. Не могу тут больше. Надо сменить обстановку и дать печени отдохнуть. – Он ухмыльнулся.

– Каждый день пьете?

– А что еще делать.

– Смотри, народу вообще нет. Неужели все спать пошли?

– Не удивлюсь. А некоторые испугались тучи – вон, ви-

дишь, ползет фиолетовая. Эти семейки с маленькими детишками боятся каждого ветерка – не дай бог малыши простудятся. Ужасная штука – дети.

– Да ты пессимист, – заметила я. – То мобильник «ужасная штука», то дети...

– Да мне просто надоело все, вот и бешусь. Завтра в городе успокоюсь.

– Там друзья, девушка?

– Девушки нет. – Дима с интересом глянул на меня – наверное, утвердился в мысли, что я в него по уши влюбилась – ну и ладно, мне-то что? – А у тебя кто-то есть?

– Хм... да. – Он же не спросил, есть ли у меня парень, а человек, о котором я думала и в которого была влюблена, действительно был.

– Серьезно? – Мне показалось, что Дима слегка оживился. – Ну, тогда понятно.

– Что тебе понятно? – с вызовом произнесла я.

– Почему ты мне ничего не позволила.

– Я позволила достаточно. Между прочим, это был мой первый поцелуй. – Зачем я это ляпнула?

Тут он по-настоящему удивился.

– Он что, даже не целовал тебя?

Я помотала головой.

– А сколько ему лет?

– Четырнадцать.

– Вроде не маленький уже... погоди, а тебе?

– В августе будет четырнадцать.

– Тоже не дитя... поздновато для первого поцелуя. Ты бы лучше бросила его, а то вы так до секса только годам к восемнадцати доберетесь. – Дима засмеялся над собственной шуткой.

– Ну, как только влюблюсь в кого-то еще, так сразу, – пообещала я.

– А пока будешь целоваться с другими? Что ж, женскую логику я никогда особо не понимал. Слушай, а может, заставишь его ревновать?

– Как?

Дима взял меня за плечи горячими от солнца руками и сказал:

– Сейчас отрепетируем.

Он меня поцеловал, и уж на этот раз я попыталась запомнить все детали – поскольку чувств практически не было, я могла сосредоточиться на этом. Итак, мелодрамы врут: в жар не бросает, в глазах не темнеет, земля из-под ног не уходит – ну, разве что сердце бьется чуть чаще. Куда девать нос – не проблема, а вот руки – да, это вопрос. Если человек любимый, то, наверное, хочется обнять его покрепче – я же поколебалась и в конце концов обвила шею Димы одной рукой, а вторую положила на его плечо.

– Когда он увидит тебя с другим вот так, наверняка на что-то решится, – подытожил Дима, слегка отстранившись. – По крайней мере, проснется и начнет за тебя бороться. Думаю,

ты того стоишь. – Это был не комплимент – скорее авторитетное мнение ценителя.

Скоро вернулись Настя с Володей, громко обсуждая нависшую над нами тучу, и в итоге пришли к выводу, что будет даже хорошо, если она на время закроет палящее солнце, а потом ее еще может унести ветром.

Мы снова стали играть в «дурака», и ветер, который должен был унести тучу, постепенно усиливался, пока не сделал игру совершенно невозможной: карты все время норовили улететь в сторону реки, да и песок в глазах не способствовал приятной партии. Володя предложил собрать подстилки и переместиться куда-нибудь в беседку, но Дима резонно заметил, что на этой турбазе нет беседок. «А, это там, на соседней, – с досадой вспомнил Володя. – Перепутал. Это бывает, когда все время живешь на два дома».

Все посмеялись и пришли к выводу, что пока лучше разойтись по домикам – вернее, по домикам и корпусам: Володе с Димой, как родственникам работников турбазы, повезло занять единственный корпус, в котором даже была горячая вода. Я обрадовалась этому решению, потому что содрогалась при мысли о том, что выскажут мне родители, если придут забирать нас с пляжа и не найдут там. Наверное, после этого остаток отдыха они сопровождали бы меня даже в туалет.

Мы попрощались очень вовремя, потому что как только мы с Настей вернулись к себе, полил дождь – и не как-ни-

будь, а стеной. Родители еще не проснулись, и мы от нечего делать тоже легли подремать.

После ужина, на который все-таки пришлось выйти – иначе мы рисковали остаться голодными до утра – дождь не прекратился. Пока мои родители доедали жутко костистую рыбу, мы вчетвером, стоя на крыльце столовой и наблюдая за льющимися с неба потоками, обсуждали, как быть.

– Рано или поздно ливень должен кончиться. Вряд ли такой сильный может продолжаться до утра, – рассудил Володя.

– Кажется, он уже утихает, – добавила Настя.

– Если льет уже три часа, почему бы ему не идти и до утра, – пессимистично возразил Дима (надеюсь, в городе он все-таки повеселел). – Дискотеки уже так и так не будет: лужи на танцполе просто не успеют высохнуть.

– Думаешь, вам нет смысла идти на ту турбазу? – спросила Настя.

– Ну как нет смысла? Если дождя не будет, то есть – тут-то все равно делать нечего! – воскликнул Володя. – Там хотя бы есть кафе, кино... может, махнем в кино? Там сеанс без двадцати девять – как раз вернемся не поздно, Оль.

– А что за фильм идет? – осведомилась я.

– Да какая разница! Главное, что это под крышей, и она не протекает, насколько я помню. Правда, там почти все время показывают одно и то же.

– Сегодня «Троя», по-моему, – вспомнил Дима. – Мы хо-

дили на нее уже два раза.

– Черт, да... девчонки, а вы смотрели?

– Нет, – хором отозвались мы с Настей.

– Ну, тогда можно и пойти в принципе... фильм зрелищный, батальные сцены великолепны.

– Но до кинотеатра еще нужно дойти, – снова вмешался Дима. – В лесу наверняка мокро и противно...

– Главное, чтобы дождь прекратился.

– А если не прекратится?

– Тогда не знаю. У меня бабушка в комнате будет. Она, скорее всего, скоро закончит работу. Так что никого пригласить не могу, – развел руками Володя.

– А у меня мама будет, – сообщил Дима. – Аналогично.

– И у нас – родители, – сказала я. – Вот они выходят, кстати – давайте решать скорее.

– Ну что... если ливень закончится, встречаемся через полчаса, как договорились, и сразу идем на ту турбазу в кино. Или в беседке с коктейлем там посидим...

– Лучше тогда с соком, – оборвала я Володю.

– Верно, – поддержала Настя. – Нечего пить каждый день.

Оба парня выглядели слегка разочарованными, хотя, помнится, кто-то собирался поберечь печень.

– Ладно, – все же согласился Володя. – Договорились. Будем исходить из того, что дождя не будет. Если будет накрапывать – можно, в конце концов, взять зонт.

Как только мы попрощались, дождь усилился так, что да-

же два зонта – один у родителей, другой у нас с Настей – ни капли не помогли: до домика мы добежали промокшими насквозь.

После этого уже и не хотелось никуда выходить – только залезть под одеяло с книгой и чашкой чая (к счастью, у нас был электрический чайник). Но даже если бы мы горячо возжелали встретиться с нашими друзьями, ничего хорошего из этого не вышло бы: ливень обернулся каким-то совсем жутким катаклизмом. По крыше будто барабанил целый рокерский коллектив, а от ветра в окнах звенели стекла. Мама даже испугалась, как бы наш ветхий домишко не постигла участь домика Элли из «Волшебника Изумрудного города».

– Ну что ж, – произнесла Настя перед сном (лишь к этому времени стихия начала успокаиваться), – может, мы еще увидим их за завтраком.

– Да. Хорошо, что этот ураган начался не после того, как мы ушли с ними, – заметила я.

– Представляю, как волновались бы твои родители – мы и так вчера заставили их понервничать.

Я виновато подумала, что в прошлом году им отдыхалось куда лучше. Позабывшись о том, чтобы мне не было скучно, они принесли в жертву свой покой. И я грустно заключила, что, пожалуй, поездка с Настей была не такой уж хорошей идеей: даже я уже не в таком восторге от происходящего, как в первые дни.

На завтрак Дима с Володей не пришли – может, уже уеха-

ли. Телефонами мы так и не обменялись.

В следующий раз я побывала на этой турбазе несколько лет спустя... но это уже другая история.

Сентябрь начался для меня с плохой новости: Коля перешел в другую школу. Решив не дожидаться конца девятого класса, когда ему пришлось бы определяться с профилем, родители выбрали ему более подходящую школу со спортивным уклоном. Скорее всего, годом позже произошло бы то же самое, ведь ни в гуманитарном, ни в математическом, ни в медицинском и физическом классах, которые только должны были сформировать, Коле было явно не место. Но так рано... я оказалась не готова к разлуке.

Удар оказался даже больнее, чем можно было ожидать, учитывая, что мы и так не общались. Видимо, мое чувство к нему особенно обострялось осенью: я снова стала мечтать о Коле, он начал мне сниться, и мои грезы приобрели еще более горький оттенок, потому что теперь у меня не было надежды не то что на его любовь – даже на встречу с ним. Мысль о том, что мы уже, возможно, никогда не увидимся, не то что расстраивала, а как-то обезоруживала меня: я не понимала, что же в таком случае делать дальше – ведь его место в моем сердце не мог занять никто. То, что мне теперь тоже было что рассказать о прошедшем лете (историю с Димой можно с большой натяжкой назвать курортным ро-

маном), дела не меняло.

Иногда в голове мелькало: «А вот если бы ты все еще дружила с Линой, шанс бы был...». Я понятия не имела, восстановили ли они отношения, но помнила, что он уговаривал ее начать сначала, а в тот момент она была так разбита – из-за размолвки родителей, из-за Пашки и, думаю, из-за меня, – что в конце концов могла махнуть рукой и уступить. Почему бы не согреться у знакомого огня, если все вокруг превратилось в лед.

Мне не очень хотелось думать, что я бросила Лину в самый тяжелый момент, но, по сути, так оно и было. Если бы я поставила себе целью отомстить ей – за то, что она сделала в седьмом классе или за то, как нелестно высказывалась о моем стиле жизни, – я могла бы гордиться собой. Но это вышло непреднамеренно.

Иногда мне было любопытно, что происходит с ней теперь (и не только в связи с Колей) – хотелось знать, не помирились ли ее родители, забыла ли она Пашку, чем живет, кого считает лучшим другом. В таком возрасте все может меняться стремительно, особенно за лето. Но ответы на эти вопросы невозможно было получить, ограничиваясь вежливыми приветствиями в коридоре. Если бы я попробовала навести справки через Соню и Лизу, это выглядело бы странно, и они обязательно передали бы наш разговор Лине. А Настя, похоже, от них отделилась и теперь ходила всюду с новой подругой, кудрявой одноклассницей – кажется, Катей. Когда я

спросила ее о Лине, она пожалала плечами и сказала, что они почти не разговаривают в последнее время.

После турбазы мы с Настей две недели вообще не созванивались (видимо, нам обоим надо было отдохнуть), а потом встретились только два раза, один из них – ради обмена фотографиями. Все было как-то вяло. Едва начавшаяся дружба прекратилась, и я не уверена, что она вообще это заметила: похоже, для нее все люди были взаимозаменяемы. И, наверное, Настя никогда не особенно не привязывалась ко мне. Она ведь даже не говорила мне о себе ничего такого, о чем не рассказала бы остальным. Единственную более или менее секретную информацию о Насте – насчет ее возраста – я получила когда-то от Лины. С самой Настей мы никогда это не обсуждали.

По сути, она была слишком занята собой и своей идеальностью. Нет, она была не из тех, кто, подобно Лине, правдами и неправдами пытается понравиться всему свету, – для Насти это было бы слишком незрело, слишком вульгарно. Она просто любовалась своим отражением в глазах, а иногда и в душах других и шла дальше, удовлетворенная увиденным. Люди нужны были ей только в качестве зеркал – она коллекционировала их, желая жить в мире с зеркальными стенами, полами и потолками, но близко никого не подпускала. В ее сердце не было места ни для кого, кроме ее самой.

Сформулировав для себя эту теорию, я была так горда, что, разумеется, попыталась изложить ее на бумаге, впле-

тя в свой нескончаемый роман новую героиню, похожую на Настю. Но, признаться, это не сильно украсило повествование, и я все больше утверждалась в том, что Лина была права: единственное достоинство этого романа – отсутствие грамматических ошибок. В остальном он сплошь состоял из недостатков: неясный стиль, меняющийся в зависимости от настроения автора, не слишком правдоподобный сюжет с кучей банальностей и сентиментальностей и – местами – эпизодичность, связанная с недостатком знаний о жизни. Например, я не могла написать, как героиня бронировала гостиницу в другом городе, потому что понятия не имела, как это делается – пришлось пропустить этот момент. Не знала о специфике работы в книжном издательстве, так что жизнь героя, проводящего там полдня, была описана весьма поверхностно. У меня не было представления о том, как готовить суп или, например, мясо, поэтому жена одного из персонажей никогда не изображалась на кухне. А если сюжет того требовал, то она обычно уже раскладывала готовую еду по тарелкам.

Порой я с тоской думала, что зря вообще взялась за писательство, потому что у меня слишком маленький жизненный опыт. Надо было отказаться от этой затеи или взяться за что-нибудь попроще, вроде школьного романа – из тех, которые читают лет в десять-двенадцать: про строгих учителей, проблемы с оценками и первую любовь. Нечего было замахиваться на «взрослые» сюжеты.

И все же я продолжала пытаться вытянуть свое произведение – переписывала, дополняла, редактировала... и никому не давала читать: родители были слишком заняты, да и не хотелось показывать им незрелую вещь, а подруги, которой я доверяла бы настолько, не было. Когда-то летом у меня была мысль дать роман Насте, но тогда я благоговела перед ней и испугалась, что ей не понравится. Теперь я понимала, что это, наверное, к лучшему, что бы она по поводу него ни сказала.

Единственным человеком, с которым я общалась постоянно, была Маша. За лето мы едва ли позвонили друг другу пять-шесть раз, а встречались и того реже, но с началом учебного года снова стали неразлучны. Ее присутствие практически не ощущалось: не с кем было поделиться, посоветоваться, да даже просто поболтать – зато было с кем пройтись по школьным коридорам и иногда по улице.

В ту осень меня часто посещало дежавю: мечты о Коле, сухой обмен приветствиями с Линой, молчаливая Маша, попытки написания романа на уроках – все было почти как в прошлом году. Только теперь я стала взрослее и, кажется, почти оставила надежду найти Идеальную Подругу. Короткая дружба с Настей заставила меня убедиться в том, что идеалов не существует, а если и есть люди, кажущиеся совершенными, то они, как правило, заняты самолюбованием и хороших друзей из них не получается.

Об Идеальном Парне я теперь тоже думала редко. Ощу-

щение, что у меня появился хоть какой-то опыт в отношениях с мальчиками, почему-то успокаивало меня – будто я выполнила свою норму и теперь могла позволить себе потерять еще немного времени в бесплодных мечтаниях. Теперь я осознавала, что наличие парня само по себе, вероятно, не делает мир другим – если только это не твой любимый парень. Так что бросаться в отношения абы с кем мне не хотелось.

В конце осени у меня выдалось несколько особенно сентиментальных дней, после которых я решила, что все-таки должна узнать, встречается ли Лина с Колей. Я готова была восстановить с Линой какое-то подобие прежней дружбы, чтобы иметь возможность иногда видеть любимого. Мое воображение даже нарисовало такую картину: Коля жалуется мне, верному другу и советчику, на очередную ссору с ней, вздыхает: «Кажется, наши отношения зашли в тупик...», и тут я меняю амплуа и признаюсь ему в своих чувствах. Но даже для того, чтобы получить роль друга и советчика, нужно было найти к нему какой-то подход. А для начала – увидеть его после почти полугодового перерыва.

Для судьбоносного разговора с Линой я выбрала столовую. Точнее говоря, я просто села там однажды на большом перерыве и заняла место рядом с собой – Маша как раз приболела, так что этот день был наиболее удобным. Я пила чай с пирожком и косилась на дверь. Наконец Лина зашла – в окружении подруг – и стала оглядываться в поисках места.

Тут я поняла, что в моем плане была недоработка: я не учла, что она может быть не одна.

Я вдруг подумала: Лина ведь им никогда по-настоящему не доверяла, даже не могла позвонить им, когда было плохо ее бабушке, а я, такая положительная и надежная, сейчас вынуждена выкраивать минуту, чтобы пообщаться с ней без них... И что теперь делать? Подойти и попросить о разговоре наедине? Но ведь я хотела, чтобы нужная информация всплыла в ходе непринужденной беседы.

Пока я напряженно размышляла, меня заметила Соня.

– Ой, около Оли свободно! – воскликнула она.

– Наверняка она заняла место для Маши, – не оборачиваясь, сказала Лина – не так уж громко, но я услышала.

– Да, но она не придет, – произнесла я. – Садитесь, два человека тут точно поместятся, а третьего – третью – кто-нибудь посадит к себе на колени.

В этом предложении не было ничего необычного: во время большой перемены наплыв в буфет был такой, что люди чуть ли не на головах друг у друга сидели.

– А Маша точно не придет? – осведомилась Лина и, не дожидаясь ответа, присела рядом, а когда справа от нее приземлилась Соня, то получилось, что мы с Линой сидим почти вплотную.

Я вдыхала запах ее новых духов, слегка отдающих ванилью, и украдкой изучала ее лицо, словно ища в нем ответ на свой вопрос. Ее взгляд показался мне усталым и немного от-

сутствующим, будто она все время думала о чем-то неприятном и уже почти привыкла к этому, научилась не только скрывать, но и совмещать это с разговорами и делами.

Лиза была, похоже, единственной, кто на самом деле хотел есть – она готова была даже отстоять очередь, чтобы получить свою мини-пиццу. Лина с Соней обе заказали ей кофе с булочкой и, отдав ей мелочь, спокойно ожидали. Видимо, у них было принято ставить в очередь кого-то одного из компании. Действительно, к чему толпиться у буфета всем вместе, да и надо же кому-то держать место.

Сидя в самом углу со своим чаем (пирожок я уже доела, пока ждала Лину), я делала вид, что смотрю по сторонам и Лина меня вовсе не интересуется, а сама думала о нескольких вещах сразу. Как мне остаться с ней наедине?.. Она говорила, у Лизы уже был секс, а по ней и не скажешь – интересно, это вообще можно определить на вид?.. Зачем Соня ест эти булочки, она и так набрала пару кило?.. Коля, вот бы увидеть тебя еще раз, ну хоть краем глаза...

Наконец Лиза вернулась со своей пиццей и заказами девочек на большом подносе и присела к Соне на колени.

– Ну вот, все разместились, – удовлетворенно заметила та. – Спасибо, Оля. Как твоя учеба?

– Потихоньку, – отозвалась я. – А вы как?

– Да тоже хорошо.

– Нормально, только в сон клонит в такую хмурую погоду, – добавила Лиза с набитым ртом.

– Ноябрь все-таки, – пожалала плечами я.

Лина рассеянно молчала, поглядывая на часы в телефоне – у нее, как и у меня, появился сотовый.

– Да, у нас контрольная, надо бы успеть, – поймав один из таких ее взглядов, вспомнила Соня. – Девочки, я не подготавливалась.

– Ничего. Прорвемся, – произнесла Лина безучастно, и я укрепились в мысли, что ее что-то гнетет – незаметно для всех, но только не для меня.

Я решилась дружелюбно обратиться к ней – надо было с чего-то начать непринужденную беседу:

– А ты-то, наверное, готовилась к контрольной?

– Да я и так в общем-то понимаю эту тему, – ответила она без всякого выражения.

– Да, Лина у нас алгебраический гений, – улыбнулась Соня, оторвавшись от своей булочки.

– Хватит тебе.

– Не надо ложной скромности! Я тебя не узнаю, Лина! Девочки, вы поглядите на нее, она вообще сама не своя. Таинственная какая-то ходит, задумчивая... уж не влюбилась ли?

Лина то ли неопределенно, то ли раздраженно повела плечом и промолчала.

– Видишь, Оль, какая она стала, – резюмировала Соня.

– Может, есть причины, – сказала я и, уже не таясь, заглянула в холодные глаза Лины, но она никак не отреагировала, поглощенная своими мыслями.

– Почему бы ей не влюбиться, – влезла Лиза. – Насколько я понимаю, она давно уже свободна и имеет на это право. Вот мой новый бойфренд...

Дальше я уже не слушала. Еще год назад я не представляла себе ситуацию, в которой обрадовалась бы отношениям Коли с Линой, и все же это была именно та ситуация. И радоваться оказалось нечему. Впрочем, оставалась призрачная надежда на то, что они остались друзьями и общаются. Это было бы даже лучше. Правда, не в духе Лины.

Девчонки тем временем переговаривались:

– Кажется, звонок был. У кого часы с собой?

– Я не слышала. У меня телефон в кабинете.

– Блин, и у меня. Ты же знаешь, откуда звонок никогда не слышно.

– Лин, чего ты молчишь, который час? Вот же твой мобильник.

– Уже пора.

– Серьезно? И ничего не говорит, главное! Ладно...

Лиза одним глотком допила кофе и спрыгнула с колен Со-ни. И тут меня осенило, как использовать свой ускользающий шанс.

– Уже пора расходиться, – огорченно произнесла я. – Даже и не пообщались толком. У меня тоже появился мобильный, родители на день рождения подарили – давайте я оставлю вам свой номер.

– О, здорово, – с энтузиазмом отозвалась Соня. – Мой ты

знаешь, записала его в телефонную книжку? Скинь мне сейчас вызов.

– Мне тоже скинь, у меня все равно сотовый там на беззвучном лежит, – подхватила Лиза, – если урок и начался, не страшно... ой, чертова контрольная!

– Ага. Ну, мы побежали, а ты пока нам звони. – Все трое направились к двери, а я растерянно проговорила:

– Стойте, а... Лин, у тебя ведь тоже есть телефон.

Она обернулась и одарила меня холодным изучающим взглядом.

– Да, – сказала она наконец и вместе с подружками скрылась за дверью.

План провалился.

«Ну ладно. Скорее всего, это никак бы мне не помогло. Судя по всему, Лина давно потеряла связь с Колей», – утешала я себя, сидя на английском.

Место рядом пустовало, но мне от этого было ни жарко ни холодно. Я вспомнила, как в конце седьмого класса поссорилась с Линой и отсела от нее и как тогда давило на меня это пустое место. Да уж, с тех пор я явно повзрослела и стала более самостоятельной – особенно за эту осень. Снова открыла для себя, что вполне могу обходиться без ежедневной болтовни по телефону, без обсуждения с кем-то каждого своего шага, придумывания общих шуток и прочих атрибутов дружбы. А ведь еще летом я так переживала, что Настя

не звонит мне каждый вечер и не заявляется без звонка, как к себе домой, что у нас не появляется понятных только нам двоим знаков, слов, выражений... Какой глупой я была.

– And now open your book on page twenty one, – пропела англичанка, и по всему классу разнесся дружный шелест страниц.

Я со скучающим видом потянулась к учебнику, и тут на мой телефон пришло сообщение. Поскольку я забыла отключить звук, учительница, как и все остальные, это услышала.

– Please, switch off your mobile phones, – раздраженно произнесла она, и моя рука с сотовым нырнула под парту.

«Я знаю, чего ты от меня хочешь». Номер был мне не знаком, но я сразу же поняла, от кого СМС. Ну что ж, раз она так догадлива, слегка обескуражено подумала я, не буду отрицать и притворяться, что ничего не понимаю.

Я набрала: «Рада, что ты все-таки переписала мой номер у девчонок». Ответ все не приходил, и я решила, что Лина вернулась к контрольной и больше не напишет. Я отключила звук, как просила учительница, и поглядывала на телефон, но он молчал.

Мы с классом успели сделать пару упражнений, когда экран засветился, сигнализируя о новом сообщении: «Если хочешь выйти на Колю, лучше обратиться к Брасовой».

К Брасовой?! Перед моим мысленным взором встала эта бледная тихая девушка, в которую, как утверждала Лина, Коля был влюблен до нее. Хотя я все-таки думала, что, впервые

увидев Лину, он настолько попал под ее чары, что не замечал больше никого. Или он был увлечен одновременно двумя такими разными девушками? И почему в таком случае я не могла быть хотя бы третьей?!

Итак, Брасова, Брасова... в каком она классе, в физмате? Да, точно, она же с Линой учится. И что же, Брасова общается с Колей и рассказывает об этом Лине? Зачем?

Я послала Лине три вопросительных знака, и на этот раз она отозвалась быстро – видимо, уже заготовила ответ: «Полкласса знает, что они встречаются с начала осени. Один раз он за ней даже приходил».

Приходил к школе?! А где я была в тот момент, почему упустила шанс увидеть его?! Так-так... значит... он и Брасова?!

Эта новость не сразу навалилась на меня всей своей тяжестью, но безнадежные мысли медленно наползали со всех сторон и в конце концов заволокли все внутри. Он начал новую жизнь и, наверное, счастлив – какой смысл пытаться с ним увидеться? Если он и вспоминает меня, то только в связи с Линой, и это должно быть ему неприятно... Спрашивать Брасову, как он поживает? Зачем? Мы никогда не общались – этим я сразу выдам себя.

Нет, он уже подвел черту, распрощался с этой школой и не пожелал расстаться только с одним человеком из всех нас – с ней. Даже с Пашкой Журавлевым перестал видеться – разговорившись со мной в коридоре в первых числах октября,

он сообщил, что вообще ничего не слышал о Коле, с тех пор как тот перевелся – слухи о Брасовой до него еще, видимо, не дошли. Нет, никакой надежды... если только... но я ведь не планирую набиваться в друзья к Брасовой?!

Не хочется даже описывать, как удивилась и почему-то обрадовалась Брасова, когда на следующий день, все взвесив и обдумав, я подошла к ней в коридоре. «Да все хорошо... а ты как поживаешь?» – бормотала она, краснея – я уже и забыла, что она настолько застенчива. Я что-то отвечала, старалась подбодрить ее улыбкой, задавала все новые вопросы, интересовалась ее жизнью... и была безумно противна сама себе. А когда мимо прошла Лина и, бросив на нас взгляд, усмехнулась, мне стало совсем мерзко. Я сказала Брасовой, что мне пора бежать на урок, но мы непременно еще поговорим, и поспешила ретироваться.

Стоило пройти пару шагов, на мой телефон пришла СМС, от которой я почти выросла в пол: «Так и знала, что ты поверишь». Лина меня обманула?! Хотела отомстить, посмотреть, как я буду лебезить перед человеком, который неприятен мне с седьмого класса?! Что ж, наверное, я получила по заслугам. За обиду, нанесенную Лине.

Ха, а она даже умнее, чем я думала.

Ненависти я почему-то не ощущала. Наоборот, в этой ситуации я была чуть ли не на стороне «врага». Так мне и надо, говорила я себе с упоением, идя по коридору. Потеряла всякие моральные принципы! Глупая влюбленная гусыня,

ну как я могла поверить, что робкая Брасова, которая слова не скажет, не залившись краской, вообще с кем-то встречается?! А Лина молодец. Сделала меня. Жаль только, раскололась почти сразу – надо было выждать несколько дней, понаблюдать, как я «окучиваю» бедняжку Брасову... забавно было бы посмотреть, как она округляет удивленно глаза, когда я наконец задаю ей вопрос о Коле.

– Что? – спросила уже вышедшая в школу Маша, когда я присела за парту.

– А что?

– Ты смеялась.

– Да так, история прикольная вспомнилась.

– А-а.

– У нас физика?

– Ага.

– Чертова физика.

– Ты опять.

– Никак не могу забыть ту историю... ну все, все, успокоилась.

Посреди урока мне пришло еще одно сообщение: «Я правда ничего о нем не знаю». А затем следующее: «Если б можно было что-то узнать через Брасову, я сделала бы это первой». Я понимающе улыбнулась и набрала: «Скучаешь?» – и прямо почувствовала, что она ответила искренне: «Очень».

С тех пор мы стали здороваться гораздо дружелюбнее, хотя кроме приветствия не говорили друг другу ни слова и

больше не переписывались. Лиза и Соня, разумеется, так ни разу и не позвонили, но улыбались при встрече. О Коле по-прежнему ничего не было слышно. Контакты с Настей сводились к минимуму.

Как и в прошлом году, единственным человеком из школы, получившим от меня подарок на Новый год, стала Маша. То же повторилось и с Восьмым марта. А ее день рождения – в середине марта – мы уже во второй раз отмечали вдвоем в кафе «Нептун», больше похожем на забегаловку. Выбор места объяснялся легко: любое другое кафе не было расположено в соседнем от Маши доме, а к себе она меня не звала, потому что лень было готовить и накрывать на стол.

А теперь, если позволите, я выброшу из своего повествования несколько страниц... вернее, несколько десятков страниц. Эх, если честно, целую тетрадь. Она написана и лежит у меня в верхнем ящике стола – кто захочет меня навестить, сможет в этом убедиться. Но после долгих сомнений я решила отложить ее. То, что в ней описано... да, мне оно было дорого. Могу пересказать вкратце.

Лето после девятого класса. Мы с родителями наконец едем на море. Теплое, соленое, ласковое, оно покоряет меня и не выпускает целыми днями – мама шутит, что ее удивляет, как у меня до сих пор не выросли жабры. Я почти счастлива. Море действует на меня успокаивающе, и на целых две недели я забываю обо всем: и о Коле, и о романе, который так и не удалось написать, и о своем одиночестве... Впрочем, оди-

ночество иногда нравится мне, но бывают сентиментальные дни, когда я даже плачу. Особенно после просмотра очередной мелодрамы.

Десятый класс. О-о, самое интересное, господи, какой душой я была. Познакомилась в интернете с парнем из своего города. Встретились, общение перетекло в дружбу, а потом вроде бы во что-то большее... До идеала ему было далеко – и внешне (невысокий, рыжий, вечно растрепанный, смешной), и по характеру (дико переменчив – то звонит, то не звонит, то заваливает подарками, то пропадает на неделю). И все же он мне нравился, даже сильно. Целых четыре месяца я вообще не вспоминала о Коле и тревожилась только о том, как бы новый бойфренд не потерял ко мне интерес.

Теперь уж я понимала, насколько опрометчиво было с моей стороны осуждать Лину за вечное стремление произвести впечатление. Я носила только те платья, которые ОН хоть раз похвалил, говорила с ним только на интересующие его темы и даже сама иногда покупала билеты в кино – разумеется, только на те премьеры, которых он особенно ждал. Я бросила все силы на то, чтобы нравиться одному-единственному человеку – не от большой любви, скорее от одиночества. По сути, я делала то же, что в период дружбы с Настей.

И все равно он бросил меня. Нет, не было никаких драматических речей и сцен, он просто постепенно ушел в тень. Сначала мы стали видаться реже – у него все время находились срочные дела, – потом общение свелось к телефон-

ным звонкам и электронным письмам, но мои сообщения все чаще оставались без ответа, телефон неделями молчал... и, наконец, все затухло окончательно. Я потеряла смысл существования. Я была вырубленным лесом, одиноким путником в пустыне с внезапно пересохшим оазисом, коллекционером, потерявшим самый ценный экземпляр своей коллекции...

Именно в этот период я вдруг стала любить тактильные контакты, даже случайные: казалось, когда меня касаются, я убеждаюсь в своем существовании и чувствую себя не такой одинокой. Я как никогда нуждалась в поддержке и стала все чаще вспоминать Лину – единственную, кто хоть когда-то был со мной искренен. Конечно, думала я с тоской, Лина сейчас была бы рядом – и поговорила бы со мной, и отвлекла бы, и заставила даже, может быть, взглянуть на ситуацию под другим углом. Но я еще не сформулировала для себя одну простую истину: если бы Лина была рядом, меня никогда не переклинило бы на этом малосимпатичном субъекте. Я поняла это намного позже – наверное, года через два.

В мае вышла замуж тетя Роза, а я была так зла на весь мир, что не только не радовалась за нее, но и расстраивалась. Даже она больше не одинока, а я... Впрочем, плюс в ее браке для меня все же был: разговоры с тетей Розой по телефону стали не так обременительны. Она по-прежнему много болтала, но теперь все чаще говорила о том, как у нее все хорошо и как она счастлива.

Мучительное лето перед одиннадцатым классом. Родители расспрашивали, куда я хочу пойти учиться, уже начали копить деньги на курсы и репетиторов, но я была разбита, разочарована в жизни и не хотела ни слышать, ни думать о таких «пустяках». Снова заиклилась на том, чтобы найти подругу, сделала попытку сблизиться с одной девчонкой – тоже из интернета, – но ее жизнь была куда более насыщенной, чем моя, ей некогда было общаться в виртуальном пространстве. Она много времени посвящала учебе на фотографа, и, вдохновившись ее примером, я попыталась возродить в себе интерес к моему единственному стоящему хобби: начала новый роман. Как ни странно, что-то даже получалось.

Конец августа прошел на волне творчества. В городе было безумно жарко, и часть родительского отпуска мы провели на даче. В голове засела такая картинка: мама учит меня варить компот из сливы, показывает, сколько надо сыпать сахара, я киваю, а сама думаю о своих героях.

Потом – одиннадцатый класс. Я остановила выбор на филологическом факультете университета, и теперь уже времени на тоску не оставалось. Почти каждый день я ходила на какие-то курсы и усердно занималась в школе – надо же было получить хороший аттестат. Тетя Роза вновь начала всех напирать – теперь, позвонив, она принималась подробно рассказывать, куда они ходили с мужем, что она готовила ему на завтрак и какие новости у него на работе. Мама с папой предполагали, что это еще цветочки – когда появится ребен-

нок, придется разговаривать о детском питании и памперсах. Впервые услышав об этом, я засмеялась, но потом подумала: а почему бы ей не родить? Тетя Роза всегда казалось мне старой, но на самом деле ей было всего тридцать шесть. Не шестьдесят же.

Однажды на перемене я случайно столкнулась с Линой. Теперь она стала совсем взрослая и чужая, с короткой стрижкой, на каблуках, и мне даже легче было видеть ее такой и осознавать, что прежняя Лина в ней умерла, а значит, тянуться к этой не имеет смысла.

Подкрашивая губы перед зеркалом в женской уборной, она сообщила мне будничным тоном, что собирается поступать в Питере. Мол, папа, хоть и давно не живет с ними, все время помогает материально и обещает покрыть все расходы. И я сказала ей, что она удивительно отважная: ее не пугают чужой город, отсутствие близких рядом, новая жизнь... Лина пожалала плечами: да ладно, ерунда. И я вдруг спросила, не передумала ли она в восемнадцать лет менять имя и выходить замуж.

Она обратила в мою сторону изумленный и, кажется, почти нежный взгляд: «А ты много чего помнишь... Делия». А я и не скрывала, что не страдаю склерозом. Мне захотелось даже обнять ее – не эту, а ту, прежнюю, и ей меня вроде бы тоже, но все это было как-то глупо, к тому же мы находились в не очень подходящем для этого месте, поэтому в итоге улыбнулись друг другу и, как всегда, разбежались.

Конец учебного года. Экзамены. Выпускной. Поступление и всякая бюрократическая мура, которой я не привыкла заниматься: сдать документы – забрать документы – расписаться здесь – получить эту бумажку, ту бумажку... Мне начало уже казаться, что мир вокруг состоит из людей, которые ждут от меня каких-то бумажек: в гастрономе и то нужны купюры.

Родители волновались зря: я поступила на филфак. Бесплатно. И почти сразу убедилась, что там безумно скучно: мы изучали мертвые языки, до неприличия глубоко вкапывались в литературу, а на семинарах обсуждали (утрирую, но не так уж сильно) уместность семикратного употребления буквы «л» в третьей строчке на семьдесят четвертой странице двадцать первого издания «Страданий юного Вертера». Не знаю, чего я ожидала, выбирая именно этот факультет, но итог меня разочаровал.

На нашем курсе из шестидесяти пяти человек было всего пять мальчиков. Один из них был ботаном, похожим на кролика из «Винни Пуха», второй – низеньким и толстым шестнадцатилетним (если не пятнадцатилетним) вундеркиндом, третий получал уже второе образование и почти не появлялся на парах из-за работы. Четвертый и пятый были лучшими друзьями, решившими откосить от армии на филфаке в компании кучи девчонок. Оба занимались исключительно коллекционированием девушек. Один из них мне немного нравился, но я совершенно не собиралась влюбляться, к тому

же он не проявлял ко мне никакого интереса.

Но все это было в общем-то неважно, потому что я наконец-то нашла Идеальную Подругу.

Ее звали Аня, и это была дружба с первого взгляда.

На этой ноте заканчивается тетрадь, отложенная мной. В ней почти нет главных героев этой истории – Лины, Коли, Маши, – зато есть много-много меня: моих страданий, жалоб и слез. Поверьте, все это даже убежденного оптимиста выбило бы из колеи. А потом еще начинается подробное описание экзаменов и вообще процесса поступления... Нет, мой читатель, кем бы он ни был, заслуживает того, чтобы я сжалась над ним и заботливо протянула ему руку, дабы он перешагнул через три года моей жизни и ступил на твердую почву моего семнадцатилетия. Итак...

Часть 5

«Дружба должна быть прочною штукой, способной пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают свое жизненное путешествие люди».

(А. И. Герцен)

Это была дружба с первого взгляда. Ну, или почти.

– Привет. Ты не в курсе, где у нас сейчас пара?

Я окидываю ее взором. Миловидная, худенькая, улыб-

ка слегка застенчивая. Несмотря на жару (второе сентября, практически лето), на девушке платье, закрывающее руки, колени и даже шею.

– Привет. Кажется, в сто первой.

– Извини, не представилась! Я тебя вчера мельком видела в большой аудитории, когда декан приветственную речь произносил. Я Аня.

– Оля.

На лекции мы сидим уже вместе. После двадцати минут пары я снимаю джинсовую куртку, надеваю на легкую футболку.

– Душно? Мне тоже, – вздыхает Аня.

– Еще бы, ты так одета. – Почему-то я ощущаю, что вправе делать ей подобные замечания – между нами нет неловкости, обычной для общения почти незнакомых людей. И я точно знаю, что она чувствует то же самое.

– Я всегда так одеваюсь, – шепчет Аня. – Стесняюсь своей фигуры.

– Ты?! Но ты такая худая...

– Вот именно. Кожа да кости. Я вешу сорок два килограмма.

– О господи! Ты что, вообще ничего не ешь?

Она посмеивается и сообщает:

– У меня зверский аппетит. Перед выходом в универ я съела три больших бутерброда и кусок пирога, а сейчас опять хочу есть. Пойдем в столовую на перерыве?

– Конечно... Послушай...

– Нет, никакой булимии, глистов, страшных болезней и прочего. Я просто такая.

– Пф-ф, я бы не спросила!

– Но правда же подумала об этом?

– Да тьфу... если только на секундочку. Я хотела сказать другое: можно же как-то подобрать одежду – попробовать, например, свободную кофту с узкой юбкой... У тебя ведь отличные ноги!

– Ноги еще ничего, а вот сзади обтягивать нечего, так что узкие юбки мне противопоказаны.

– Так... по магазинам одна ходишь?

– В основном.

– Завтра идем вместе. А то ты, по-моему, чересчур самокритична. Со стороны-то виднее.

– Хм... почему бы и нет, давай.

Благодаря мне Аня стала носить кофточки с декольте. Признаюсь, уговорить ее на это удалось не в первый и даже не в пятый наш совместный поход за покупками, но все-таки я это сделала!

– Да, с бюстгалтером пуш-ап смотрится куда не шло, – согласилась она однажды, стоя в примерочной, и я мысленно отпраздновала победу. – А тебе не кажется, что у меня чересчур выпирают ключицы?

– Ни капли не выпирают, – заверила я. – Ты прекрасна. Если купишь это, от поклонников отбоя не будет.

– Сомневаюсь, – вздохнула Аня и, задернув занавеску, стала переодеваться. – Но это я возьму.

– Почему сомневаешься-то?

– Если честно, я не избалована мужским вниманием. Меня немного дразнили в школе за худобу. И я до сих пор ни с кем даже не целовалась.

– У меня с личной жизнью тоже все было не фонтан, – хмыкнула я.

– Но у тебя хотя бы был парень! – донеслось из-за занавески.

– Ага, вроде как мы встречались. Но у нас было от силы пять-семь поцелуев. И это было в десятом классе. А до него – вообще смех. – Я вспомнила Диму и свой первый поцелуй и действительно начала посмеиваться.

– Про курортный недороман ты рассказывала, – сообщила Аня и, выйдя из примерочной, вздохнула. – А мне и рассказать-то нечего.

– Просто у тебя все впереди, – с умным видом произнесла я, впервые чувствуя себя многоопытной в любовных делах.

Когда мы вышли из магазина, на меня напала сентиментальность, и я разоткровенничалась:

– Мне ведь даже не интересно, где они сейчас, чем занимаются... единственный, о ком бы я узнала – это...

– Коля, – подсказала моя лучшая подруга, надевая перчатки.

– Именно.

– Наверное, где-нибудь в физкультурном институте.

– Пожалуй. Встречается с однокурсницей...

– И я даже расскажу тебе, как он в нее влюбился. У них была новогодняя вечеринка, и там он впервые увидел ее не в спортивной одежде и с высоким хвостом, а в платье, с распущенными волосами...

– Ага, она сама подошла и спросила, не хочет ли он выпить с ней шампанского...

– ...и тут он вдруг заметил, какие у нее бездонно-синие глаза...

– Ну как тут было не пропасть?!

– Я его понимаю!

Мы расхохотались над очередным продуктом совместного творчества. Аня тоже когда-то писала – правда, не романы, а стихи, но тяга к творчеству в ней была, так что истории подобные этой мы сочиняли на каждом шагу. Но на сей раз мне было не слишком весело, и, видя это, она быстро прекратила смеяться. Аня всегда тонко меня чувствовала.

– Слушай, Оль, я есть хочу.

– Кто бы сомневался, – ухмыльнулась я.

– Я хочу мороженого.

– Внезапно.

– И съесть его прямо на улице.

– Отличная идея, если учесть, что на дворе начало марта.

– Значит, ты не со мной?

– Я-то?! С тобой, разумеется!

Мы выскребли все, что у нас осталось (я забыла кошелек, а Аня потратила все на покупки) – я нашла под подкладкой пуховика три рубля, а у нее было пять. Купили один сливочный пломбир на двоих.

– Дурочка, ты что – такими большими кусками! – заорала я, когда Аня решительно сделала первый укус.

– Сама дурочка. Я же сказала, есть хочу. Перчатки надень, а то рука замерзнет. – Она протянула мне заледеневшее мороженое.

– Да ладно, стаканчик-то вафельный, – проворчала я. – Ай, холодный!

– Я же сказала, надень перчатку! Хоть одну!

– Ну ладно, ладно, уговорила...

Пять минут спустя.

– Ну как, не замерзла? – осведомилась Аня.

– Не-а, – весело соврала я.

– И я тоже, – так же радостно соврала она. – Но когда придем к тебе, надо все-таки выпить чаю.

– Горячего.

– Очень. И с теми божественными рогаликами...

– Ты вчера все доела.

– Так купим новые!

– Да?

– А, черт. Денег-то нет.

– Да ладно, я пошутила. Осталось несколько штук. Родители все равно их не едят.

– Тыфу, зачем пугала-то?!

– Да это так, чтобы в тонусе тебя держать.

– Ты отвратительна!

– Ты еще хуже!

Потом я вспоминала этот день как один из лучших в моей жизни. Хотя вечером произошло кое-что странное.

Аня ушла от меня в половине восьмого – темнело еще рано, а ехать ей было неблизко. Я одолжила ей деньги на проезд, закрыла за ней дверь и собралась посмотреть очередную мелодраму – меня опять на них потянуло. Теперь у меня в комнате появился свой телевизор, и я могла смотреть их, никому не мешая, прямо со своего дивана. Но на сей раз, стоило мне поставить диск, устроиться поудобнее и закутаться в плед, раздался телефонный звонок.

– Ма-ам, возьми! – крикнула я.

– Если это опять Роза, которая хочет рассказать, как у ее сынишки режутся зубки... – громко заворчала мама.

– Ладно, я знаю, сегодня моя очередь, так что если увидишь на дисплее ее номер...

– Нет, это не она. Ладно, возьму.

Через полминуты мама появилась на пороге с телефоном.

– Тебя.

Это было странно – мне давно уже никто не звонил на домашний. Даже с Аней мы в основном болтали по мобильнику. На секунду я почему-то вспомнила наши ежевечерние беседы с Линой. Но это уж точно никак не могла быть она.

И все-таки я испытала смутное разочарование, услышав в трубке не ее голос. Впрочем, уже в следующую секунду, опомнившись, ахнула:

– Маша!

– Привет. Я, – отозвалась она.

С тех пор как мы общались в последний раз, прошло месяцев семь, но за это время столько всего изменилось, что каждый месяц мог считаться за год.

– С ума сойти! Ты вспомнила обо мне! Как ты? Какие новости? Как факультет культурологии? Нравится? – Я засыпала ее вопросами, зная, что услышу односложные, общие ответы, но того ответа, который она дала, я ожидала меньше всего.

– Я замуж выхожу.

На несколько секунд я буквально потеряла дар речи. Маша – замуж?! Но ведь ей еще восемнадцать не исполнилось! У нее же, кажется, и парня никогда не было!

– Как?! – выдавила из себя я.

– Через неделю у меня день рождения. И сразу подаем заявление.

– К чему такая спешка?

– Я беременна.

Я вся похолодела, по телу пробежал озноб. Как такое могло случиться?! Парень принудил ее к близости?! Почему-то невозможно было поверить, что она была согласна. Если только ей лень было отказываться.

– Не пугайся и не жалея меня – хотя ребенка не планировалось, я ему даже рада, – произнесла Маша самую длинную за время нашего знакомства фразу, и я как-то сразу успокоилась.

Будто умение строить сложные предложения свидетельствовало о том, что она повзрослела и отвечает за свои поступки. Но кто бы мог подумать, что она хочет детей!

– И как давно вы вместе?

– На экзаменах познакомились. В июне.

– Он с твоего факультета?

– Нет, он не поступил. Пошел на другой. На филфак.

– Погоди, так я тоже на филфаке! Я же должна его знать!

– Ну да.

– Как его зовут?

– Эдик... – начала Маша, и я изумленно перебила ее:

– Покровский?!

– Да.

Я зажмурилась. Бедная, бедная Маша. Это ведь тот самый парень, который мне немного нравится и который на пару с лучшим другом коллекционирует девушек!

– Знаю, о чем ты думаешь, – снова удивила меня сложно-подчиненным предложением Маша. – У него дурная слава, да?

– Ну... как тебе сказать... – промямлила я. – Он... в общем...

– Я в курсе, Оль. Он мне изменяет. С самого начала. Я

вообще не думаю, что была для него чем-то серьезным. Так, встречи раз в неделю.

– Но на свадьбу он согласен?

– Он порядочный. К тому же его родители все знают и велят ему жениться. Особенно отец.

– Порядочный, значит, – повторила я.

Насколько я знала Эдика, если на него что-то и могло повлиять в этом вопросе, то только наказ отца, а уж никак не моральные принципы.

– А он точно женится?

– Через неделю подаем заявление, – снова сказала Маша.

– За неделю многое может случиться... Послушай, ты уверена, что тебе нужен такой муж?

– Я его люблю, – сообщила она, и я наконец поняла ее логику. Она думает, что брак и ребенок привяжут его к ней, потому и рада своей беременности.

– Кстати, я его о тебе спрашивала, – добавила Маша. – Он сказал, вы не общаетесь. Ему было неприятно, что у меня там подруга...

Еще бы, я ведь многое могла ей порассказать.

– ...но я сказала, что мы с тобой давно не виделись, и он успокоился. Вообще, я и так много знаю. И чувствую.

Я вздохнула.

– Как отнеслись ко всему этому твои родители?

– Шок, – отозвалась Маша в своей обычной манере.

– Но они-то, конечно, хотят, чтобы ты вышла за него, раз

уж так все сложилось?

– Естественно. Они-то и не догадываются.

– Что он бабник? – Я прикусила язык, но было поздно.

– Ага, – как ни в чем не бывало отреагировала она.

– Маш, мне так жаль...

– А мне ни капли. Может, все к лучшему. Неизвестно, когда ко мне придет такое чувство в следующий раз. По крайней мере, я попытаюсь создать семью с любимым человеком. Учиться меня никогда не тянуло, так что я не против посидеть дома с ребенком.

На минуту я даже начала сомневаться, что разговариваю с той Машей, которую знала. Я бы охотно поверила в то, что со мной разыгрывают какую-то шутку, в то время как настоящая Маша валяется дома перед телевизором, не помышляя о любви и семье. Но в конце этой длинной речи ее голос стал тише, и слово «ребенком» она произнесла почти шепотом. Нет, так могла говорить только она и никто другой.

– Ты стала многословнее... здорово, – отметила я.

– Эдику не нравится моя молчаливость.

– О... понятно.

Я вдруг представила Эдика в загсе и четко осознала, что этого не будет. Он попросту сбежит. Куда ему бежать, если даже отец на стороне Маши? Он придумает. А может, уже придумал. Не входит брак в его планы, это уж точно. Чтобы он дал себя окольцевать – не знаю, что должно произойти, беременности тут недостаточно.

Ребенок – весомый аргумент, но скорее для того, чтобы «откосить». Как от армии. С одной женой еще можно смириться как с неизбежным злом – не появляться дома, игнорировать ее, изменять и в конце концов развестись. Но дети – это уж слишком. Маша явно переоценила его порядочность.

Но, похоже, я тут ничего не смогу поделать. Внезапно я почти возненавидела Эдика, – а ведь еще недавно он был мне симпатичен.

– Где будете жить? – глубоко вздохнув, спросила я покорно, соглашаясь поиграть с Машей в игру «Свадьба состоится».

– Первое время у него. Квартира немаленькая, – информировала она.

– Хорошо. Когда пожениться планируете?

– В конце мая. Надеюсь, мы все успеем.

– А что, это будет пышное торжество?

– Да нет, человек на пятнадцать. Можно было просто расписаться, но каждая девушка мечтает о красивой свадьбе. И родители с обеих сторон меня поддерживают.

– А Эдик?

– Ему все равно.

– М-да.

– Будешь моей свидетельницей?

Если меня еще мог удивить какой-то поворот нашего разговора, то это был именно он. Я чуть не уронила трубку. Как она себе это представляет?! Я должна быть одним из глав-

ных действующих лиц на мероприятии, которое неизбежно обернется трагедией?! Я ведь уверена, что не позднее чем через год этот бабник разобьет ей сердце и бросит с ребенком на руках! И, зная это, я должна притворяться весь день? Поздравлять молодоженов, улыбаться...

Господи, а что еще должна делать свидетельница? Судя по романтическим комедиям, без стриптиза с использованием свидетеля в качестве шеста не обойтись. Вероятно, свидетелем будет Саша, лучший друг Эдика, с которым он неразлучен в универе. Не самый ужасный вариант, но... о чем это я?! Да я... я даже на свадьбе ни разу не была! Мы и к тете Розе тогда не поехали...

– Хм, – отозвалась я после минутной паузы, которую Маша терпеливо выждала. – А Эдик не против?

– Я сразу сказала ему, что это будешь ты, – информировала Маша. – Он смирился. В конце концов, ты моя лучшая подруга и единственный на свете человек, которого я вижу в этой роли.

О-о. Не хватало еще прослезиться.

– Что я должна буду делать? – выдохнула я наконец.

– Не волнуйся. Просто быть рядом.

– Хорошо.

– Никаких пошлых конкурсов не будет, тамады тоже. Маленький банкет на природе в довольно узком кругу – только близкие.

– На природе?

– Мы решили, в конце мая это будет самое оно. Ты знаешь турбазу?.. – Маша произнесла название, от которого на меня наплыла куча воспоминаний.

– Ну конечно. Это по-прежнему одна из самых крутых наших турбаз?

– Да, ее даже собираются перепрофилировать в санаторий.

Перед глазами все еще стояла яркая картинка: я, Настя, Дима и Володя на скамейке – мы с баночками коктейля, они с пивом; возле фонаря выются мошки, мимо ходят люди... Володя обнимает Настю за плечи, и мне отчаянно хочется, чтобы меня обнял Дима, или не Дима, все равно кто... Типичная подростковая логика. Может, Ленино стремление произвести впечатление тоже было возрастным явлением? Интересно, какой она стала теперь.

Поговорив с Машей, я включила телевизор, но минут через десять осознала, что не смотрю его, и снова выключила. Все еще сидя под пледом с пультом в руках, я размышляла о том, как странно иногда поворачивается жизнь. Насколько отличаются представления разных людей об одних и тех же вещах.

Что для меня дружба сейчас? Наверное, полное доверие, ежедневное общение, звонки по вечерам. А что Маша? Она даже не знала о моей «драме десятого класса» – так я окрестила историю со своим скоротечным романом. Если и замечала мое подавленное состояние, то ни разу не спросила о

его причинах. И сама, влюбившись впервые в жизни (а может, и не впервые?), даже не подумала набрать мой номер и поделиться своими переживаниями. Знала, что мы с ее Эдиком учимся вместе, не только не побежала ко мне с расспросами о его институтской репутации – тут ее можно понять, ей вряд ли хотелось слышать подробности, – но даже не сообщила об этом совпадении.

А ведь я еще в августе послала ей СМС о том, что поступила на филфак, а она ответила, что пошла на культурологию. И все, вот и пообщались. Видимо, у Маши не было потребности чем-то делиться. Если бы не эта свадьба, кто знает, когда бы я обо всем узнала. При этом оказывается, что у нее ни с кем не было более тесных дружеских отношений, чем со мной.

Теперь-то я была более компромиссной личностью и готова была признать, что все люди разные, каждому свое и все такое. Но несколько лет назад мое непримиримое подростковое «я» вообще не приняло бы этого противоречия: думаю, я сочла бы, что Маша зачем-то врет, называя меня лучшей подругой. Мало ли, может, никто больше не захотел быть свидетельницей. Нельзя же такое поверхностное общение называть настоящей дружбой.

Я вспомнила о Лине – уже не в первый раз за день. А потом сразу – об Ане. Надо было позвонить ей, поделиться новостями.

Я, разумеется, поздравила Машу с днем рождения, но никакого приглашения не получила, хоть и спросила, когда можно будет отдать подарок. По ее словам, она была так занята планированием свадьбы, что ничего обещать не могла. К тому моменту заявление еще не было подано, и меня по-прежнему терзали дурные предчувствия.

Всю неделю перед этим я присматривалась к Эдику, и вел он себя как обычно: прогуливал пары в курилке вместе с другом Сашей и вместе с ним же флиртовал с бесчисленным количеством длинноногих блондинок. С виду ничто не предвещало, что в его жизни грядут перемены. Иногда, правда, я ловила на себе его взгляд – то ли враждебный, то ли изучающий.

А дней через пять после дня рождения Маши произошло одновременно два события: она наконец позвонила мне и предложила встретиться вечером в кафе, а после пар, когда мы с Аней собирались уходить, ко мне внезапно подошел Саша и попросил задержаться.

– Мне стоит подождать? – удивленно подняв бровь, спросила Аня то ли у него, то ли у меня.

– Думаю, это займет минут пять, – ответил тот без особого энтузиазма. – Отойдем, Оля.

Я уже догадывалась, что разговор будет связан с Эдиком. Метнувшись к кофейному автомату, Саша принес нам обоим латте – донжуаны частенько бывают обходительными, –

но этим его ухаживания и исчерпались.

– Это насчет Эдика и твоей подруги, – заявил он, едва присев за столик.

– Ты вызвал меня по его просьбе? – спросила я слегка насмешливо.

– Нет. Он не знает о нашем разговоре, – сообщил Саша и тут же отвлекся, чтобы помахать рукой прошедшей мимо девушке.

Улыбнувшись ему, она бросила на меня недоуменный взгляд. Мне стало даже обидно: неужели я настолько не подхожу на роль очередной жертвы Сашиного обаяния? Неужели так видно, что я из тех, к кому парни почти не пристают? Вроде я и не страшная, и не такая уж забитая...

– Я не хочу, чтобы у Эдика были проблемы. – Саша заговорил сухо, будто желая подчеркнуть, что ни в каком другом качестве, кроме собеседника в этом «деловом» разговоре, я его не интересую.

– У него уже проблемы, – раздраженно заметила я.

– Но тебя это не касается.

– Касается в той же мере, что и тебя.

– Ладно, ладно... я просто хотел попросить тебя не рассказывать своей подруге лишнего о нем. И не демонстрировать ничего на свадьбе. Не надо портить людям жизнь.

По его тону можно было подумать, что я только этим и занимаюсь.

– Я ничего не говорила ей. И свадьбу срывать не собира-

юсь, – фыркнула я. – Все, что я делаю, это терзаюсь дурными предчувствиями.

Наверное, этого можно было не добавлять – вряд ли Саше были интересны мои чувства, – но, видно, накипело.

– Будь спокойна. Он женится, – с некоторым облегчением сообщил он. – Наверное, ты уже в курсе: они подали заявление, и Эдик попросил меня быть его свидетелем.

Разумеется, я была не в курсе.

– И он не сбежит прямо из загса? – с подозрением спросила я.

– Нет. Конечно, он был в шоке, когда узнал о ее беременности. Пошел за советом к отцу – у них хорошие отношения. Папа и убедил его, что ребенок – самое дорогое, что у него будет в жизни, что он никогда себе не простит, если откажется от малыша, что семья – это крепость... ну, понимаешь.

– Уговорил, – подытожила я.

– Да, но не заставлял. У родителей Эдика прочный брак, в этом плане отец может считаться авторитетом. А когда-то тоже был мужик о-го-го. – Саша даже подмигнул мне, на секунду забыв, что я всего лишь бесполое существо, которое нужно обезвредить.

– Значит, Эдик согласился только из-за отца?

– Ну... не скажу, что он по уши влюблен, но Маша твоя ему нравится, иначе он не общался бы с ней аж с июня. И ему кажется, что она будет неплохой женой. Тихая, неконфликтная, любит его, родители ее одобрили... В общем, говорит,

мог бы вляпаться и хуже. Ой, только ты этих слов ей не передавай. Короче, пойми, что воевать тебе с ним не надо. И подругу настраивать против него – тоже. Обижать ее он не собирается. Да, строго между нами, я ему сочувствую, – разоткровенничался Саша. – Случись такое со мной – не знаю, что бы я делал. А он молодец, так что...

Саша оборвал фразу и стал пожирать взглядом очередную девицу, вошедшую в столовую. Я поняла, что разговор окончен.

– Ладно, я приняла к сведению, – процедила я.

– Пусть все идет как идет, не вмешивайся, – рассеянно резюмировал он, продолжая смотреть в другую сторону.

– Я постараюсь, – сказала я. Не уверена, что он услышал.

Как ни странно, разговор меня слегка успокоил.

– Что ж, раз свадьба все-таки состоится, то очень хорошо, что ты лично знакома со свидетелем, – заметила Аня, когда мы выходили на улицу. – Не придется обвиваться в откровенном танце вокруг незнакомого человека.

– Тьфу, молчи, – толкнула ее в бок я. – Я все еще верю, что мне удастся этого избежать.

– Да ладно, почему нет. Он симпатичный, а на свадьбе так легко завязать роман! – продолжала подтрунивать она.

– Надеюсь, там будет кто-то получше, чем смазливый бабник.

– Будет здорово, если у того, кого ты там подцепишь, най-

дется красивый друг. Ну, для меня.

– Эй, что, Герман так и не написал?

– Увы.

– Ох, эти знакомства в интернете не приводят ни к чему хорошему. Лучше...

– Знаю, знаю, лучше знакомиться в своем окружении. Но с кем из тех, кого часто вижу, я могла бы начать встречаться? С кроликообразным Кириллом, которого волнует только Достоевский? С нашим вундеркиндом Мишей, который младше меня года на два и толще раза в три? С Сашей, которого волнуют исключительно блондинки с большой грудью, или с Эдиком, у которого схожие взгляды и беременная невеста? Кстати, Маша тоже пышногрудая роковая красотка?

– Ну... фигура у нее ничего, но... э-э... не знаю.

– Но что-то же он в ней нашел... ага, давай, пока...

– Это ты мне?! – изумилась я.

– Да нет, Рома мимо прошел и сказал «до свидания».

– Я даже не слышала... погоди, какой Рома? Который старше нас и появляется здесь раз в месяц?

– За последнюю неделю появился аж трижды.

– Какая ты внимательная. Интересно, с чего он вдруг к нам зачастил?

– Может, с работой полегче стало, время появилось.

– А может, из-за тебя?

– Э, ты сделала этот вывод на основании того, что он сказал мне «до свидания»?!

– Да нет, просто женская интуиция...

– Брось свои шуточки. Я, конечно, ценю твое намерение поднять мне самооценку, но вряд ли двадцатитрехлетнего парня... мужчину заинтересует плоскогрудая девчонка вроде меня.

– Еще как заинтересует, особенно если эта девчонка будет почаще носить ту сиреневую кофточку с декольте, которую выбирала вместе с подругой.

– Скорее всего, он даже не помнит, как меня зовут, – усмехнулась Аня невесело. – Скажи лучше, когда будем писать в профсоюз заявление на путевку в Лазаревское?

– По-моему, можно только с конца мая.

– Уже скоро...

– Сегодня двадцатое марта.

– И помечтать нельзя! Мне так не терпится поехать с тобой на море! Я ведь никогда не отдыхала без родителей...

– Так и я.

– Надеюсь, это будет шикарный отпуск!

– Я даже не сомневаюсь.

– Еще раз говорю: никаких посторонних лиц, кроме фотографа. Да и тот – хороший знакомый моего папы. Диджей – приятель Эдика.

Мы с Машей сидели в кафе – разумеется, в «Нептуне», около ее дома, странно еще, что она свадьбу не там решила праздновать – и обсуждали подробности предстоящего тор-

жества. Глядя на нее, я пыталась установить для себя, насколько Маша подходит на роль роковой девушки.

За то время, что мы не виделись, она слегка изменилась – отрастила волосы, начала краситься, притом довольно умело. Она выглядела... неплохо. Но не стервозно, нет. Увлечшись мыслями, в какой-то момент я поймала себя на том, что перестала ее слушать – видела только, как шевелятся ее губы.

– ...родители, бабушка, ты и еще четыре человека. Это с моей стороны. Первый – моя соседка, ее просто нельзя не позвать, мы с детства общаемся, второй – дочь маминой подруги, знакома с ней с пеленок... ну, и мать вместе с ней...

– А четвертый? – вежливо переспросила я.

– Однокурсница.

– Дружите?

– Часто общаемся. Вместе сидим. В салон красоты ходим, она меня туда осенью в первый раз отвела – сказала, если немного сменю стиль, Эдику должно понравиться. Здорово так, меня научили краситься, укладку делать...

– Ты рассказала ей об Эдике? – равнодушно спросила я, уткнувшись в тарелку с пирожным.

– Ну да.

Ей – да, а мне – нет? Может, она их еще и познакомила?.. Поразительно, но почему-то мне было неприятно – так, будто у меня из-под носа забрали заслуженный приз.

– Так значит, вы с ней дружите, – с нажимом повторила я.

– Приятельствуем, – улыбнулась Маша.

– А я... – не удержалась я.

– А ты моя лучшая подруга. Единственная подруга.

– Но мы не общались с прошлого года, я ничего не знала о твоём романе с Эдиком, и...

– Да, так вышло, я была вся в любви. Прости. Не думай, что я тебя забыла. Мы можем не видеться десять лет, и все равно ты останешься единственным человеком, с которым мне комфортно. И с которым не надо слов. Сама знаешь, я не болтлива, но с остальными как-то приходится...

– Ты и сейчас со мной гораздо разговорчивее, чем раньше.

– Привычка уже. Сейчас обсудим с тобой организационные вопросы, я опять расслаблюсь и буду вести себя как мне удобно.

Это был наш первый откровенный разговор. Похоже, Лина когда-то попала в точку, сказав, что Маша выбрала именно меня, потому что я не вытаскиваю ее из зоны комфорта. Вот только она говорила как бы обвиняюще, а кто сказал, что это так плохо? Теперь для Маши это, видимо, было особенно важно, потому что ей приходилось постоянно покидать эту самую зону ради Эдика.

– Спасибо, что предложила мне стать свидетельницей, – вдруг сказала я.

– У меня и не было других вариантов. Только ты, – пожала плечами Маша. – Так, мы говорили о гостях. С моей стороны я всех перечислила, а с его...

– А с его я, наверное, никого и не знаю, кроме свидетеля.

– Ну почему, у Эдика есть один друг, которого ты вроде должна знать. – Еще до того, как подружка закончила фразу, я почему-то понимала, что она скажет, так отчетливо, будто ждала этого. – Он учился в параллельном классе с девятого, а до этого – в другой школе, и вы вроде бы в одном классе были. Это Коля Гусев. Помнишь такого?

У Маши были своеобразные представления о том, чем должна помогать невесте свидетельница и лучшая подружка. Она и не подумала привлечь меня к выбору свадебного платья и аксессуаров, зато почему-то я должна была помочь ей решить, как рассадить гостей.

– Кажется, приглашенных со стороны жениха и со стороны невесты нужно сажать отдельно. По крайней мере, кхм, в Америке, – нерешительно высказалась я, вспоминая голливудские фильмы.

– У нас один стол, – информировала Маша. – Мы с Эдиком должны быть рядом в центре. Как с остальными?

– Э-э...

Мне в очередной раз пришло в голову, что вся эта свадьба – такая особая игра, где никто толком не знает правил.

– Ну смотри, если я сажу слева от Эдика, то свидетели с моей стороны должны быть слева от меня – логично?

– Наверное... только... – Пришло время поднять самую деликатную тему, по возможности легко и небрежно. – А

можно сделать так, чтобы... Гусев... ну, тот, мой одноклассник бывший... чтобы он сидел где-нибудь близко ко мне... то есть, ну... я бы... расспросила его...

– А, об Анфисе, наверное. Помню, вы хорошо общались одно время. Думаешь, он с ней еще как-то связан?

– Что? А-а. – Я даже не сразу поняла, что Маша имеет в виду Лину. – Ну... да! Вряд ли они вместе, но есть шанс, что хотя бы иногда контактируют. Интересно, как она там.

– Но ты должна сидеть рядом со мной. Ты же свидетельница.

– Я помню! Ну, при необходимости мы с ним, конечно, можем перекрикиваться через стол... ох, не знаю. Ладно, забудь. В конце концов, я иду к тебе на свадьбу, а не на встречу с Гусевым.

– Нет-нет, если для тебя это важно, мы что-нибудь придумаем, – пообещала Маша и сменила тему:

– Слушай, я переживаю. Вчера была у врача – он сказал, у меня такая комплекция, что к свадьбе уже может быть заметно. – Она застенчиво приложила руку к совершенно плоскому животу.

– Ерунда. Если и будет, то не сильно – на четвертом-то месяце, – утешила ее я и вздохнула:

– Не верится даже...

– Во что?

– Во все это.

– Придется поверить. Я почти замужем и почти мама, –

улыбнулась Маша.

– Ох.

От ее слов мне вдруг стало дурно, и я то ли обняла ее, то ли вцепилась в нее, чтобы удержать равновесие и не упасть под тяжестью этого осознания. Таким было наше первое дружеское объятие.

– Да ладно. – Маша усмехнулась и, взяв меня за плечи, легонько отстранила. Она, как и я когда-то, старалась по возможности избегать тактильных контактов. Жаль только, что это правило не распространялось на Эдика.

Ее свадьба стала первым тревожным звоночком, означавшим, что мир вокруг безвозвратно меняется. Да, это был только первый курс, и пока я могла позволить себе просто изумляться происходящему, оставаясь в своем мирке. Я не задумывалась о том, что с каждым годом эти перемены будут затрагивать меня все больше. Через год-полтора я уже почти перестану удивляться, слыша, что какие-то знакомые поженились и/или родили ребенка – разве что буду поглядывать на этих героев с некоторой опаской: надо же, решаются люди на такое...

На четвертом курсе после продолжительного романа выйдет замуж моя Аня. И на ее свадьбе свидетельницей буду не я – к тому времени отношения между нами охладели из-за того, что она, растворившись в возлюбленном, почти перестанет обращать внимание на такую мелочь, как подруга. Пройдет больше полугода, прежде чем ее семейная жизнь войдет

в колею и наша дружба возродится – пусть несколько видоизмененная, но такая же светлая, приятная и как будто даже окрепшая.

Пока все это было мне неведомо – как и то, что Рома, о котором мы с Аней говорили днем, меньше чем через три года наденет ей кольцо на палец. Маша, собирающаяся сделать сразу так много шагов во взрослую жизнь, казалась мне экзотической птицей в стае воронов и голубей.

Ее брак продержался почти четыре года. Время подтвердило то, что все понимали с самого начала: Маша и Эдик были людьми с разных планет. Он неплохо относился к жене – как, наверное, относятся к милым соседям по лестничной клетке, – но так и не повзрослел. Не смог оставить вечеринки, охоту на длинноногих блондинок и беззаботную жизнь и почти не занимался дочерью, предпочтя перебросить все заботы на плечи Маши.

А вот она полностью сосредоточилась на ребенке. Похоже, роль матери была ее призванием: начисто забыв о природной лени, она неустанно готовила, стирала, гуляла с малышкой, водила ее на какие-то развивающие кружки, читала книжки о воспитании детей. Возможно, это была всего лишь нормальная, типичная материнская любовь, но в ней Маша действительно нашла себя, это видно.

На момент написания этой книги ее дочке Даше исполнилось четыре года. Они живут у Машиных родителей, которые в основном их и обеспечивают: пока Маша не собирает-

ся ни работать, ни продолжать учебу. Еще материально помогает отец Эдика – хорошим мужиком оказался. Сам Эдик иногда торжественно подкидывает какой-нибудь подарок на большой праздник, но никогда не угадывает. Мы с Машей потешались над тем, что он умудрился подарить дочери платице на целых три размера меньше. Такое чувство, будто он вообще не представлял, как она выглядит.

Наверное, когда-нибудь в жизни Маши что-то изменится. Ребенок растет, а Маша еще совсем юная – не будет же она всю жизнь заниматься только дочкой. Правда, в то, что подруга захочет развиваться, получит высшее образование и найдет работу, мне пока мало верится. Иногда я представляю какие-то фантастические картины ее светлого будущего – например, гуляя с Дашей в парке, Маша сумеет оторвать от нее восторженный взгляд и вдруг заметит, что на ближайшей скамейке сидит красивый, богатый, не обремененный семьей, но обожающий детей объект мужского пола и не сводит с нее глаз... Как все повернется на самом деле? Кто знает. Жизнь иногда рисует такие сценарии, каких ты и вообразить не мог.

Ну а пока вернемся к тому, на чем я остановилась. Беззаботный первый курс. Свадьба Маши и Эдика.

Саша не зря беспокоился, что я испорчу свадьбу: я усердно двигалась в этом направлении, правда, совсем не теми методами, какие он представлял. Казалось, я стала одной

из худших свидетельниц за всю историю бракосочетаний. В загсе я чуть не расписалась не там, где надо, два раза едва не облила невесту шампанским и один – наступила ей на подол платья, говорила банальнейшие тосты прерывающимся голосом...

А все из-за Коли, который, сидя не очень далеко от меня (Маша сдержала слово), не подозревал о своей роковой роли в моем поведении. Дело было даже не в том, что он сразил меня своей красотой, хотя да, Коля еще больше похорошел от постоянных занятий спортом. Меня восхищали мускулы, очертания которых ненавязчиво виднелись сквозь тонкую ткань рубашки, – это придало его облику мужественности. Я и не подозревала, что падка на такое! Поймала себя на том, что хотела бы увидеть Колин пресс – наверняка на нем есть пресловутые кубики, обязательный атрибут героя-любовника в каждой второй мелодраме...

Однако вместо того, чтобы продемонстрировать мне пресс, он мирно общался с остальными, ел, немного пил – только шампанское – и... совершенно не узнавал меня.

Что такого фатального случилось со мной с девятого класса, кроме того что еще немного выросла грудь, бедра стали пошире, я начала красить свои светло-каштановые волосы в темно-каштановый и иногда пользоваться тушью и бежевой помадой? Понятно, что все эти годы Коля обо мне не думал – с чего бы, – но чтобы не было ни проблеска узнавания... такого я не ожидала. Черт, мы же много лет учились вместе в

школе – разве я не заслуживала того, чтобы он хотя бы помнил, как я выгляжу?!

А может, Коля просто не хочет со мной общаться? Почему? Ему противно все, что когда-либо было связано с Линой?

Вся в своих мыслях, потерянная и напряженная одновременно, я даже не заметила, как выпила подряд три бокала шампанского, а ведь обещала себе не напиться и не наделать глупостей.

Но вот наконец Коля поднял на меня рассеянный взгляд, и в следующую секунду в этом взгляде промелькнуло изумление.

– Оля Плотникова?! – воскликнул он, и мир снова показался мне прекрасным и удивительным.

– Ты еще не понял, что это я? – отозвалась я – подозреваю, с неуместной счастливой улыбкой.

– Да нет... я слышал, что свидетельницу зовут Оля, но как-то не понял... глупо получилось!

– Я так на себя не похожа?

– Да ты вообще другая! С ума сойти. – Коля героически убрал свой бокал от Саши, разливавшего шампанское (я свой не убрала, и мне он подлил). – Тебе очень идет оранжевый.

– Это персиковый, – подсказала я, взглянув на подол своего коктейльного платья.

– Ну, парни в этих...э-э... штуках не сильны...

– Знаю, знаю. Так, м-м, как ты поживаешь? Где учишься?

Позволь я себе сконцентрироваться на том, что эта встреча для меня мечта нескольких лет, обязательно ляпнула бы что-то не то. Поэтому я старалась внушить себе, что ничего особенного не происходит – просто болтаю со старым знакомым. А сердце так бьется, наверное, от шампанского, да и свадьба – событие волнительное...

– Я учусь в физкультурном институте, факультет спортивных игр, – гордо сообщил мне Коля.

Мы с Аней были правы.

– И как, интересно учиться? – Менее уместный вопрос задать было трудно. Но его это не смутило.

– Здорово! – ответил он с энтузиазмом. – Очень нравится.

– И после института ты будешь... м-м... специалистом по спортивным играм? Судя по твоей фигуре, не теоретиком.

Я ужаснулась, что сказала это вслух, но Коля, кажется, и не заметил моего смущения.

– Нет, практиком, конечно, – простодушно сообщил он. – А ты кем будешь?

– Филологом. Тоже полезная профессия. Что бы делал мир без филологов? Это почти как пожарник... – понесло меня, но тут, к счастью, нас отвлекли возмущенным «эй, свидетель тост говорит!», и мы покорно обратили взоры на Сашу.

– Я очень рад... – откашлявшись, начал он свою речь.

Не думаю, что он на самом деле так уж радовался. С дру-

гой стороны, следующие годы показали, что для него этот брак практически ничего не изменил – друг никуда от него не делся, совместные попойки продолжились.

Невеста – уже молодая жена! – слушала Сашу, рассеянно улыбаясь. Мне показалось, она была бы рада оказаться где-нибудь подальше отсюда, в уединении – вместе с Эдиком, разумеется. Даже в столь узком кругу людей Маша чувствовала себя стесненно. Не из тех она, кто любит быть в центре внимания.

Пока свидетель, явно гордясь своим ораторским талантом, вдохновенно вещал что-то о крепкой взаимной любви между новобрачными, Маша то и дело украдкой поглаживала живот, будто успокаивала ребенка: все хорошо, мама рядом, скоро все это закончится. Тогда я впервые подумала о том, что она может стать хорошей матерью.

Маша зря волновалась: несмотря на ее худобу, животик под элегантным платьем цвета шампанского (коктейльным, не именно свадебным) был почти не виден. Невеста выглядела привлекательно, пусть и не сногшибательно, все вокруг делали ей комплименты, поздравляли, дарили подарки, а мне было остро жаль ее – именно в этот особый для нее день. Надеюсь, этого никто не заметил.

Поболтать мы с Колей смогли лишь через несколько часов, когда появилась возможность встать из-за стола: фотограф предложил всем сделать эффектные снимки на фоне природы. На удивление, к этому моменту все были отно-

сительно трезвы – очевидно, большинство присутствующих спиртным не увлекались, а жених и свидетель, не дураки выпить, в этот раз вели себя сдержанно – видимо, из уважения к большому событию и к родственникам с обеих сторон. В какой-то момент фотосессии у меня мелькнула ужасная мысль, что самая пьяная здесь будто бы я: голова слегка кружится, руки дрожат... не от алкоголя, правда, но кто об этом знает?

Решив немного развеяться и успокоиться, я незаметно (надеюсь) улизнула от фотографа и пошла бродить по турбазе. Когда проходила мимо скамейки, на которой тогда сидела с коктейлем вместе с Настей и случайными знакомыми, за спиной вдруг послышалось:

– А! Вот ты где! Ты куда?

Невероятно, но это был он. Прибавив шаг и поравнявшись со мной, Коля смотрел на меня с таким беспокойством, будто решил, что я отправилась топиться в реке.

– Просто ноги разминаю, – улыбнулась я.

– Ты не обиделась?

– На что?

– Ну, на то, что я тебя не узнал.

– Какая ерунда.

– Ты правда так повзрослела...

– Ты тоже.

– Мало танцуешь.

– Не очень люблю это дело.

Да, дискотеки так и не стали моим пристрастием – как и

косметика, как в принципе и парни. Разве что теперь я иногда ходила с Аней по магазинам, но и тут – без фанатизма. Значит, следуя логике Лины, я так и оставалась девчонкой, так и не превратилась из гусеницы в бабочку. И все же он – ОН – сказал, что я повзрослела.

– У тебя стало совсем другое выражение лица... и волосы... – сбивчиво продолжал он.

– Я сделала праздничную прическу, – подсказала я. – И слегка нарядилась.

Зачем? Пусть бы думал, что я всегда такая.

– Да нет... ты очень изменилась. Но в лучшую сторону. Как твоя жизнь? С кем из наших общаешься?

«В лучшую сторону», ух ты!

– А, из класса?.. Да только вот с Машей.

– Нет, из *нашего* класса.

– А, из того – боюсь, ни с кем. Только в интернете немного – недавно завела страничку «ВКонтакте», с Брасовой чуть попереписывалась.

Коля слегка нахмурился, будто припоминая, кто такая Брасова, а потом кивнул:

– А-а. Понятно. Надо тоже зарегистрироваться. А ты Лину там не нашла?

Я бросила на него быстрый взгляд, чтобы успеть отследить, с каким выражением лица он произнес ее имя, но не увидела в его глазах ничего особенного – может, только легкое любопытство. Значит, прошло. Немудрено: они встреча-

лись почти три года назад.

– Нет, не нашла. Хотя, если честно, пыталась, – ответила я. – А ты о ней что-нибудь слышал?

– С тех пор, как ушел из вашей школы, ничего. Мы перестали общаться перед этим, летом.

Теперь это «перестали общаться» звучало так, будто они были всего лишь добрыми знакомыми, пути которых со временем безболезненно и естественно разошлись. Ага, ага.

– Знаешь, я вообще всех почти сразу порастерял – новая школа, новые люди, впечатления... – продолжал Коля.

– И о Пашке Журавлеве ничего не знаешь?

– Не-а... а ты?

– Кажется, мне говорили, он поехал поступать в Москву... или в Питер... А Лина в Питер. Это точно.

– А! Значит, вы с ней все-таки связывались? – заинтересовался Коля.

– Да в одиннадцатом классе один раз разболтались. Я даже не знаю, удалось ли ей поступить.

– Ясно. А у тебя что новенького? Сама замуж не собираешься?

– Боже упаси. По-моему, я одна из немногих, кого эта перспектива совершенно не прельщает. По крайней мере, на ближайшие несколько лет...

Может, это не то, что нужно было говорить парню своей мечты. Запоздало забеспокоилась я. С другой стороны, вряд ли и он жаждал жениться в восемнадцать лет.

Аня на днях говорила мне, что не против выйти замуж уже лет в двадцать – если, конечно, найдется достойный кандидат. Я тогда посмотрела на нее так, будто она внезапно вступила в секту.

– Ну, кто знает, как сложится, – усмехнулся Коля. – Я вот тоже не тороплюсь, но загадывать-то нельзя...

– Это верно.

– Что-то далеко мы ушли – надо, наверное, возвращаться, а то нас будут искать. Особенно тебя, свидетельница.

Так много «ты», «тебя»... внимание Коли к моей персоне – это было похоже на сказку, окончания которой я желала меньше всего. Поэтому, набравшись смелости, хотела предложить ему пройтись еще немного, но тут кто-то тронул меня сзади за плечо.

«Черт, все-таки нашли нас, сейчас начнут уговаривать пойти ко всем», – с досадой подумала я, но, обернувшись, обнаружила перед собой совершенно незнакомого парня. Он был явно рад нашей встрече – его улыбка была почти восторженной. Решив, что он обознался, я уже собиралась объять об этом, но тут парень проговорил:

– Оль, не помнишь меня? Я же Володя! Мы с твоей подружкой и моим другом, можно сказать, вместе отдыхали несколько лет назад!

– Господи, Володя! – воскликнула я и неожиданно для себя заключила его в объятия.

Сама ни за что бы его не узнала. Приятно, что узнал он (в

отличие от кое-кого).

– Ты такая нарядная! Вы что-то отмечаете? Кстати, привет. – Он кивнул Коле, и тот что-то пробормотал в ответ.

– У моей подруги свадьба. Мы вот отошли поболтать, – сообщила я. – А ты уже отдыхать приехал, на первый же поток?

– Да нет, мы просто с компанией на пикник собрались. Забыли купить кое-что, вот я в магазин иду...

– А на соседнюю турбазу этим летом не поедешь? Бабушка там еще работает?

– Она умерла в прошлом году, – вздохнул Володя.

– О, мне так жаль... прости.

– Ничего. Этим летом я, скорее всего, поеду на море, а ты?

– Мы с подругой, возможно, возьмем путевки от профсоюза. Говорят, в этом году едем в Лазаревское.

– А я знаю.

– Откуда?!

– В том же универе учусь!

– О-о, какое совпадение.

– Хорошее, кстати, местечко это Лазаревское – я там не был, но слышал... Может, тоже туда махнуть? – Володя бросил оценивающий взгляд на Колю, будто пытаюсь понять, бойфренд он мне или просто знакомый, и тут до меня дошло, что я интересую Володю как девушка.

Ха-ха, полюбуйся, Коля: я популярна!

– А что, буду рада, – решила подыграть я. – А то ведь то-

гда мы так телефонами и не обменялись – чудо, что вообще встретились.

– Да, неудачно вышло... как, кстати, Настя поживает?

– Мы давно не общаемся.

– Ох, как жалко... такие хорошие были подружки... а ты, может, хочешь спросить меня, как там Дима? – Володя про-изнес это лукаво, из чего я сделала вывод, что его друг не делал тайны из нашей короткой интрижки.

Коля, и без того довольно угрюмый, нахмурился еще больше.

– Конечно, хочу. И как он? – воодушевившись, подхвати-ла я.

– Ушел в армию, ему очень тоскливо, девушки у него нет. Радуетя любой весточке. И, кстати, ему можно звонить и писать. Я имел в виду – по-приятельски, конечно, просто в качестве поддержки. Он всем рад. А уж тебе, думаю, тем бо-лее.

Я не слишком удивилась, что три года спустя Дима отка-зался от своих принципов по поводу мобильного телефона. На тот момент уже сложно было найти человека, у которого не было сотового.

– Хм, – я снова бросила взгляд на Колю, – тогда давай запишу номер на всякий случай.

– И мой заодно, а то опять растеряемся.

– И ты мой.

Когда обмен телефонами и любезностями закончился, мы

попрощались и снова обнялись, Володя поцеловал меня в щеку. Бросив из-за его плеча взгляд на Колю, я окончательно убедилась в том, что не выдаю желаемое за действительное: ему явно неприятна вся эта ситуация. Если бы я его совсем не привлекала, ему было бы плевать, разве нет?

– Ну, – пробурчал он, когда Володя ушел, – может, теперь и мой телефон запишешь для коллекции? А то тоже «опять растеряемся»...

В тот момент я подумала, что...

«... это был счастливейший день в моей жизни: никогда еще мне не удавалось так близко подойти к осуществлению своей заветной мечты...»

Нет. Не то. Неубедительный сюжет, неубедительные герои, плохое повествование. Я ужасный писатель.

– Опять не выходит? – сочувственно спросила Аня, когда я скомкала очередной лист бумаги.

– Угу, – пробормотала я и отодвинула надкусанный столовский пирожок.

– Может, отвлечешься, поболтаешь со мной для разнообразия? Или уже поднимаемся в аудиторию? Зачет через пять минут.

– Отстань.

– Ого, я вижу, все серьезно. Даже аппетит пропал... можно я доем? Спасибо. Могу узнать, в чем дело? Коля так и не ответил?

– Ага. Представляешь, впервые написала ему, а он не ответил. А еще я бездарь. За пять лет предприняла штук пятьдесят попыток написать роман, и... сначала вроде есть вдохновение, а потом – раз! – будто мыльный пузырь лопается. Все теряет краски, карета превращается в тыкву – короче, я понимаю, что все написанное – полный бред.

– Может, перейдешь на рассказы?

– Я не хочу рассказы! Я хочу роман!

– Ну так не зацикливайся на *любовном* романе.

– Да, ты права, в этих делах у меня слишком мало опыта, вот я и не могу быть убедительной – ну что я вообще знаю о любви?

– Э, я не то хотела сказать! Оля! У тебя три новых мужских номера в записной книжке, а ты еще недовольна!

– Да к черту всех, мне нужен только один, а он, похоже, забыл о моем существовании. Ну мог бы хоть ответить «ты кто?», что ли... Хотя он же записывал мой номер при мне! Неужели стер?

– Только не обижайся, я все-таки это скажу. Ты уверена, что он стоит твоих переживаний?

Я недоуменно воззрилась на подругу.

– Что?

– Ну... он... э-э... не слишком интеллектуален, интересуется только спортом, даже книг, наверное, не читает... нет, ты пойми, я верю, что для тебя он лучший, но... – Аня замялась. – Может, ты просто привыкла быть в него влюблен-

ной? Ведь ты носила это в себе столько лет и даже не видела его годами. За это время чувство могло законсервироваться и выдохнуться.

– Увы. Оно живее всех живых и, видимо, как всегда, безнадёжно. Зря я надеялась, что что-то может измениться. Наверное, ему просто понравилось мое «оранжевое» платье... и не понравился Володя. Может, это и не ревность была.

– А что же, интересно? Раз так, напиши Володе. Пусть тебя греет мысль о том, что Колю бы это задело, по крайней мере позавчера. Кстати, Дима-то, получается, был прав еще много лет назад: «Увидев тебя с другим, он наверняка на что-то решится».

Я через силу улыбнулась – приятно, когда кто-то наизусть помнит все твои истории, даже случившиеся за годы до вашего знакомства.

– Для начала ему надо вообще увидеть меня – хоть с другим, хоть без... ну ладно, хватит мне париться, пошли на зачет. Готовилась?

– Не очень.

– Я тоже. Выходные с этой свадьбой получились сумасшедшие. Ничего. Прорвемся.

На сообщение Коля ответил только вечером – к этому моменту я успела вернуться домой, поесть, написать и порвать страницу романа, поговорить с тетей Розой о режущихся зубах ее сынишки и залезть в интернет. Добавив в друзья «ВКонтакте» еще несколько человек, я решила снова

поискать страничку Лины – тут-то и раздался долгожданный сигнал СМС.

«Привет! Прости, тренировки. Как ты? Рад что написала». Запятой перед «что» не было, но это моей радости ничуть не умалило. Если бы сообщение было написано его почерком, я бы распечатала его и повесила над кроватью. «Хорошо, сегодня сдала два зачета», – сияя, отчиталась я.

Когда пришло сообщение о доставке, я на секунду перевела взгляд на монитор, и в мою просветленную голову пришла очевидная мысль: я все время искала Лину именно под именем Лина, а зовут-то ее Анфисой. Если она на самом деле имя не сменила, конечно.

На запрос «Анфиса Егорова» мне выпало всего три человека. Тогда в этой соцсети было зарегистрировано не так много народу, как сейчас: вчера специально проверяла, поиск выдал уже сорок пять страничек – тоже не так много, но Анфиса не очень-то распространенное имя.

Первой же в коротком списке оказалась та, кого я искала. С фотографии улыбалась девушка с коротко стриженными, как и год назад, волосами, окрашенными в невообразимый цвет (что-то между розовым и фиолетовым), и довольно ярким макияжем. Снова эпатаж. Надо признаться, все это шло Лине как никому другому, о чем в комментариях под фотографией щедро высказывались многочисленные знакомые обоих полов, никого из которых я не знала. В графе «место учебы» значился СПбГУ – значит, поступила-таки

в Питере. В «семейном положении» стояло многозначительное «все сложно». А в статусе – глубокомысленная фраза: «Любовь сияет только там, где нет места обыденности». Интересно, откуда она это взяла? Впрочем, неважно.

Главное ясно: Лина в очередной раз сменила имидж и живет полной жизнью в Санкт-Петербурге. Что еще мне нужно знать? Пожалуй, ничего. Я убрала курсор мышки от кнопки на экране «Добавить в друзья» и вышла из интернета.

Тут наконец снова раздался сигнал СМС: «Молодец! Поздравляю! Я тоже завтра волейбол здаю». Да, именно так, через «з». Я предсказуемо ответила: «Удачи!» – и долго корила себя за это. Такое сообщение не подразумевало ответа, а значит, переписка завершилась. Надо было еще что-то написать, о чем-то спросить... Мне разве нечего ему сказать?!

Я уж думала, что переписка заглохла навсегда, и опять приуныла. О том, чтобы снова писать первой, и думать не хотелось. А через пару дней Коля сам прислал мне сообщение, и на этот раз мы общались дольше – правда, снова на общие темы, но ведь и это лучше, чем ничего.

Вскоре у нас сформировалась привычка переписываться хотя бы раз в неделю. Правда, радовалась я этому недолго: мысли о том, что мы застряли на стадии приятельской болтовни и Коля не предпринимает никаких попыток позвать меня на свидание, удручали все больше. Улыбка, возникающая на моем лице при звуке СМС, гасла почти сразу после прочтения. Потому что ничего особенного там не было:

«привет, как дела?», «я сегодня что-то долго спал», «такая погода классная»... И даже в классную погоду приглашения я не дождалась. Несколько лет назад меня, наверное, устроило бы и такое общение – получается, он все-таки думал обо мне, раз писал! – но даже к хорошему быстро привыкаешь, и мне хотелось большего. Хоть немножко большего!

Однажды, отчаявшись, я в знак протеста взяла и написала одновременно Володе и Диме. Оба отозвались: Дима, кажется, не вспомнил меня, но сам факт, что ему пишет девушка, его воодушевил, и он принялся строчить в ответ сообщение за сообщением; Володя же, в отличие от некоторых, сразу перешел к делу – предложил увидеться на днях. От этого мне стало почему-то грустно, и я не ответила ни одному из них.

С Димой я с тех пор иногда переписывалась от нечего делать (ну ладно, в основном в те дни, когда Коля не писал и я начинала себя накручивать), однажды он даже позвонил, но выяснилось, что говорить нам особо не о чем, так что мы опять перешли на сообщения – это было лучше, чем пытаться заполнить неловкие паузы в разговоре. Володю я с тех пор видела один раз: автобус, доставивший нас с Аней в Лазаревское, забирал отдыхающих с предыдущего потока, и он оказался среди них. Несмотря на то что я проигнорировала его приглашение, он опять мне обрадовался и посетовал, что мы не попали в один поток. С другой стороны, если бы это было для него так важно, мог попытаться со мной договориться. Впрочем, это было не так важно.

Моя личная жизнь (отсутствующая) разочаровывала, а вот море в очередной раз не разочаровало. Пожалуй, тот отдых был на данный момент лучшим в моей жизни. Ощущение свободы и самостоятельности, большая студенческая компания – «сборная солянка» с разных факультетов, ночные прогулки... До тех пор считавшая себя убежденным интровертом, я вдруг обнаружила, что есть своя прелесть в каждодневном общении с кучей людей одновременно и что иметь много приятелей, пусть и не друзей, очень весело и увлекательно. К концу отдыха я подбиралась с пьянящим ощущением, что знакома со всей молодежью города, на «ты» со всем миром и являюсь его неотъемлемой, важной частью.

А в последний день произошло знаменательное событие – традиционное сообщение от Коли гласило: «Давай завтра увидимся». Вначале у меня по спине побежали мурашки, а потом я заорала: «Да-а-а!» – хорошо, что рядом в тот момент была только Аня. Она сразу поняла, почему я ликую, глядя в телефон, лениво проговорила: «Да неужто» и перевернулась, подставляя южному солнцу и так уже загоревшую спину.

Возможно, родители планировали провести вечер, слушая рассказы приехавшей дочки об ее прекрасном отдыхе, но ничем не выдали своего разочарования, когда я объявила, что у меня срочная встреча. Папа изучающе посмотрел на меня (точно как шесть лет назад, когда я впервые упомянула о Коле – я прямо узнала этот взгляд) и сказал, что ничего против не имеет. Мама его поддержала. Оба деликатно

не стали меня мучить меня расспросами.

О чем я только не фантазировала, спеша на первое свидание с Колей. Нежные слова, долгожданные объятия и, конечно, поцелуи... Но сбыться суждено было немногому: сказав «привет, ну наконец-то увиделись», Коля мимоходом приобнял меня, а потом, бродя по летним улицам, мы болтали приблизительно о той же ерунде, что и в СМС. Коля общался со мной свободно и непринужденно, непохоже было, что он робеет от моей красоты. Я заподозрила, что он видит во мне просто хорошего друга.

Опять напомнила себе, что несколько лет назад пыталась подружиться с его якобы девушкой, только чтобы иметь возможность иногда его видеть. Дружба, приятельство – это ведь тоже прекрасно, у меня даже никогда не было парня-друга, и забавно, что им стал именно он, убеждала я себя мысленно, но уж от себя-то разочарование скрыть не могла. А вот удивления я не чувствовала. В глубине души я давно смирилась с тем, что никогда не буду с ним. Конечно, забыть не смогу, но придется, как обычно, убрать свои чувства в сундук с толстыми стенками и запихнуть поглубже, чтобы никому не мешали.

Все, однако, оказалось не так просто. Расписывая свой замечательный отдых, я вдруг услышала от Коли недовольное: «Тот Володя приехал, как собирался?» (с ума сойти, запомнил!), а чуть позже – еще более хмурое: «Кстати, ты не писала тому Диме, который в армии?». Прежде чем я оправив-

лась от приятного шока. Коля добавил уже помягче: «Да нет, ты не думай, я не из таких бешеных... не ревнивый. Просто интересно».

«Не ревнивый!» Значит, пусть пока он никак больше это не проявил, он воспринимает меня как девушку! И ему важно, что я думаю!

До конца встречи мы так и продолжали болтать о ерунде и на прощание снова лишь слегка обнялись, но вернулась я все равно сияющая как никогда. В тот вечер – после звонка Ане, разумеется – мне почему-то захотелось зайти к Лине на страничку «ВКонтакте». Была потребность поделиться именно с ней, но, как обычно, с ней образца восьмого класса – той, которой давно не существовало, – потому я ограничилась легким прикосновением к ее жизни через соцсеть.

С момента моего последнего визита она сменила аватарку – на новой фотографии Лина была снята в полный рост, если не ошибаюсь, на фоне Финского залива. Разглядев ее фигуру, я отметила, что после школы она слегка поправилась, но и это ей тоже шло. Этой девушке всю жизнь все шло.

Фраза в статусе стояла уже другая: «На темной и печальной горной тропе единственное, что возможно сделать – самой себе освещать путь». В графе «Семейное положение» тоже произошли изменения: вместо «все сложно» стало «не замужем». Возможно, закончились мучительные отношения, а теперь она была опустошена и надеялась обрести покой в одиночестве. Сделав этот спорный вывод, я покину-

ла страничку Лины, снова не добавив ее в друзья.

Постепенно для меня стали своеобразным ритуалом такие анонимные «визиты» к ней, особенно после каких-то поворотных моментов в отношениях с Колей. А они следовали один за другим. Каждая из наших вроде бы дружеских встреч приближала меня к вожаделенному статусу его девушки – поведение любимого хоть и понемногу, но все же менялось, приобретая романтический оттенок. Я довольно быстро обнаружила, что Коля неловок в ухаживаниях и до того смущается, что иногда выглядит жалким – прямо как в школе у доски.

Однажды, набравшись смелости, он прямо спросил, есть ли у меня парень. Вид у него при этом был такой, будто он готовился прыгнуть с парашютом. Я застенчиво ответила «нет» и уже мысленно отпраздновала победу («Ура, он предложит мне встречаться сегодня, в день моего восемнадцатилетия, как это прекрасно!»), но, видимо, испугавшись собственной решимости, Коля стал вести себя подчеркнуто отстраненно, будто мы не были даже друзьями. Однако огромный букет роз, вместе с открыткой, на которой было изображено сердечко, все еще вселяли в меня оптимизм.

А потом... потом он наконец поцеловал меня. Его активность носила исключительно спонтанный характер, и он сделал это в очередном ее приступе – тогда, когда этого меньше всего ожидали и я, и, похоже, он сам. Мы стояли в «Макдональдсе» в очереди за мороженым. Момент был не слишком

романтичным.

– Черт, я деньги забыл, мне на два рожка не хватит, – простодушно признался Коля, выворачивая карманы. – Только что это понял. Прости! Может, один на двоих возьмем?

– Не волнуйся, – улыбнулась я, – я за себя заплачу. У меня и мелочь как раз была...

Я мысленно чертыхнулась: зачем отказалась? Было бы так круто есть с ним одно мороженое... а если теперь передумаю, будет выглядеть странно. Ощущая легкую досаду, я достала кошелек и уже открыла его, когда Коля внезапно притянул меня к себе и прижался губами к моим губам – прямо на глазах у пары десятков людей. От неожиданности я опрокинула кошелек, и монеты, звеня, посыпались на пол.

– Я подниму! – засуетился он и, нагнувшись, принялся подбирать деньги, а я смотрела на него и не могла поверить, что это все-таки произошло.

Коля Гусев меня поцеловал.

Аня обрадовалась за меня, но ни капли не удивилась.

– Не понимаю, почему ты в таком шоке – все шло к тому уже, наверное, месяца полтора, – заметила она.

– Ты и правда не понимаешь, – усмехнулась я, – когда ждешь и желаешь чего-то столько лет... и после того как сотни раз сказал себе, что этого не произойдет никогда...

– Ты опустошена?

– Именно. Хотя это меня поражает.

– Но хотя бы счастлива?

– Конечно.

– Испытала все-таки то, о чем говорят в мелодрамах?

– Не знаю. Это было круто, но так внезапно... надо бы повторить, чтобы распробовать.

– Прости, а если вдруг случится так, что... ну-у... он испугается всего этого и исчезнет с горизонта? Видишь же, каким он бывает нерешительным. Ты к такому готова? Выдержишь?

Аня всегда умела видеть вещи с разных сторон.

– Такое возможно, – не стала отрицать я. – И, конечно, выдержу, куда же денусь. Но возможно и другое. И я предпочитаю верить в другое.

– Вполне понятное решение. А теперь о главном. Когда ты собираешься отметить со мной это событие?

– Какое событие?

– Не глупи! *Это* событие!

– Поцелуй с Колей? Ой, да ла-адно...

– Ты думала так просто это оставить? Ждала семь лет, а теперь даже не хочешь распить с лучшей подружкой бутылку вина в честь исполнения желания? Я ее, между прочим, несколько недель как припасла. И именно на такой случай.

– О... – только и смогла сказать я растроганно.

– И что же?

– М-м... как насчет того, чтобы встретиться у тебя часа через полтора? Родители ведь ушли в театр, как и собирались?

– Да. И именно на этот ответ я рассчитывала, потому сейчас стою в супермаркете с коробкой твоих любимых конфет.

Аня была идеальной подругой – о лучшей я и мечтать не могла. И все же на свете был еще один человек, с которым я хотела бы встретиться в столь знаменательный день. Правильно – Лина образца восьмого класса. Поэтому, прежде чем выйти из дома, я залезла в интернет. И тут меня ожидал сюрприз: изменение в графе «Место учебы». Теперь здесь значился не СПбГУ, а факультет прикладной математики и информатики... в университете нашего города.

Тот вечер я, разумеется, почти не помню – алкоголь подействовал обычным для меня образом. Но, как бы то ни было, я добралась до дома сама и даже раньше десяти вечера. Родители, похоже, ничего не заподозрили.

В памяти остался только фрагмент нашей с Аней застойной беседы.

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, но в супермаркете, кроме конфет, я купила кое-что еще. Крепкий ликер, – сообщила она. – Слава богу, продавщица не потребовала паспорт.

– Еще и ликер?! – простонала я. – Не говори мне, что мы должна пить его сейчас! Мне домой надо попасть.

– Зачем сейчас? По моим подсчетам, через пару-тройку месяцев. Вряд ли больше.

– Какого такого важного события ты ждешь? Это связано с Ромой? – встрепенулась я, чуть не пролив вино.

– Да знать бы самой, что у нас с Ромой будет через пару-тройку месяцев, – мы встречаемся-то всего ничего.

– Тогда за что мы будем пить?

– За тебя и Колю. – Аня подмигнула, и до меня дошло, о чем она.

– О, да хватит! Мне даже представить сложно! – засмеялась я, а по спине побежали мурашки – немного страха смешанного с недоверием, немного удовольствия и предвкушения.

Неужели правда?!

– Точно тебе говорю. Это произойдет еще до Нового года.

Мое произведение не является любовным романом – с ними я покончила раз и навсегда. Поэтому я не собираюсь подробно описывать, как развивались наши отношения с Колей и как мы подошли к этой важной черте. Скажу только: к тому моменту я уже точно знала, что хотя Коля, безусловно, не интеллеktуал и не интеллигент и вообще, пожалуй, идеальным принцем из сказки его назвать сложно, в роли своего Первого Парня я представляю именно его и никого больше.

В принципе ни о ком больше я и не думала, но, оказывается, мне нужно было просто сформулировать эту мысль вот именно таким образом. И с тех пор уже я наконец стала думать о сексе как о чем-то применимом конкретно ко мне. Можно было, конечно, потянуть время для какого-то мифического приличия, но я не видела в этом смысла. О том,

что он хочет добиться меня и бросить, я тоже не беспокоилась. Коля не был похож на такого козла и никуда меня не торопил, но если вдруг у него и были жестокие намерения, я предпочитала узнать об этом раньше, а не позже. Так рассудила я, радуясь, что могу быть хладнокровной. На самом деле, конечно, не могла – только не в том, что касалось Коли. Но это не означало, что у меня нет самоуважения и головы на плечах.

Тут уже никакой спонтанности не было – наоборот, мы запланировали день и час, вели обсуждения, и это было забавно, потому что никто не произносил вслух, что именно должно произойти. Для Коли такая деликатность была не очень характерна – похоже, он не называл вещи своими именами не из приличия, а скорее от смущения и из боязни меня спугнуть. А я не называла вещи своими именами вслед за ним. Вот и получалось: «Слушай, а в тот вечер, когда мои родители уедут в гости, мне купить ароматические свечи или это лишнее?», «Как думаешь, лучше, если мы выпьем, или не надо – вдруг я потом ничего помнить не буду?».

Решили обойтись без свечей и алкоголя, без шикарного ужина и лепестков роз. Сюжеты моих любимых мелодрам не работали в реальной жизни: если экранные юные пары, часами готовясь к первому разу, потом с упоением бросались в объятия друг друга, то мы бы, скорее всего, ощущали скованность и груз ответственности: если все так торжественно, то должно пройти идеально, иначе никак. Но ведь, в конце

концов, секс, даже первый, не испытание с кучей подводных камней, а всего лишь способ стать ближе.

Не буду говорить, что совсем не волновалась – было, конечно. И у него тоже. Закрыв за мной дверь, Коля сурово и слегка испуганно спросил:

– Оля, ты хочешь заняться со мной любовью?

Я еле удержалась от нервного смеха, но взяла себя в руки и смогла ограничиться улыбкой и уверенным кивком.

Потом мы лежали поперек его кровати и наблюдали, как постепенно темнеет за окнами. Было двадцатое декабря, около пяти вечера. Я мысленно проговорила эту дату, чтобы запомнить ее навсегда.

– Ты, конечно, знала, что это будет сегодня?

Возможно, я любила бы Колю чуточку больше, если бы он не задал этот вопрос.

– Да. Конечно, – сказала я.

– И я знал.

– Да.

– У меня это было раньше.

– Я догадывалась.

– Но с теми девушками все было несерьезно. Не то что с тобой. Неужели у тебя правда впервые?..

– Ты знаешь.

– Ну да... просто сейчас такое редко встретишь.

– Тебе это не нравится?

– Что ты! Очень нравится. – Он поцеловал меня. – Не по-

жалела?

– Нет.

– Было здорово. Я сейчас даже понимаю, почему некоторым потом хочется закурить.

– Нельзя, ты спортсмен.

– Да вот... Как странно, слушай. У меня были долгие отношения только с Линой и с тобой.

– Три месяца – это долго?

– Для меня – да.

Я чуть было не спросила, что для него семь лет. Он ведь так и не знал, что я страдаю по нему с шестого класса. Возможно, время для такого признания было самое подходящее, но я промолчала.

– Так вот, я тогда даже подумать не мог, – с улыбкой произнес Коля, – что у меня так ничего и не случится с Линой, но когда-то случится с тобой!

Болезненный укол. Вспоминать в таком ключе о своей бывшей, впервые лежа в постели со мной... тут он перегнул палку. Я могла легко простить Коле неловкость, стеснительность и некоторую топорность, но не это.

– Эй, ты что? – встрепенулся он, когда я вскочила.

– Ничего, – бросила я, потянувшись за одеждой.

– Ты обиделась?! Но почему?!

Я все же посмотрела на него и увидела в глазах неподдельную тревогу и недоумение – похоже, он действительно не понимал, что сделал не так.

Ощувив что-то похожее на нежную жалость, я слегка успокоилась и терпеливо пояснила:

– Не стоило сейчас говорить о Лине.

– Оля, извини! – воскликнул Коля. – Это была просто дурацкая мысль, ну прости! Пожалуйста, Оля! Любимая...

От его слов я, конечно, растаяла – вообще он не был склонен к устному выражению чувств, так что было трогательно вдвойне. Я поцеловала его, и потом мы еще долго ласкали друг друга, почти не отвлекаясь на разговоры.

Через полчаса я произнесла:

– Лина, по-моему, вернулась и поступила в наш универ.

– Давай не будем о ней говорить, – нежно отозвался Коля.

Он усвоил урок.

Еще пару часов спустя он проводил меня домой. Едва переступив порог квартиры, я набрала номер Ани:

– Готовь ликер.

– Даже достала из бара, – информировала она.

Встречаться в этот день было поздновато, зато следующий – выходной – почти целиком выпал из моей памяти. Если бы я была алкоголичкой, то, наверное, к концу своей бесславной жизни не смогла бы вспомнить из нее ни одного дня.

Новый год я по традиции отмечала с родителями. Пару следующих дней провела в основном с Аней и Колей (по отдельности) и уже числа третьего решила зайти в интернет, чтобы поздравить знакомых и, как я надеялась, ответить на

поздравления. Я не посещала «ВКонтакте» с момента последнего на тот момент важного события в моей жизни (легко догадаться, что это за событие и зачем я зашла на сайт тогда).

Меня действительно ожидали несколько сообщений и пара-тройка виртуальных открыток с изображением елочных игрушек, зимних пейзажей и Деда Мороза со Снегурочкой. Кроме того, кто-то прислал заявку на добавление в друзья.

Я, кажется, уже писала: когда Маша весной сказала мне, что на свадьбе будет тот, кого я знаю, я сразу же поняла, что это Коля, хотя вроде бы ничто не предвещало. Вот и теперь, едва увидев надпись «Мои Друзья – 1», я уже чувствовала, от кого пришла заявка. Да, с тем же успехом это могла быть Анина знакомая, с которой мы ходили на елку, или очередная бывшая одноклассница, нашедшая меня через общих друзей, да кто угодно. Но интуиция меня не обманула: это был не кто иной, как Анфиса Егорова.

Подумав не дольше пары секунд, я нажала «принять» – и почти сразу получила сообщение: «Привет! С праздником тебя! Как ты там? Как учеба, как жизнь?» Оказывается, Лина была онлайн. Ну что ж, почему бы не ответить? «Здравствуй, Лина!» – написала я и засомневалась: может, ее так уже давно никто не называет? В конце концов, на сайте она указана под настоящим именем. А если она и оставила правило «Лина – только для друзей», я уже все равно не принадлежу к их числу... И что за «здравствуй»? К чему такая

официальность?

Я стерла написанное и начала печатать заново: «Привет, Анфиса! И тебя с Новым годом! Я учусь на филфаке, получаю повышенную стипендию. И в целом все у меня хорошо». Последняя фраза была весьма туманной, но что еще можно было ответить на вопрос «как жизнь?» человеку, с которым не общался годами?

Однако Лину не устроил ни тон моего письма, ни его содержание.

«Анфиса?! Эй, Делия, ты чего?! Кажется, тебе я с первой недели знакомства разрешила называть себя Линой! Насчет стипендии – молодец, не сомневалась. Но у вас там, наверное, скуотища и совсем нет парней?»

Я не удержалась от улыбки. Ее фирменное слово... Мы будто снова стояли с «Твиксом» у кабинета биологии, а она рассказывала, как круто было в ее прошлой школе и как уныло в этой.

Ну да, у моего нынешнего места учебы тоже имелись свои слабые места.

«А у тебя в Питере, видимо, было весело и много парней, но ты ведь оттуда ушла, насколько я понимаю? Не представляю, что же могло случиться?» – не отказала себе в удовольствии съязвить я, но на душе было тепло.

«Ну да, ушла, теперь я здесь. – Подумать только, написала «здесь» правильно, не то что раньше. – Много всего случилось».

Похоже, Лине тоже не очень хотелось делиться со мной подробностями своей жизни. Интересно, зачем она вообще объявилась?

Зайдя на ее страницу, я прочитала новый статус: «Для того чтобы жить, человеку нужны воспоминания, как топливо. Все равно какие – все сгодится, лишь бы огонь не погас». Я решила, что раз беседа зашла в тупик, самое время спросить, откуда она берет эти цитаты. Только теперь понимаю, что выдала себя с головой – формулировка вопроса означала, что я бывала на ее страничке раньше. В то время в соцсети не показывалась история статусов.

«А, я в последнее время увлеклась японской прозой», – ответила Лина и перечислила ряд непроизносимых имен и фамилий, из которых я слышала только парочку. Стало немного стыдно – я же гуманитарий, а она «технарь»!

«Этот статус – тоже из японской прозы?»

«Да, из «Послемрака» Харуки Мураками. Ты должна знать его, все знают».

«Его я как раз знаю. Правда, только понаслышке. Советуешь почитать?»

«Если ты настроена на неспешное, глубокое, чисто философское повествование, то непременно. Просто я в последнее время много занимаюсь анализом происходящего и самоанализом».

Лина – и самоанализ?! Что же такого у нее происходит?!

«Хм, понятно», – напечатала я.

«Может, увидимся, пока праздники идут?»

Именно этого сообщения я и ждала. И знала, что напрягусь, прочитав его. С одной стороны, что может быть естественнее, чем встретиться с школьной подругой после долгого перерыва? А вот с другой...

О чем нам говорить? Все годы, пока мы не общались, ее образ был для меня чем-то сакральным, и я не хотела портить впечатление неловкими паузами и болтовней на общие темы. Так было у меня с Колей, но Коля – совсем другое дело... Разве я хочу возобновить отношения с Линой – с этой, незнакомой Линой? У нас обеих столько всего в жизни произошло – и не бесследно же...

А если она спросит о моей личной жизни? Как она отреагирует на правдивый ответ? Да, много воды утекло, но вряд ли ей будет приятно. Некоторые вещи не имеют срока давности. Например, я-то думала, что давно не беспокоюсь о том древнем эпизоде Коли и Лины на моей даче, но стоило ему в интимный момент упомянуть о ней, как эта картина встала у меня перед глазами так, будто это было вчера.

Пока я размышляла, мне пришла еще одна заявка на добавление в друзья. Как ни забавно, на сей раз интуиция промолчала, а это оказался Коля. Наконец зарегистрировался на сайте! Разумеется, заявку я приняла, и через пару минут у меня на «стене», то есть у всех на виду, красовалась надпись: «Привет солнышко! Вот и я тут».

Я не планировала выставлять наши чувства на всеобщее

обозрение, в частности на обозрение бывшей подруги, но стереть такое у меня рука не поднялась. Пусть даже в сообщении была пропущена запятая. Коля все еще нечасто обращался ко мне так нежно. Да и почему я должна скрывать своего любимого человека? Что подумает Лина – ее проблема. Я ответила Коле на стене «привет, милый», а потом, довольная своей независимостью от чужого мнения, отвлеклась ненадолго от компьютера. Лине я так ничего и не написала, но это могло подождать еще немного, пока я взвешу «за» и «против».

Но когда я вернулась через полчаса, все было решено за меня. «Ты не поверишь! – гласило сообщение от Коли. – Мне пишет Лина! Она рада что мы вместе. Предложила нам втроем завтра встретится. Я согласился! Правильно же? Ты только не думай, если б в двоим, я бы не пошел».

«Я не из таких бешеных, не ревнивая», – напечатала я и немножко слукавила.

– А у тебя все тот же неприступный вид. – Этими словами бывшая подруга встретила меня на крыльце дешевого студенческого кафе. Место встречи выбирал Коля.

– Будь ты парнем, по-прежнему не подошла бы? – отозвалась я.

– Не-а, – помотала головой она.

– А по-моему, Оля изменилась, – влез Коля. – В школе вечно была какая-то строгая, вся такая... сама по себе... а

сейчас...

– И сейчас такая же.

– Нет, сейчас более открытая. А еще очень красивая, вот! – выпалил он.

– С этим никто не спорит. – Лина пристально посмотрела на меня. – А обнять тебя можно? Знаю, ты это не очень любишь.

– Да ну, тот бзик в прошлом.

– Тогда ты и правда сильно изменилась. – Она протянула ко мне руки, и мы наконец обнялись.

«Духи с запахом сирени. Волосы цвета баклажана. Огромные серьги-кольца в ушах. Короткая юбка, несмотря на зиму. Короткий пуховик. И сапожки на каблуках, – неустанно сканировал мой мозг. – Похоже, по-прежнему бросает все силы на то, чтобы производить впечатление. Но сейчас это уже не подростковая блажь. Это какое-то... отчаяние, что ли».

Выпустив из объятий меня, Лина тут же распахнула их для Коли, и я отвернулась. Не хотелось мне на это смотреть. Откровенно говоря, я стала избегать взглядов в сторону Коли, как только мы подошли к кафе – все-таки боялась увидеть то же, что и шесть лет назад: восторг в глазах и приоткрытый от восхищения рот.

– Давайте зайдем, а то холодно, – предложила Лина.

Разумеется, в кафе было полно народу – праздничные дни все-таки. Мы с трудом нашли единственный свободный столик в углу и поспешили занять его. К моему глубочайшему

удовлетворению, Коля придвинул стул поближе к моему, так что мы оказались вдвоем напротив Лины. Он взял под столом мою руку, но я была так напряжена, что не ответила на пожатие.

– Здесь, я вижу, надо самому подходить к стойке, чтобы сделать заказ, – оглядевшись, заметила Лина.

– Вы придумайте, что хотите заказать, а я встану в очередь, – вызвался Коля с готовностью.

Может, чувствовал мое настроение и инстинктивно хотел сбежать? Я и сама толком не знала, почему мне так неуютно.

Мы определились с заказами довольно быстро, и Коля удалился к стойке, оставив нас с Линой вдвоем.

– Посмотри на меня. – Это первое, что она сказала.

Переборов себя, я подняла взор. Ее ярко накрашенные губы изогнулись в усмешке.

– Вот умница, Делия. Расслабься.

– Мне зовут Оля, – нервно отреагировала я.

– А меня Анфиса. Очень приятно. Вернемся на шесть лет назад? Итак, я сяду с тобой, хорошо? Уже села. И не дуйся на меня – мне не нужен твой Гусев. Я рада, что вы наконец-то вместе. Еще можешь сразу называть меня Линой. Мне восемнадцать, имя я не сменила, замуж не вышла. Теперь мне кажется, что в брак надо вступать не раньше тридцати лет, «Ангелина» звучит паршивее некуда, а фантазировать ради создания крутого имиджа глупо. Тем не менее я та самая Лина, которая когда-то читала твой первый роман,

отмечала день рождения у тебя на даче и рассказывала тебе о своей любви к...

– Это был не первый мой роман, – перебила я зачем-то. – Первый был о тебе. Правда, он никогда не продвигался дальше второй страницы, да и тот несчастный лист я все время рвала.

– Ох, Делия, как же я скучала.

Не знаю даже, что за переворот произошел в моем сознании, только после этих ее слов нам снова было по тринадцать, мы сидели на уютной кухне Лилиной бабушки и обсуждали личные переживания за чашкой чая. Только теперь у меня уже было то, о чем я мечтала тогда: идеальная подруга и любимый бойфренд. А она уже попыталась построить отношения с Пашкой Журавлевым.

– Услышав, что он едет поступать в питерский университет и я, возможно, никогда его не увижу, я осознала, как это глупо – просто дать уйти из своей жизни единственному человеку, в которого была влюблена, – рассказывала Лина.

Коля, к тому времени вернувшийся за столик, никак не отреагировал на открытое признание бывшей девушки в том, что она никогда его не любила. Может, он и не связал ее слова с их прошлыми отношениями.

Не то чтобы у Лины совсем ничего к нему не было – когда Коля ушел из школы, она затосковала и даже вообразила, что снова хочет быть с ним. Правда, довольно быстро поняла, что не хватает ей скорее поднимающих самооценку чувств,

которые испытывал к ней Коля, чем его самого. Обо всем этом я узнала от нее позже – пока же лишь помнила ее односложный искренний ответ на вопрос о том, скучает ли она по нему, в начале девятого класса.

– Я убедила родителей, что образование в Питере будет гораздо лучше нашего, и папа согласился оплатить мне обучение, – продолжала Лина. – Ни ему, ни маме в голову не приходило, что я так стремлюсь в Питер не ради хорошего образования. Был, конечно, риск, что кто-то из нас – Пашка или я – не поступит, но тут уж оставалось уповать на судьбу. Оба поступили. Даже не могу объяснить, как вышло так, что мы стали парой. Тогда мне это казалось естественным – иначе ради чего я приехала? – но ведь Пашка никогда не делал мне авансов. Вряд ли все решил мой новый имидж – скорее, он увидел во мне отдушину в чужом городе. Я не вела себя вызывающе, не клеилась к нему – мы просто общались, и уже осенью приятельские отношения переросли в нечто большее. Я жила в общежитии, с зимы иногда по несколько дней проводила в его съемной квартире. А потом мы начали ссориться из-за ерунды, все меньше радовались встречам – в общем, подостыли друг к другу. Летом стало ясно, что отношениям конец. Я прикинула: больше меня в Питере ничего не держит. Забрала документы из универа, вернулась домой и довольно легко перевелась сюда, к нам.

– Не жалко было все бросать? – спросила я изумленно.

– Родители в шоке были? – одновременно со мной произ-

нес Коля.

Лина ответила сразу обоим:

– Родители удивились, но и обрадовались. Особенно мама – с папой-то я и так редко вижу, а ей без меня очень грустно. И бабушке, кстати, тоже, она же теперь с нами живет. Уезжать было не жалко. Учиться в Питере сложно – у нас гораздо легче, группа была так себе, ни с кем кроме Пашки я толком не общалась. Без него там стало бы совсем неудобно. Так что я знала, что поступаю правильно. Можно было при желании и перебороть себя, остаться там, но смысла я не видела.

– Он тебя не останавливал? – осведомился Коля.

– Нет, зачем, – пожалала плечами Лина. – Все перегорело. И с моей стороны тоже. Но я рада, что мы попыталась. Сейчас у меня уже не осталось нереализованных желаний. Можно сказать, я счастлива здесь и сейчас.

– И не чувствуешь никакого привкуса горечи? – Спросив об этом, я, видимо, слегка стушевавшись, опустила взгляд и уткнулась им в Линин десерт.

– Откуда у клубничного чизкейка привкус горечи? – вмешался Коля.

Я прыснула и вдруг впервые с тревогой подумала: что, если и мы вот-вот начнем ссориться из-за ерунды и меньше радоваться встречам? Мы все-таки настолько разные...

В тот вечер затрагивалось много тем. Свадьба Маши и рождение Даши – впервые услышав об этом от меня, Лина

потребовала подробностей. Судьба Лизы и Сони – с ними Лина редко, но общалась. Летний отдых – его у нее так и не было, а следующим летом она планировала скопить денег и рвануть в Испанию, ведь это ее детская мечта (тут-то я и поняла, что после восьмого класса они с мамой там не были). Встреча Нового года, конечно.

– Где-то до часа ночи я была с мамой и бабушкой, а потом пошла с двумя однокурсницами на елку, – сообщила Лина.

– О, уже подружилась с новыми однокурсницами, – заметила я.

– Подружилась? Не-ет. Они мне нужны... для учебы. – Увидев мое выражение лица, она расхохоталась. – Шутка! После года в питерском университете я сама им там всем помогаю. Так что если кто кого и использует, так это ни меня. Я так с людьми больше не поступаю. Мне было слишком стыдно после того случая с тобой... Ха, Делия, а я знала, что ты опять поверишь! Как тогда с Брасовой...

– Ой, молчи, – замахала руками я.

– Прости! Я была на тебя смертельно обижена! Не могла упустить такой шанс тебе отплатить.

– Да я понимаю...

Бедный Коля взирал на нас с недоумением: он не знал, почему Лина называет меня Делией, как и когда она меня использовала, на что была зла и при чем здесь Брасова. Здесь он был лишним. Все это было только между нами. У нас с Линой, как и у всех давних подруг, была куча сокровенных

общих воспоминаний.

При мысли об этом меня вдруг охватило странное чувство.

«Дружба – это почти как любовь»... всегда ли? С Аней у нас именно дружба – крепкая, приятная, чуждая обожествления. В Настю я была скорее влюблена – разумеется, не в эротическом, а в психологическом смысле. С Машей началось с чего-то вроде «брака по расчету»... А с Линой – да, это любовь. Та, что оставляет отпечаток на всю жизнь. Я ведь помнила о ней все эти годы – и неважно, что мы совсем не общались...

Я смотрела, как Лина улыбается, отвечая на какой-то вопрос Коли, теревит сережку в ухе – немного кокетничает, конечно, чисто инстинктивно. Наконец проследив за его взглядом, я обнаружила, что в нем нет ни обожания, ни восхищения – всего лишь умеренный вежливый интерес.

Лина... Как же давно ко мне в последний раз приходило осознание, что я люблю кого-то. Те немногие, кого я любила, удостоились этого либо как-то постепенно, либо очень давно. Даже встретив Колю на свадьбе у Эдика, я не подумала: «О боже, да ведь я люблю его!» – в глубине души я отлично знала, что в этом плане с шестого класса ничего не менялось, ну однолюб я. С Аней тоже не было какой-то ярко выраженной вспышки. Что-то похожее на осознание я ощутила, как ни странно, на свадьбе Маши, глядя на нее, потерянную и слегка измученную, тайком поглаживающую живот. Это был

приступ необъяснимой, острой нежности, которую я приняла за жалость. Да, я относилась к Маше гораздо менее равнодушно, чем привыкла считать во время нашего школьного «брака по расчету».

Но сейчас... сейчас это все-таки было другое. Более ясное и оформившееся, прочное и в то же время легкое чувство.

– Я тебя люблю, – прошептала я, не отрывая взора от Лины.

Она услышала. Перестала трогать сережку, сосредоточила на мне взгляд – какой-то особенный, то ли жадный, то ли требовательный, будто ей хотелось сказать «повтори». На всякий случай я повторила. И тогда она просияла, словно всю жизнь мечтала это услышать.

– И я тебя люблю, – проговорила она.

– Как трогательно! – прокомментировал Коля, но ему все равно не удалось испортить этот момент.

Эпилог

На этом, пожалуй, я завершу историю. Красивый финал, правда? Ну правда же у меня получилось??

Сейчас мне двадцать два. Я с отличием окончила филфак, а потом меня угораздило попасть в аспирантуру – в основном потому, что не было достойных альтернатив. Так что я продолжаю считать буквы «л» в «Страданиях юного Вертера», теперь еще более вдумчиво. Параллельно подрабатываю то тут, то там – свободного времени достаточно. Именно по-

этому наконец и добила эту книгу.

Начала я ее на четвертом курсе по совету Лины. К тому времени до меня дошло, что любовный роман – это все-таки не мое, но не писать я не могла и не хотела. Бросилась на поиски своего жанра: начала даже исторический роман и детектив, но единственным ощутимым результатом стало расширение моего кругозора в области криминологии и крестьянского быта России в восемнадцатом веке – я больше сидела в интернете в поисках информации, чем писала.

Мне в очередной раз показалось, что я так никогда и не доведу ни один сюжет до конца. И тогда Лина подсказала простой и еще не испробованный путь: написать о том, в чем я разбираюсь лучше всего – о себе.

Для мемуаров было, пожалуй, рановато, но ведь можно было писать о чем угодно, рассказать любую произошедшую со мной историю, осветить любую сферу моей жизни. Думала я недолго: самым интересным в своей биографии я давно считала развитие дружеских отношений – с их сложностью, надеждами и разочарованиями, предательствами и душевной близостью, с эволюцией моих представлений о дружбе.

За дело я принялась с энтузиазмом. Лина была моим постоянным советчиком и редактором. Правда, она часто концентрировалась не столько на стиле, сколько на смысле – то и дело, читая, вскрикивала: «Ты что, правда так обо мне подумала?!» или «Погоди, этого я не знала! Давай-ка поподробнее!» Позже, когда наши отношения с Аней после ее замуже-

ства стали налаживаться, к редактированию подключилась и она. Аня оказалась более строгим критиком: замечала неточности, тавтологии, описки.

Коля тоже горел желанием познакомиться с моей книгой. Я оценила этот порыв, так как раньше желания что-либо прочитать у него не возникало, но пока удерживаю его. Он ведь так до сих пор и не знает, что я была влюблена в него так давно! Надо ли ему это знать? И не обидят ли его мои непрозрачные намеки на ограниченность его интересов? Уж их не заметить никак нельзя!

Коля, любимый, если вдруг ты все это читаешь, знай, что для меня ты самый лучший! И – в тему нашего с тобой разговора: мне совершенно наплевать на то, что сейчас у нас обоих мало денег и мы не можем снимать вместе квартиру! Да, я простой аспирант, а ты учитель физкультуры в начальных классах – ну и что? Все еще впереди! Главное-то у нас с тобой есть.

Ох, вот опять о любви. Не к месту, да? Надеюсь, мои цензоры (Лина, Аня, привет вам и огромное спасибо за помощь) «пропустят» такой финал. В противном случае его придется переписать, а роман на какое-то время снова окажется неоконченным.

А мне безумно нравится ощущение, что я только что дописала книгу.